

ISSN (print): 2587-5434
ISSN (online): 2587-5523

International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists

Scientific Journal

WEST – EAST

Vol 1 N 1 (March, 2019)

Publishing House “**UNIVERSAL**”

Tbilisi 2019

UDC (უკ) 81+82
W-59

International, reviewed and referred scientific journal “ WEST-EAST ” published by the decision of members of the Board and scientific council of International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “ WEST-EAST ”

The journal is published **twice a year (March and October)**

Reception of materials (**deadline**) until **January 15 and August 15**

The publication of the electronic version of the journal on the site is expected **until March 15 and October 15**

Mailing of the printed version of the journal will take place **until March 25 and October 25**

We are Crossref member. Our organization is assigned the prefix DOI: 10.33739. The organization entered into Crossref registry. You can check the link: <https://www.crossref.org/06members/50go-live.htm>

The journal have: Idex- Crossref, ROAD-ISSN, Open journal Systems, e-library, OCLCWorldCat, etc. Each article of the journal is assigned a digital object identifier (DOI) for improved search and identification:

- Peer reviewed journal
- Year of foundation: November, 2018
- ISSN (print) – 2587-5434
- ISSN (online) – 2587-5523

- Release form: printed and electronic
- Language of texts: English, Russian,
- Language metadata: English, Russian,

Thematic orientation:

1. Linguistics
2. Media culture
3. Translation
4. Language Teaching Methodology
5. Information technologies in philology and language teaching
6. Pedagogics

Address for correspondence and submission:

134a , Tsothne Dadiani str, Tbilisi 0180, Georgia.

Tel.: (+995) 599 270746, (+995) 59 608966

WEB-page: <http://ispop.ge>

e-mail: ispop.ew@gmail.com

©“WEST-EAST”, 2019

Publishing House “UNIVERSAL”, 2019

4,A. Politkovskaia st., 0186, Tbilisi, Georgia ☎: 5 (99) 33 52 02, 5(99)17 22 30

E-mail: universal505@ymail.com; gamomcemlobauniversali@gmail.com

Editor-in-Chief: Zoia Adamia - PhD, prof. D.Gulia Institute of History, Language and Culture at Tskhum-Abkhazian Academy of Sciences (Georgia)

Executive Secretary: Nino Sanaia - PhD, prof. D. Gulia Institute of History, Language and Culture at Tskhum-Abkhazian Academy of Sciences (Georgia)

Scientific-Editorial Council

Chairman of the Scientific – Editorial Council: Valerij Mokienko – Professor, Doctor of Philological Sciences, Departement of the Slavic Philology, Saint-Petersburg State University, the head of the Phraseological School of the St.-Petersburg University. Professor Dr. h.c.em. Ernst-Moritz-Arndt-University Greifswald (Germany); the Honour Professor of the Olomouc University (Czech Republic) and the President of the Phraseological Commission by the International Committee of Slavists.

Harry Walter – Professor, Dr. Dr. h.c., University of Greifswald, Institute of Slavonic Studies (Germany)

Imre Pacsai – Habilitated Doctor of Philological Sciences, Professor, Nyíregyháza High School (Hungary)

Editorial Board

Olga Lomakina – Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, the Peoples' Friendship University (Russia)

Simona Korycankova – Professor, PhDr. Mgr., Ph.D. Department of Russian Language and Literature, Faculty of Education, Masaryk University, Brno (Czech Republic)

Elena Tareva – Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Institute of Foreign Languages, Moscow City University (Russia)

Maria Konyushkevich – Professor, Doctor of Philological Sciences, Department of Journalism of Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno (Republic of Belarus)

Tatiana Fedulenkova – Professor, Doctor of Philological Sciences, Department of Foreign Languages of Professional Communication of the Institute for the Humanities, Vladimir State university named after the Stoletov Brothers (Russia)

Victoria Diasamidze – PhD, Associate Professor, Batumi Shota Rustaveli State University (Georgia)

Anna Petrikova – PhD, Assistant Professor, Faculty of Philosophy of Presov University, Presov (Slovakia)

Roitberg Natalia – PhD, the lecturer of Foreign Language at the University of Haifa (Israel)

Leila Diasamidze – PhD, Language Center, Batumi Shota Rustaveli State University (Georgia)

**Международный, рецензируемый и реферированный научный журнал „WEST-EAST”
выходит, по общему решению членов правления и научного совета
Международной научно-педагогической организации филологов «ЗАПАД-ВОСТОК»**

Направления журнала:

1. Лингвистика
2. Медиакультура
3. Перевод
4. Методика преподавания языков
5. Информационные технологии в филологии и преподавании языка
6. Педагогика

Журнал издается – **2 два раза в год (в марте и в октябре)**

Прием материалов (дедлайн) до **15 января и (15 августа)**

Публикация электронной версии журнала на сайте ожидается до **15 марта (15 октября)**

Почтовая отправка печатной версии журнала пройдет до **25 марта (25 октября)**

Нашей организации присвоен префикс DOI: 10.33739. Организация внесена в реестр Crossref. Проверить Вы можете по ссылке: <https://www.crossref.org/06members/50go-live.htm>

Журнал имеет: **Idex- Crossref, ROAD-ISSN, Open journal Systems, e-library WorldCat** и др. Каждой статье журнала присваивается идентификатор цифрового объекта (DOI) для лучшего поиска и идентификации статьи

- Рецензируемый журнал
- Год основания: ноябрь 2018
- ISSN (печатный) – 2587-5434
- ISSN (электронный) – 2587-5523

- Форма выпуска: печатная и электронная
- Язык статей: Английский, русский
- Метаданные языка: Английский, русский

Научные статьи проверяются на плагиат

Адрес для корреспонденции:

Грузия, г. Тбилиси 0180, ул. Цогне Дадиани, N134а

Тел.: (+995) 599 270746, (+995) 59 608966

WEB-page: <http://ispop.ge>

e-mail: a.zoia777@gmail.com; ispop.ew@gmail.com

©West-East, 2019

Издательство “УНИВЕРСАЛ”, 2019

Тбилиси, 0186, ул. А. Политковской №4, ☎ : 5(99) 33 52 02, 5(99) 17 22 30

E-mail: universali505@ymail.com; gamomcemlobauniversali@gmail.com

Главный редактор журнала “WEST-EAST” - Зоя Адамия, доктор филологии, профессор, Институт «Истории, языка и культуры» Цхум-Абхазской академии наук (Грузия)

Ответственный секретарь журнала “WEST-EAST” - Нино Саная, доктор филологии, профессор, Институт «Истории, языка и культуры» Цхум-Абхазской академии наук (Грузия)

Научно-редакционный совет

Председатель научно-редакционного совета журнала “ WEST-EAST ” - В. М. Мокиенко, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Университет им. Эрнеста Морица Арндта, Оломоуцкий университет (Россия, Германия, Чехия)

Харри Вальтер - доктор филологических наук, профессор, Грайфсвальдский университет, (Германия)

Имре Пачай - хабилитированный доктор филологических наук, профессор, Ньиредьхазская Высшая школа (Венгрия)

Редакционная коллегия

О. В. Ломакина - доктор филологических наук, профессор, университет Дружбы народов, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Россия)

Симона Корычанкова - доктор филологических наук, профессор, университет им. Масарика (Чехия)

Е. Г. Тарева - доктор педагогических наук, профессор, Московский городской педагогический университет (Россия)

М. И. Конюшкевич - доктор филологических наук, профессор, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы (Беларусь)

Т. Н. Федуленкова - доктор филологических наук, профессор, Владимирский государственный университет им. братьев Столетовых (Россия)

Виктория Диасамидзе - доктор филологии, ассоциированный профессор, Батумский государственный университет им. Шота Руставели

Анна Петрикова - доктор философии, ассистент профессор, Прешовский университет (Словакия)

Ройтберг Наталья - доктор филологии, Хаифский университет (Израиль)

Лейла Диасамидзе - доктор филологии, Языковой центр, Батумский государственный университет им. Шота Руставели

Greetings from the Editor in Chief

Dear authors and readers!

We submit for your consideration the international electronic and printed scientific journal "WEST-EAST". Journal "WEST-EAST" is interested in becoming a part of an international family of philologists, teachers and young professionals.

The first issue of the journal was published in March 2019; the second issue will be published in October 2019. The International Scientific Council is headed by one of the leading linguists of the world, prof. St. Petersburg University (Russia), prof. Olomouc University (Czech Republic) and the University Ernest Moritz Arndt (Germany), President of the International Phraseological Committee of Slavists - V. M. Mokienko, members of the scientific committee and the editorial board of leading experts in the field of science, which they represent. In the first issue, 13 scientific papers were published in the following areas: linguistics, methods of language teaching and pedagogy. The authors of the papers are leading experts in these areas, as well as the works of young specialists and masters from different countries: Russia, Germany, the Czech Republic, Slovakia, Hungary and Georgia were published. Dear readers, access to the journal and papers is free, read and quote the authors of our journal. I want to thank our team: the executive secretary, the chairman of the scientific committee, the scientific and editorial board, the reviewers and the publisher for their work. I would also like to thank the authors of scientific papers for relevant research, interesting work, for the trust and support of our journal. We set ourselves a goal - to get into scientometric databases Scopus and WEB of SCIENCE. With your support, a respected team, scientific advice, editorial board, reviewers and authors, we will definitely achieve our goal.

*Respectfully,
Editor - in - Chief - **Zoia Adamia***

Приветствие главного редактора

Уважаемые авторы и читатели!

Представляем международный научный журнал "WEST-EAST". Журнал "WEST-EAST" заинтересован в том, чтобы стать частью международной семьи ученых-филологов, филологов - педагогов и молодых специалистов.

Первый номер журнала опубликован в марте 2019 года, второй номер выйдет в свет в октябре 2019 года. Научный международный совет возглавляет один из ведущих лингвистов мира проф. Санкт-Петербургского университета (Россия), проф. Оломоуцкого университета (Чешская республика) и Университета им. Эрнеста Морица Арндта (Германия), президент международного фразеологического комитета славистов - В. М. Мокиенко, члены научного комитета и редакционной коллегии, ведущие специалисты в той области наук, которую представляют. В первом номере опубликовано 13 научных статей по направлениям: лингвистика, методика преподавания языков, педагогика. Авторы статей, ведущие специалисты в этих направлениях, а также были опубликованы работы молодых специалистов и магистрантов из разных стран: России, Германии, Чешской Республики, Словакии, Венгрии и Грузии. Уважаемые читатели, доступ к журналу и статьям бесплатный, читайте и цитируйте авторов нашего журнала. Хочу поблагодарить нашу команду: ответственного секретаря, председателя научного комитета, научную и редакционную коллегию, рецензентов и издательство за проделанную работу. Отдельно хочу поблагодарить авторов научных статей за актуальные исследования, интересные работы, за доверие и поддержку. Мы ставим перед собой цель - попасть в наукометрические базы данных Scopus и WEB of SCIENCE С Вашей поддержкой, уважаемая команда, научный совет, редколлегия, рецензенты и авторы, мы обязательно достигнем поставленной цели.

*С уважением,
Главный редактор - **Зоя Адамия***

CONTENTS

LINGUISTICS

FROM THE HISTORY OF ONE UKRAIAN-RUSSIAN LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL NEOLOGISM - Valerij Mokienko (Russia)	10
COMPARATIVE ANALYSIS OF BIBLICAL PHRASEOLOGICAL UNITS (IN RUSSIAN, ENGLISH AND GEORGIAN LANGUAGES) - Zoia Adamia (Georgia)	20
FROM THE HISTORY OF RUSSIAN ANGLICISMS: FREE CHEESE OR FREE BREKFAST - Harry Walter (Germany)	27
LEO TOLSTOY'S PHRASEOLOGICAL DICTIONARY: PRINCIPLES OF CREATING A VOCABULARY, BUILDING A DICTIONARY, THE DIFFICULTIES OF A LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION, THE STUCTURE OF A DICTIONARY ENTRY – Olga Lomakina (Russia)	35
THE EASTERN ORIGIN OF THE HUNGARIAN WORDS <i>szik, szike, szigony</i> AND <i>sás</i> WITHOUT ETYMOLOGY - Imre Pacsai (Hunagry)	45
BUSINESS DISCOURSE AND ITS ROLE AS AN OBJECT OF BUSINESS AND COMMERCIAL LINGUISTICS - Olga Natkho (Russia)	55
INTERPRETATION POTENTIAL OF PROPER NAMES IN DERIVATIVES FUNCTIONING IN A POLITICAL DISCOURSE - Tatyana Sidorova (Russia)	66
ANALYSIS OF THE METAPHORICAL IMAGE OF THE <i>HORSE</i> IN FRENCH, RUSSIAN AND GEORGIAN LANGUAGES – Nino Sanaia, Zoia Adamia (Georgia)	74

THEORY AND METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

INSTRUCTION IN SPEECH ETIQUETTE AS A MEANS OF FORMATION OF SOCIO - LINGUISTIC COMPETENCE IN THE COURSE OF LANGUAGE EDUCATION - Janina Krejci, Simona Korycankova (Czech Republic)	83
CULTURE AS A KEY CONCEPT OF LANGUAGE TEACHING METHODOLOGY - Elena G. Tareva (Russia)	91
ORGANIZATION OF THE SPECIAL COURSE IN ENGLISH ON THE MAIN PROBLEMS OF SOCIOLOGY- Tatiana Fedulenkova, Ekaterina Solovyeva (Russia)	98
LINGUODIDACTIC PROBLEMS OF TEACHING CLOSE LANGUAGES- Anna Petrikova (Russia)	106

PEDAGOGICS

CHALLENGES POSED BY THE NEW PROFESSIONAL WORLD TO MODERN EDUCATION- Galina Petrova, Svetlana Gural, Valentina Barchugova, Marina Korneeva	115
--	------------

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО УКРАИНСКО-РУССКОГО ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО НЕОЛОГИЗМА – В. М. Мокиенко (Россия)	10
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БИБЛЕЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКАХ) – Зоя Адамия (Грузия)	20
ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ АНГЛИЦИЗМОВ: БЕСПЛАТНЫЙ СЫР ИЛИ БЕСПЛАТНЫЙ ЗАВТРАК?- Харри Вальтер (Германия)	27
«ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЯЗЫКА Л. Н. ТОЛСТОГО»: ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ СЛОВНИКА, ПОСТРОЕНИЕ СЛОВАРЯ, ТРУДНОСТИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ, СТРУКТУРА СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ – О. В. Ломакина (Россия)	35
О ВОСТОЧНОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ВЕНГЕРСКИХ СЛОВ <i>szik, szike, szigony, szikáncs</i> И СЛОВА <i>sás</i> , НЕ ИМЕЮЩИХ ЭТИМОЛОГИИ - Имре Пачаи (Венгрия)	45
ДЕЛОВОЙ ДИСКУРС И ЕГО РОЛЬ ОБЪЕКТА ДЕЛОВОЙ И БИЗНЕС-ЛИНГВИСТИКИ – О. И. Натхо (Россия)	55
ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ – Т. А. Сидорова (Россия)	55
АНАЛИЗ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ОБРАЗА <i>КОНЯ</i> ВО ФРАНЦУЗСКОМ, РУССКОМ И ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКАХ – Нино Саная, Зоя Адамия (Грузия)	74

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ

ОБУЧЕНИЕ РЕЧЕВОМУ ЭТИКЕТУ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА- Янина Крейчи, Симона Корычанкова (Чешская Республика)	83
КУЛЬТУРА КАК КЛЮЧЕВОЙ КОНЦЕПТ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ – Е. Г. Тарева (Россия)	91
ОРГАНИЗАЦИЯ СПЕЦКУРСА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ПО ОСНОВНЫМ ПРОБЛЕМАМ СОЦИОЛОГИИ – Т. Н. Федуленкова, Е. С. Соловьева (Россия)	98
ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ - Анна Петрикова (Словакия)	106

ПЕДАГОГИКА

ВЫЗОВЫ НОВОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МИРА СОВРЕМЕННОМУ ОБРАЗОВАНИЮ - Г. И. Петрова, С. К. Гураль, В. Р. Барчугова, М. А. Корнеева (Россия)	115
---	-----

LINGUISTICS

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-10-19>

Valerij Mokienko
Doctor of Philological Sciences, Professor,
St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)
e-mail: mokienko40@mail.ru

FROM THE HISTORY OF ONE UKRAIAN-RUSSIAN LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL NEOLOGISM

Abstract. The problem of lexical and phraseological interaction has been the focus of Slavic and Russian scholars from both theoretical and practical points of view. From a general Slavic perspective, such an interaction reveals the similarities and differences between Ukrainian and Russian vocabulary and phraseology, which is the result of a long historical development. The practical aspect of its study reveals cases of interlingual interference that is difficult to learn, allows you to install the corpus of "false translator friends", and provides useful material for compiling bilingual dictionaries of interlingual homonymy (Kochergan 1989, Kolomiets 1988, etc.)

The scope and consequences of the Ukrainian-Russian lexical and phraseological interaction are truly immense and extremely diverse – from the deep etymological impulses in the evolution of individual words and expressions (Mokienko 2000) to systemic influences and linguistic rejections nowadays (Mokienko 2001). Nevertheless, with all their diversity in most of them dominant can be traced: Ukrainian language preserves more ancient formal and semantic characteristics close to common Slavic, which makes a dynamic study of Russian vocabulary and phraseology almost impossible to use the material of the Ukrainian language.

Key words: *lexical and phraseological interactions, neologism, Ukrainian-Russian, history*

В. М. Мокиенко
Доктор филологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
e-mail: mokienko40@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО УКРАИНСКО-РУССКОГО ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО НЕОЛОГИЗМА

Аннотация. Проблема лексико-фразеологического взаимодействия интересовала и интересует славистов и русистов, как с теоретической, так и с практической точки зрения. С общеславистических позиций такое взаимодействие вскрывает сходства и различия украинской и русской лексики и фразеологии, ставшие результатом длительного исторического развития. Практический же аспект его изучения выявляет сложные для обучения случаи межъязыковой интерференции, позволяет установить корпус «ложных друзей переводчика», даёт полезный материал для составления двуязычных словарей межъязыковой омонимии (ср.: Kochergan 1989; Kolomiets 1988 etc.).

Масштабы и последствия украинско-русского лексического и фразеологического взаимодействия поистине необъятны и чрезвычайно многообразны – от глубинных этимологических импульсов в эволюции отдельных слов и выражений (Mokienko 2000) до системных взаимовлияний и языковых отторжений в настоящее время (Mokienko 2001). Тем не менее при всём их многообразии в большинстве из них прослеживается доминанта: украинские языковые факты хранят более древние, приближенные к общеславянским формальные и семантические характеристики, что делает динамическое исследование русской лексики и фразеологии без обращения к материалу украинского языка практически невозможным.

Ключевые слова: лексико-фразеологические взаимодействия, неологизм, украинско-русский, история

ВВЕДЕНИЕ

Проблема лексико-фразеологического взаимодействия интересовала и интересует славистов и русистов, как с теоретической, так и с практической точки зрения. С позиции общеславянистической перспективы такое взаимодействие вскрывает сходства и различия украинской и русской лексики и фразеологии, ставшие результатом длительного исторического развития. Практический же аспект его изучения выявляет сложные для обучения случаи межъязыковой интерференции, позволяет установить корпус «ложных друзей переводчика», даёт полезный материал для составления двуязычных словарей межъязыковой омонимии (ср.: Kochergan 1989, Kolomiets 1988 etc.).

Масштабы и последствия украинско-русского лексического и фразеологического взаимодействия поистине необъятны и чрезвычайно многообразны – от глубинных этимологических импульсов в эволюции отдельных слов и выражений (Mokienko 2000) до системных взаимовлияний и языковых отторжений в настоящее время (Mokienko 2001). Тем не менее при всём их многообразии в большинстве из них прослеживается доминанта: украинские языковые факты хранят более древние, приближенные к общеславянским формальные и семантические характеристики, что делает динамическое исследование русской лексики и фразеологии без обращения к материалу украинского языка практически невозможным.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Характерный пример украинско-русского неологизма – лексико-фразеологическая пара укр. *водночас* – рус. *в одночасье*. Образованные от древнего праславянского корня* *čas* ‘время’, это наречие и фразеологизм настолько близки по значению, что нередко русско- и украиноговорящими отождествляются, порождая межъязыковую омонимию. Переводчики, соблазненные общностью формы и значения этой пары, используют послед-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00214 «Человек и общество в зеркале новой русской фразеологии», а также при поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01062 – «Русская народная фразеология в лексикографическом освещении (принципы и разработка “Полного фразеологического словаря русских народных говоров”»), реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

ною как эквивалентную, не обращая внимание на тонкие семантические различия, которые для этой пары характерны. Один из типичных примеров – такая замена украинского слова русским выражением в популярной киевской газете «День», которая издаётся на украинском, русском и английском языках и переводится обычно весьма оперативно и качественно:

Що сталося за одну ніч із українським народом?! Хіба таке можливе: він, народ, раптом, *водночас*, увесь, як народ чеський – чеською, як поляки – польською, французі – французською, росіяні – російською, – заговорив рідною мовою? Людмила Тара. Щоденник. День, 15.09.98, с. 1.

Что произошло за одну ночь с украинским народом?! Разве такое возможно: он, народ, вдруг, *в одночасье*, весь, как народ чешский – на чешском, как поляки – на польском, французы – на французском, россияне – на русском, – заговорил на родном языке? Людмила Таран. Дневник.

На первый взгляд, русский эквивалент точно соответствует украинскому оригиналу. Ведь речь идёт о быстром, внезапном действии – потенциальной возможности мгновенного перехода всего украинского народа на пользование своим родным языком. Украинские и русские словари, однако, определяют соответствующие языковые единицы по-разному. Академический словарь украинского языка даёт для *водночас* основную дефиницию ‘в то же самое время; одновременно’ и лишь в качестве оттенка – ‘одновременно с этим’ (СУМ 1, 719), а в классическом словаре народного украинского языка Б. Гринченко близкие по образованию к этому наречию слова акцентируют именно значение «одновременности»: *одночасний* – ‘одновременный’, ‘современный’; *одночасно* ‘одновременно’, ‘современно (с чем)’. *одночасник* – ‘современник’ (Гр. 3, 42). «Большой толковый словарь русского языка» (БТС, 703) определяет выражение *в одночасье* как ‘в очень короткий промежуток времени, сразу’. Любопытно, что как в Большом академическом словаре, так и в авторитетном словаре под редакцией Д. Н. Ушакова оборот *в одночасье* формально не выделяется (хотя контексты отражают его актуальность), а дефинируется лишь само слово *одночасье* ‘промежуток времени в один час; короткий промежуток времени’ (БАС 8, 708), ‘промежуток времени в один час; около одного часа’ (ТСРЯ 2, 768). Вероятно, причина этого – следование лексикографической традиции В. И. Даля, в словаре которого оборот *в одночасье* даётся лишь как иллюстрация к существительному *одночасье* ‘один час, часовой срок’ (Dal’ 2, 654). Характерен и «разброс» функционально-стилистических помет этого русского слова и выражения: в последнем словаре они характеризуются как *обл.* (областное), в Большом академическом – как *прост.* (просторечное), а в «Большом толковом» – как *разг.-сниж.* (разговорно-сниженное).

Формальная и стилистическая разнородность при характеристике русского выражения *в одночасье* свидетельствует о его амбивалентном, пока ещё не выкристаллизовавшемся статусе. И действительно, хотя (как увидим ниже), этот оборот употреблялся в классической литературе давно, он приобрёл особую активность именно в современном языке – причём стал одним из излюбленных оборотов журналистов в постперестроечный период. Вот почему его можно характеризовать как своего рода фразеологический неологизм, т. е. оборот, особо актуализировавшийся со времён Перестройки (Mokienko 2003: 66–67).

В каких же значениях он теперь употребляется?

Самой доминирующей для него сейчас, пожалуй, является семантика **«быстрого, моментального возникновения, перемены (обычно к лучшему) чего-л.»**:

В нашем городе появился новый вид спорта – синхронное фигурное катание. Но, возникнув *в одночасье*, он может сразу и умереть. СПб. вед, 16.05.97, с. 5.

Прецедентов, сколько ни искали, в мировой практике найти не удалось: обычно, если уж природный газ из какой-нибудь системы отключается на года – эта система считается пришедшей в негодность. В Ереване к этой аксиоме прибавилось еще несколько дополнительных факторов риска. В годы кризиса около 18 процентов жителей столицы отъехали в более благоприятные регионы СНГ и дальнего зарубежья, и газовые краны в закрытых квартирах, оставаясь неостребованными, вполне могли оказаться открытыми. К тому же больше половины Еревана перешло на газовые баллоны, которые присоединялись к стационарным трубам нередко весьма кустарно. И если бы вдруг во всём городе *в одночасье* появилось централизованное газоснабжение – масштабы трагедии, по мнению специалистов, было бы даже трудно представить. Пол-Еревана просто взлетело бы на воздух. М. Вартамян. В Ереван вернулся газ. – МК, 9.09.97, с. 2.

Реформы *в одночасье* создали на прилавках ассортимент продуктов, правда, по совершенно неприличным ценам! КП, 30.08.96, с. 6.

Лас-Вегас можно считать младенцем, дата рождения которого доподлинно известна – 26 декабря 1946 года. В том далёком захолустном послевоенном городке проживало около 10 000 человек, сегодня число населения города перевалило за миллион. Мафиозные деньги *в одночасье* превратились в сказочный город в пустыне, где до сего дня правят четыре человеческие страсти: Игра, Развлечения, Секс, Еда. О. Новицкая. Город «Жёлтого дьявола». – Самовар, 1997, ноябрь, с. 8.

Как неудержимое веселье, бывает, сменяется приступами уныния, так и в Южной Корее откровенная радость вскоре уступила недобрым предчувствиям. *В одночасье* на мостах появились вооружённые блокпосты, на всех объектах государственного значения – усиленная охрана, в международном аэропорту Кемпо в капитанский багаж изъяли даже ножницы, а наиболее волнующим занятием для корейцев стало гадание – будет или не будет война. Изв., 20.02.97, с. 3.

Жизнь в Ереване нежданно-негаданно *в одночасье* оживилась. КП, 10.02.98, с. 1.

Что же всё-таки нас ждёт дальше? Климат в обществе *в одночасье* не оздоровить, от стресса и страха перед завтрашним днём не избавиться. АиФ - «Москва», 1999. – № 19, с. 22.

Через неделю в отделе морали «Комсомольской правды» меня подвели к полке с наклейкой «Почта Е. Тальзина» – там лежала, с каждым днём утолщаясь, пачка писем со всех концов страны. Со мной спорили, ко мне обращались за советом незнакомые люди, я *в одночасье* стал адресатом для сотен парней и девчат, пожилых людей. Выходит, задел за живое? Е. Тальзин. Жить как прежде не буду. КП, 10.01.88, с. 1.

На самое незначительное повышение размера и числа пенсий сегодня не находится средств. Кроме того, число пенсионеров *в одночасье* возросло почти вдвое – после принятия законов о ранних пенсиях работникам образования и здравоохранения. Изв., 14.02.97, с. 2.

Древние русские города Изборск и Печоры *в одночасье* стали Ирбоской и Петсери и были эстонскими целых двадцать лет, пока не пришло время Советского Союза. КП, 29.07.97, с. 5.

Близко к этому и значение **«мгновенного изменения (в лучшую сторону положения, статуса кого-л.)»**:

Не было сомнений, что Окуличос бросил вызов силам весьма влиятельным и многоликим. Средства массовой информации и народная молва *в одночасье* сделали панегижского предпринимателя чуть ли не национальным героем, таким «терминатором» – безжалостным борцом со злом. СПб. вед., 19.02.97, 4.

Согласитесь – нельзя стать гражданином *в одночасье*. Для этого нужен запас смелости, мужества, убеждений. С. Батраченко, Г. Игитян и др. Не обманем их надежд! КП, 10.06.89, с. 1.

Той дождливой ночью премьер-министр Джон Мейджор, возвращаясь с работы, подобрал на улице бездомного котёнка и «усыновил». Супруга этот поступок одобрила, и котёнок *в одночасье* из «нищего» превратился в «принца». КП, 27.17.97, с. 2.

Антонимичным является весьма частотное значение **«быстрая, мгновенная гибель кого-л., чего-л., полное разрушения чего-л., беда»:**

Мы потеряли родителей в один из страшных дней далёкого 1936 года, когда папу и маму увёз из дома ночью «чёрный воронок»... *В одночасье* были разрушены семейный очаг и любовь, а пятеро детей осиротели. Российская газета, 11.08.99, с. 2.

Посёлка Чоботы, что находился неподалеку от писательского городка Переделкино, теперь на карте нет. Московский мегаполис поглотил это местечко ещё лет пятнадцать назад, и размеренная сельская жизнь рухнула *в одночасье*. КП, 18.02.97, с. 5.

Лившиц, Ясин, Дубинин, наконец, Черномырдин – достаточно здравомыслящие политики, чтобы *в одночасье* разрушить всё, чего с таким трудом добивались. АиФ, 1996. - № 48, с. 5.

В том же негативном семантическом русле – употребления оборота, характеризующие **«мгновенную потерю кого-л., чего-л., лишения чего-л.»:**

В состав «Русского дома в Литве» входят русские общественные организации, русские газеты и представители российских фирм, сотрудничающих в Литве. Всех нас объединяет проблема 350 тысяч русских, которые *в одночасье* оказались за пределами своего Отечества. НДР и Регионы, 25.10.99, с. 5.

Первой «медной» волной из Козельска смыло все газы, самовары, дверные ручки. Теперь покати «второй вал» - алюминиевый. *В одночасье* козельчане лишились ложек, вилок и прочей легковесной утвари. Российская газета, 14.08.99, с. 6.

О правах инвалида Бурова, оказавшегося *в одночасье* без средств, на иждивении матери, которая в январе получила пенсию за ноябрь, никто из больших и малых его начальников даже не обмолвился. А. Калинин. Смерть в капустном чане и т. п. – Изв., 14.02.97, с. 5.

Это разгулявшаяся Алла, вместе со всем народом вкладывающая деньги в сомнительный фонд «Властилина» и *в одночасье* теряющая там несколько сотен тысяч долларов... АиФ, 1997. - № 10 (март), с. 3.

В одночасье леса исчезают не только у Шекспира. Они исчезают прямо у нас под носом. Московский комсомолец, 13.02.98, с. 2.

Взрыв в пятиэтажке *в одночасье* оставил без крова более 50 человек. СПб. вед., 17.02.98, с. 1.

Пользователи компании «America on-line», рискнувшие установить у себя фильтрующую программу под названием «Net Nanny», *в одночасье* лишились доступа к электронным угождам округов Миддлсекс, Эссекс и Сассекс. Исключительно по той причине,

что в названии этих округов присутствует сакраментальное словечко. Общая газета, 7.13.08.97, с. 12.

Двор деревенский и дом Барсику сразу же понравились. Дня три ходил он осматривался, обнюхивал новое местожительство, но ни с кем во дворе ни знакомства, ни дружбы не заводил. Потом *в одночасье* Барсик исчез. Звали, искали, горевали, записку у колодца повесили на случай, если кот кому-то на глаза попадётся. Нет, исчез, как в воду канул. В. Песков. Кот-вездеход. Шанс, 2000, январь, с. 2.

Молодая жена богача *в одночасье* становится вдовой. Российская газета, 9. 07.99. с. 20.

Наконец, логическим продолжением отмеченных семантических доминант нашего выражения являются и более частные – напр., **«прекращение какой-л. деятельности»** или **«переоценка ценностей»**. При этом, разумеется, главный семантический временной стержень – **‘мгновенно, внезапно’** – сохраняется и в таких случаях:

«Человеку отмерено где-то лет 80, так что у меня в запасе есть ещё лет 30, которые необходимо провести интересно и с пользой», – сказала она себе и *в одночасье* уволилась с работы. КП, 30.12.97, 7.

По подсчётам учёных, если онкологические заболевания вдруг *в одночасье* исчезнут, продолжительность человеческой жизни в среднем увеличится всего на 3 года. АиФ, 1997. - № 49, с. 20.

Понятно, почему такая книга написана в наше время и в нашей стране, где *в одночасье* были поставлены под сомнение многие ценности жизни и в том числе – традиционное распределение ролей во взаимоотношениях мужчины и женщины. Общая газета, 7–13.08.97, с. 11.

Аналитический обзор актуальных ныне контекстов русского выражения *в одночасье*, как видим, показывает, что его временная семантика достаточно зримо отличается от украинского паронима *водночас*. Значение ‘одновременно’, которое не «проглянуло» ни в одном из русских контекстов, весьма чётко и последовательно отражается украинскими текстами, что хорошо зафиксировано Большим академическим словарём украинского языка (СУМ 1, 719):

Буť агрономом і поетом, Їй Богу, можна *водночас*. М. Рильський. Поеми.

До Капітана Капітаніча Павлик Олеся наблизились майже *водночас*. Донч.

Хороша, барвіста *водночас* проста мова Івана Вазова зробила приступним його роман для найширших кіл читачів. П. Тичина.

И для текстов современной украинской прессы такая семантическая характеристика наречия весьма типична:

Водночас у ході слухань (а їх загалом набралось вже більше десятка) сплигло чимало фактів злочинного нехлюйства та командирської безтолковості деяких вищих чинів. Україна молода, 16.08.2000, с. 6.

«Ще підгодоване, обивательське місто», – обізвав столицю В. Луценко, але заявив *водночас*, що через місяць, 7 листопада, усе-таки закликатиме «підгодованих обивателів» на демонстрації. Вечірній Київ, 9.10.98, с. 1.

Как видим, при общем корне и глобально временной семантике укр. *водночас* и рус. *в одночасье* оказываются «ложными друзьями переводчика» и имеют разную направленность. Украинское слово характеризует прежде всего **одновременность** действий и протекающих событий, а русское – их **мгновенность, внезапность**.

Чем же обусловлены эти семантические различия?

Ответ на этот вопрос следует искать в этимологии и истории украинско-русского межъязыкового омонима. Этимологию, причём весьма лапидарную, собственно, предлагает лишь один словарь – этимологический словарь украинского языка, характеризующий наречие *воднѣчас* как «результат контаминации словосочетания *в один час* и наречия *одночасно* (ЕСУМ 1, 415). Для украинского слова такая расшифровка корректна, но требует существенного семантического уточнения, объясняющего различия украинского и русского слова *час*. В украинском языке и большинстве фразеологизмов это слово имеет древнее общеславянское значение ‘время’: *в останній час, деякий час, того часу, найближчим часом, на довгий час* и т. п. Древняя семантическая инерция этого слова, конечно же, законсервировалась и в некоторых русских фразеологизмах: *в добрый час, не в добрый час, неровён час* и др. (Mokienko 2005: 26–30). Однако в современном русском языковом сознании оно давно уже потеряло обобщающее значение времени и закрепилось как характеристика его весьма конкретного отрезка – 60 минут. В результате такого развития рус. *час* стал межъязыковым омонимом укр. *час* и требует перевода иным словом – *година*. И в укр. обороте *в один час*, который контаминировался с наречием *одночасно*, древнее общеевременное значение сохраняется, позволяя буквально перевести его как «в одно [и то же] время».

В русском языке также имеется выражение (правда, устаревшее) *в один час* (Под влиянием характерной для русского языка актуализации слова *час* оно, однако, имеет иную семантику – ‘очень быстро, мигом’ (ФСРЛЯ 1995: 2, 360):

– Вижу, моя воительница совсем сбрендилла: распялась и угасла *в один час*. Н. Лесков. Воительница.

– Ты гляди, Максимыч, – со стариком надо жить осторожно, он тебя *в один час* вокруг пальца обернёт. Этакie вот старички едучие – избави Боже до чего вредны! М. Горький. В людях.

Хотя такое значение, как видим, во многом – результат «осовременивания» слова *час* на русской почве, но и оно имеет более старую традицию и вероятно заложена в семантическом синкретизме праславянского слова * *čas*. Ведь лишь такой синкретизм может объяснить наличие «краткосрочного» значения для др.-рус. оборота *въ одночасье* ‘за очень короткое время’ (XVI и XVII вв.): А что Дмитрей привёл кобылицу гнѣдую, и она на вербной недѣлѣ въ понѣдѣльникѣ *въ одночасье* сдѣлалась, умерла въ день. Переп. Хован. (XVII в.). (СРЯ XI-XVII вв. 12, 290). Ср. также др.-рус. *томь часѣ, в тыи часы* в скором времени’ (Sreznevskiy 3, 1071).

Временная раздвоенность русского оборота особенно явно прослеживается в русских диалектах, демонстрируя различные направления его семантического развития, впоследствии закреплённые как доминантные для русского и для украинского литературных языков. Вот некоторые фиксации такого рода: пенз. *в одночасье* ‘ночью, в середине ночи’ («Дело было *в одночасье*»); енис., свердл. ‘в короткий срок, быстро’ («Мотрена *в одночасье* яшницу сварила»); влад., урал. ‘одновременно, в одно и то же время’ («*В одночасье* со мной приехал») (СРНГ 23, 55); симб. ‘скоропостижно, внезапно’ («Схватило вдруг, *в одночасье* помер!») (Dal’ 2, 654); куйбыш., урал. *в одночас* ‘быстро, неожиданно’; новосиб. ‘одновременно’ (СРНГ 23, 55); пенз., *в одночась* ‘скоропостижно, внезапно’; *однѣчась* ‘то же’; вят., костром., свердл. *в одночас, одночасно* ‘скоропостижно, внезапно’; арх. ‘тут же, в то же время, быстро’; арх., перм. ‘скоро, тотчас’; арх. ‘в одно время, разом’ (СРНГ 23, 55). Доминантной для русского диалектного континиума, правда, и здесь остаётся семан-

тика «мгновенности, внезапности», что позволяет предположить, что новосиб. *в одночас* ‘быстро, неожиданно’; ‘одновременно’ – скорее всего, украинского происхождения: известно, что говоры Новосибирской области имеют смешанный характер в связи со значительным притоком населения из Украины. Ср. также кар. *одночасно* ‘скоропостижно’ («Когда прилив крови, так *одночасно* помирают, а она – сутки. Он *одночасно* помер»); кар. *одночась* ‘тотчас, сразу’ («Ушёл на берег, да *одночась* в воду и пал») (СРГК 4, 158); новосиб. *Одночастни тебя!* ‘полушутливое бранное выражение’.

В русских народных говорах хорошо представлена и словообразовательная модель нашего паронима, напр.: кар. *в односутки* ‘в течение суток’ (СРГК 4, 158); *в одиначье* ‘один раз’ (СРГК 4, 156); *в одномёстье* ‘кучно, в одно место’ (СРГК 4, 156) и т. п. Ср. также *начасье, злочасье, одночасье, бесчасье* и др. (ИИ СРНГ, 147).

Представленные языковые факты убедительно показывает, в каком направлении шло развитие лексико-фразеологического омонима в русском и украинском языках. Если в украинском он остался накрепко «пришвартованным» к древнему значению общеславянского слова * *čas*, то в русском он семантически менялся под влиянием его сужения. При этом произошла довольно ощутимая смена семантических доминант. Первоначально рус. *в одночасье* характеризовало «гибельные», «разрушительные» процессы, происходящие предельно быстро, внезапно – особенно чью-либо скоропостижную кончину, большое несчастье. Эта семантическая акцентировка, как мы видели, отражена и в древнерусском, и в диалектном употреблении нашего оборота, откуда она «перекочевала» и в контексты классиков русской литературы, закреплённые Большим академическим словарём (БАС 8, 708; 17, 791; Kveselevich 2003: 474) и некоторыми толковыми словарями:

Деревня сгорела дотла. Мужики *в одночасье* потеряли всё и сделали нищими. М. Е. Салтыков-Щедрин, Деревенский пожар.

– Крепко меня люди обидели, – начальники. А тут и Бог, вдобавок, убил: жена молодая да сынишко *в одночасье* померли. В. Г. Короленко. Убивец.

– Кто полезет к [Порт-]Артуру в такую непогоду? Если под берегом так мотает, то что же делается в море? *В одночасье* корабль обледенеет и пойдёт ко дну. В. А. Степанов. Порт-Артур.

Злые языки и по сей день говорят, что муж Татьяны – Сенафонт – чахленький, плюгавенький – умер *в одночасье*. Панфёров. Бруски.

Повылезло из неизвестных щелей и подворотен множество новых, невиданных никогда прежде людей, попёрло всё это по просторам жизни скопом, массой, силой. *В одночасье* одичало всё, поползло по швам, полезло шерстью дикой. Напаскудили кругом... В. Артёмов, *Диссидент*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной русской литературе и публицистике, как мы видели, произошла своеобразная семантическая «рокировка» этого выражения. Теперь оно часто употребляется и как характеристика положительных изменений, возникновения чего-либо нового и желанного, хотя и его «разрушительная» семантика также неплохо сохранилась. Украинское же наречие *водночас* не таит в себе никаких отпечатков внезапности и мгновенности происходящего, а сохраняет в себе доброе и старое значение «единовременности». Сохраняя в то же время и инерцию древнего взаимодействия и взаимовлияния двух близкородственных славянских языков.

REFERENCES

- БАС (1948-1965): Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyika. Tt. 1-17. (Bolshoy akademicheskiy slovar). M.-L.: izd-vo Akademii nauk SSSR,
- БТС (1998): Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyika. Sost. i gl. red. S.A. Kuznetsov. – SPb.: «Norint», 1536 s.
- Гр.: Grinchenko B. D. (1909, 1969, 1997) Slovar ukrayinskoyi movi. Tt. 1-4. Kiyiv, 1909; Kiyiv, 1969; Kiyiv, ta in.
- Dal'. (1955): Dal' V. I. Tolkovyy slovar' zhivogo russkogo yazyika. 3-e izd. Tt. 1–4. M.
- ЕСУМ (1983–2003): Etimologichnyi slovník ukrayinskoyi movi. Tt. 1–4. Kiyiv: Naukova dumka,
- ИИ СРПГ (2000): Inversionnyiy indeks k Slovaryu russkih narodnyih govorov. Sostavili F.P. Sorokoletov, R.V. Odekov. Pod red. F. Gledni. – SPb: izd-vo SPbGU, 570 s.
- Kveseleovich (2003): Kveseleovich D.I. Tolkovyy slovar nenormativnoy leksiki russkogo yazyika. Okolo 16 000 slov. – M.: 000 izd-vo «Astrel», 000 izd-vo «AST». – 1021 [3] s.
- Kolomiets (1988): Kolomiets N.F. Sopotavitelnoe issledovanie frazeologicheskikh sino-nimov russkogo i ukrayinskogo yazkuov i razvitie ukrayinsko-russkogo dvuyazyichiya // Dvu-yazyichie v sovetskom obschestve. Tezisyi resp. nauchn. konf. 11–13 maya 1988. – Vinnitsa, 170–172.
- Kochergan (1989): Kochergan M.P. Slovar russko-ukrayinskih mezh'yazyikovyih omonimov (soderzhanie i printsipyi postroeniya) // Russkiy yazyik: vzaimodeystvie s ukrayinskim. metodika prepodavaniya v usloviyah bilingvizma. Kiev: UMK VO, 23-34.
- Mokienko (2000): Mokienko V. M. K ukrayinsko-polskim leksicheskim i frazeologicheskim vzaimodeystviyam (ukr. halyava - pol. cholewa - rus. halyava, na halyavu) // Studia z filologii slowia
- Mokienko (2001): Mokienko V. M. Yazyikovyye izmeneniya v russkoyazyichnoy presse Ukrainyi // Sprachwandel des Russischen im Transformationsprozess am Ende des 20. und zu Beginn des 21. Jahrhunderts (= Rostocker Beitr
- Mokienko (2003): Mokienko V.M. Novaya russkaya frazeologiya. – Uniwersytet Opolski: Instytut Filologii Polskiej. – Opole, 168 s.
- Mokienko (2005): Mokienko V. M. Zagadki russkoy frazeologii. – 2-e izd., pererab. – SPb.: «Avalon», «Azbuka-klassika», 256 s.
- Srezn. (1893-1912): Sreznevskiy I. I. Materialyi dlya slovarya drevnerusskogo yazyika po pismennyim pamyatnikam. – T. 1-3. – SPb.
- СРГ: Slovar russkih govorov Karelii i sopredelnyih oblastey / Glavnyiy redaktor A. S. Gerd. Vyip. 1-6. SPb.: izd-vo SPbGU, 1994-2005.
- СРПГ (1965–2006): Slovar russkih narodnyih govorov. Pod red. F.P. Filina i F.P. Sorokoletova. Vyip. 1–40 (izdanie prodolzhaetsya). L.–SPb.
- СРЯ XI-XVII vv. (1975-2002): Slovar' russkogo yazyika HI-HVII vv. – Vyip. 1-26. M.: «Nauka»,
- СУМ (1970–1980): Slovník ukrayinskoyi movi. – V 11 t. – Kiyiv: «Naukova dumka»,
- ТСРЯ (1934–1940): Tolkovyy slovar russkogo yazyika // Pod red. D.N. Ushakova. Tt. 1–4. L.
- ФСРЛЯ (1995): Frazeologicheskii slovar literaturnogo yazyika kontsa HVIII–HH v. Pod red. A. I. Fedorova. Tt. 1–2. Novosibirsk: «Nauka»

Information about the author: Valerij Mokienko - Doctor of Philological Sciences, Professor, Departement of the Slavic Philology, Saint-Petersburg State University, the head of the Phraseological School of the St.-Petersburg University. Professor Dr. h.c. em. Ernst-Moritz-Arndt-University Greifswald (Germany); the Honour Professor of the Olomouc University (Czech Republic) and the President of the Phraseological Commission by the International Committee of Slavists. Chairman of the Scientific Council of International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST-EAST” (ISPOP), Chairman of the Scientific – Editorial Council of Scientific Journal “WEST-EAST”.

e-mail: mokienko40@mail.ru

Сведения об авторе: В. М. Мокленко - Доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия), Университет им. Эрнеста Морица Арндта (Германия), Оломоуцкий университет (Чешская республика). Президент Международного комитета славистов. Председатель научного совета Международной научно-педагогической организации филологов «Запад - Восток», председатель научно-редакционного совета международного научного журнала “WEST-EAST” .

e-mail: mokienko40@mail.ru

Manuscript received: 11/25/2018
Accepted for publication: 01 /25/2019
Рукопись получена: 11/25/2018
Принята к печати: 01/25/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-20-26>

Zoia Adamia
Doctor of Philology, Professor
D. Gulia Institute of History, Language and Culture
Tskhum-Abkhazian Academy of Sciences
(Tbilisi, Georgia)
e-mail: a.zoia777@gmail.com

COMPARATIVE ANALYSIS OF BIBLICAL PHRASEOLOGICAL UNITS (IN RUSSIAN, ENGLISH AND GEORGIAN LANGUAGES)

Abstract. Every culture is known to be distinctly defined by its language. Phraseological units are very effective modes of communication in everyday conversations, in political discourse, in the mass media, in literary works and in advertisements.

In this paper we have attempted to present phraseological units in three languages adapting bible words and expressions having certain pure linguistic features showing powerful universal and national culturological and language capacity.

The object of the work are words and expressions dating back to the Bible, and their equivalents in Russian, English and Georgian.

The paper describes the similarities and differences of the biblical phraseological units in three languages.

In conclusion, we will emphasize that the comparative analysis of Biblical phraseological units of various languages will be useful to compiling of the typological passport (Vladimir D. Arakin's idea (Arakin 1983: 1-35)) of phraseology of each concrete language.

Keywords: *comparative analysis, biblical phraseological units, expressions, language, translation*

Зоя Адамия
Доктор филологии, профессор
Институт «Истории, языка и культуры» им. Д. Гулия
Цхум-Абхазская академия наук
(Тбилиси, Грузия)
e-mail: a.zoia777@gmail.com

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БИБЛЕЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКАХ)

Аннотация. Известно, что каждая культура четко определяется своим языком. Фразеологические единицы - очень эффективные способы общения в быту, в политическом дискурсе, в средствах массовой информации, в литературных произведениях и в рекламе.

В статье мы представили библейские слова и выражения на трех языках, имеющие чисто лингвистические особенности, демонстрирующие мощный универсальный и фактически национальный культурологический и языковой потенциал.

Объектом работы являются фразеологизмы, слова и выражения, относящиеся к Библии, и их эквиваленты на русском, английском и грузинском языках.

В статье описаны сходства и различия библейских фразеологизмов в трех языках.

В заключение подчеркнем, что сравнительный анализ библейских фразеологизмов различных языков будет полезен для составления типологического паспорта (идея Владимира Д. Аракина (Аракин 1983: 1-35)) фразеологии каждого конкретного языка.

Ключевые слова: сравнительный анализ, библейские фразеологизмы, выражения, язык, перевод

INTRODUCTION

Language is known to be a means of communication between people and culture and a certain level of development of society. It is important to stress the point that “the Holy Bible is an exhaustible source of enduring phrases enriching the spoken language and the thought in general” (Fedulenkova 2018: 14).

Phraseological units are unique richness of lexicon of any language. They are not simply graceful expressions, emotions of thought, the history and events remaining in memory of people that are reflected in languages.

Phraseological units are speech units the contents, the capacity of thought and emotions of which have been isolated from "ordinary" lexicon and got independent art value.

We fully agree with V. Mokienko’s opinion that, the language of the Bible has a huge impact on the formation of the literary languages of many peoples since ancient times acquainted with Christian culture. The translations of the Holy Writ into national languages became a basis of book languages of Europe, including Slavic. Thus, that commenting on the text of the Bible is one of the most ancient and most traditional occupations of the philologists, many aspects of this difficult perspective should be referred to the little developed. Questions of specifics of assimilation by concrete languages of those elements which go back to the Bible text, about nature of their further development in each of these languages, etc. are that in particular (Mokienko 2003: 144).

Lomakina O.V. demarcates biblical phraseological units from words and phrases from the Bible relating to texts of Holy Scripture, including toponyms (Babylon, Nazareth, etc.), anthroponyms (Noah, Cain, etc.) (Lomakina 2018: 24-25).

REVIEW OF LITERATURE

Interest in biblical phraseological units has recently greatly increased. Dictionaries began to grow. Biblical phraseological units are used in everyday life and in the media.

Many scientists are engaged in the study of biblical phraseological units in a comparative aspect, conferences are held, monographs are published (M. Silva, Mac Cormac Earl R. F., V. G. Gak, K. N. Dubrovina etc.), lectures on biblical phraseology (A. V. Kunin, T. N. Fedulenkova etc.) dictionaries and reference books (V. M. Mokienko, H. Walter, D. Balakova, G. Lilich etc.).

As for the English biblical phraseological units A. V. Kunin, there are “English-Russian phraseological dictionary” (407 biblical phraseological units were studied and described).

English linguist Logan P. Smith (studied and described 158 biblical phraseological units).

As a special category of phraseological units for the first time, biblical phraseological units were singled out by English linguist Logan P. Smith in the twenties. Logan P. Smith only states the fact that there is a sufficiently large group of phraseological units in the language, going back to the Bible, and lists them. An English scientist lists 158 phraseological units of Biblical etymology, for example: the gift of tongues, Balm in Gilead, whited secure, a broken reed, and others (Fudulenkova 2018)

RESEARCH METHODS

Research methods in this work are: descriptive, comparative analysis method (R.R.K. Hartmann 1980: 69, 71), phraseological identification method (A.V. Kunin 1964: 9), comparative analysis of Biblical phraseological units of various languages will be useful to compiling of the typological passport (Vladimir D. Arakin's idea (Arakin 1983: 1-35)) of phraseology of each concrete language.

RESULTS AND DISCUSSION

The world of Slavic languages is huge as territorially and in the language relation. It is well reflected also in names of Slavic languages: West Slavic languages, Southern Slavic languages, East Slavic languages. They dispersed from each other many centuries ago, however, feeling of their relationship and unity by origin kept up to now. This unity is felt both in phonetics, and in morphology, and especially in lexicon. It doesn't mean that they simply repeat each other. In the course of centuries there were also distinctions, including in phraseological units, and as a whole in lexicon of Slavic languages.

If judging this problem on a current state of lexicon and phraseological units of Slavic languages, we will find two big layers of sources of phraseological units. First 'layer' is phraseological units which obviously 'smell' as paganism and second 'layer' is the phraseological units, originated by spread of Christianity in Slavic languages. This group of phraseological units is less original, than phraseological units of the first group. Let's give some examples both from the first, and from the second groups.

I-group

1. Phraseological units still having kept an echo of the paganisms: *Он (кто-то) на этом деле собаку съел.* (Approximately the English translation of this expression is the following: He has cut his teeth on (is very experienced in) this kind of tasks /business/). It is an echo of that time when it seemed to people that dog's food was the kind of food which enriched a person with magic knowledge.

2. *В тихом болоте черти водятся* (Here is the English version of this proverb: Still waters run deep). Why in the still waters (в тихом болоте)? Yes, because water is usually motionless in a bog. The fluid water is considered pure, and standing one is a whirlpool, quite often rotten water where unless only devils can exist.

3. *Луха беда начало* (A good beginning makes a good ending). It means that the beginning is the most difficult stage in any business. In this expression the first lexical component is un-

derstood now differently. The meaning of the word *беда* (trouble) is clear, but it is very difficult to understand the expression *луха беда* (dashing trouble).

II-group

Examples from the second group, i.e. phraseological units connected with Christian dogma: *Бога ради. Храни Вас Господь. Христа ради. Око за око зуб за зуб. Не судите, да не судимы будете. Люби ближнего своего, как самого себя.*

(For God's sake. Keep you the Lord. For Goodness sake. An eye for an eye and a tooth for a tooth. Don't judge and won't be judged. Love the neighbor, as thyself, etc).

Biblical phraseological units entered Slavic languages after the translation of biblical books. The Christian religion forced out pagan polytheism and became the only source of a Christian's belief, moral and of life of behavior of the Christian. As is known in the XVII century in Russia the book 'Како жити христианам' was created. In this peculiar treatise of a moral is rather described in detail how the Christian man and woman should live and behave. One of necessary conditions is a woman's humility to man's will: *Да убоится жена мужа своего.*

The main distinction in sounding and understanding of biblical phraseological units in Slavic languages is a lexicon, but not significance i.e. over time the same Christian concepts have been designated differently by synonymous words, for example, that for Orthodox a *молитва* (a prayer), and for Catholics is *месса* (a mass). Hence, there is an ironical expression: *Каждый поет свою мессу.*

With the spread of Christianity similar processes happened both in English, in Georgian, and other Christian languages. Let's give some examples from the Georgian language. Georgia has been in the sphere of world culture since ancient times. The Georgians are very ancient people with distinct national and cultural traditions. The Georgians church was one of the first of orthodox churches.

'According to Orthodox tradition, Christianity was first preached in Georgia by the Apostles Simon and Andrew in the 1st century.

It became the state religion of Kartli (Iberia) in 337'. (Toumanoff, Cyril, 1963:374-377), (Rapp, Stephen, 2007, 2012:138).

Georgian Orthodoxy has been a state religion in parts of Georgia since the 4th century and is the major religion in that country.

The new religion vigorously drove out old pagan religion and new phraseological units entered and were fixed in the people's life. In this regard one phraseological unit is interesting with what the Georgian national fairy tale usually begins. *ოც და არა ოც რა ღვთის უკეთესი რა იქნებოდა.*

In the German variant of the Georgian fairy tales, this beginning is not translated. The translator Vera Novek explained it so: Georgians at the beginning of fairy tales instead of the Supreme deity *მზე*, i.e. *солнце* (the Sun) '*მზის უკეთესი რა იქნებოდა*' replaced *ღვთის*, i.e. *солнце* (god) '*ღვთის უკეთესი რა იქნებოდა*' and didn't notice that this comparison of Christian god with something that contradicts understanding of God.

Examples from English, Russian and Georgian languages:

- You shall not murder (Exodus 20:13).

Не убий (Исход 20:13).

არა კლა (გამოსვლა 20:13).

• You shall not put The Lord your God to the test (Matthew 4:7).

Не искушай Господа Бога твоего (Исход 4:7).

არ გამოცადო უფალი ღმერთი შენი (სახარება მათესი 4:7).

• You shall not misuse the name of the Lord your God (Exodus 20:7).

Не произноси имя Господа, Бога твоего, всуе (Исход 20:7).

არ დაიფიცო ფუჭად უფლის, შენი ღვთის სახელი (გამოსვლა 20:7).

• You shall not commit adultery (Exodus 20:14).

Не прелюбодействуй (Исход 20:14).

არ იძრუში (გამოსვლა 20:14).

• Love your neighbor as yourself (Leviticus 19:18).

Люби ближнего своего как самого себя (Левит 19:18).

გიყვარდეს შენი ახლობელი, როგორც თავი შენი (ლევანნი 19:18).

• The Lord gave, and the Lord has taken away (Job 1:21).

Господь дал, Господь и взял (Иов 1:21).

უფალმა მომცა, უფალმა წაიღო (იობი 1:21).

• Let those love the Lord hate evil (Psalm 96:10).

Любящие Господа, ненавидьте зло! (Псалом 96:10).

უფლის მოყვარულნი, შეიძულეთ ბოროტება (ფსალმუნი 96:10).

• You shall worship The Lord Your God, and serve him only (Matthew 4:10).

Господу богу твоему поклоняйся и Ему одному служи (от Матфея 4:10).

უფალს ღმერთს შენსას თავყვანი ეცი და მხოლოდ მას ემსახურე (სახარება მათესი 4:10).

In English translation, we often come across the translation of the term *Господь Бог/ The Lord your God*. In language, the term was created which in due time was created for people—*lords*. In Orthodoxy such a lexicon actually isn't present. In Orthodoxy, there was an ancient lexicon: in Russian *Господь*, in Georgian - უფალი, ღმერთი. The word *господин* (in Russian), in this case (ბატონი) (in Georgian), isn't used, the word - *Господь* (the Lord) is used not *Господин Бог*, but *Господь Бог*.

CONCLUSION

The text of Bible is exclusively orthodox and canonized. That fact might have guaranteed a considerable monotony and similarity of its various translations into other languages. However, it is far not so. Russian and Georgian translations of Biblical phraseological units much more considerably coincide among themselves, than Georgian and English or Russian and English ones. It is apparently should be explained by the following:

1. The era of converting to Christianity by these or those people strongly influenced and character of translation, in particular, the lexicon and syntax of translation.
2. The Georgians and Russians keep to one tendency of Christianity, i.e. – Orthodoxy. It has been gone on for centuries. It has put its mark on their understanding of Christian dogmas, a role of religion in believers' everyday life.

3. The European countries and peoples, converting of Christianity, relied on the knowledge in the field of classical philology, folklore, myths elements which are seen in biblical texts and many times have been specified throughout centuries. For those centuries, both translators' skills and consumers' tastes of translations have changed (Adamia 2016: 36 - 37).

Every culture is distinctly defined by its language. Phraseological units are very effective modes of communication in everyday conversations, in political discourse, in the mass media, in literary works and in advertisements.

In the paper, we have attempted to present phraseological units in three languages adapting bible words and expressions having certain pure linguistic features showing powerful universal and actually national culturological and language capacity.

REFERENCES

- Adamia Z. (2016) *Lexical and Stylistic analysis of Russian, English, Georgian Biblical Phraseological Units*. S3 “Cross-linguistic and Cross-cultural Approaches to Phraseology”. ESSE BOOK OF ABSTRACTS Galway, 36-37
- Arakin V.D. (1983) *Struktur'naya tipologiya russkogo i nekotorykh germanskikh yazykov (edinit'sy sopostavitel'no-tipologicheskogo analiza yazykov): Dis. D-ra nauk v forme nauch. doklada* [Structural Typology of Russian and Some Germanic Languages (Units of Comparative-Typological Analysis of Languages: Habilitation Doctoral Dissertation in the form of a scientific report)]. Moscow: Moscow Lenin Teachers Training Institute.
- Ayto J. (2010). Oxford Dictionary of English Idioms. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press.
- Crystal D. (1977). *The Cambridge Encyclopedia of Language*. 2nd Ed. Cambridge University Press.
- Crystal D. (2010): *the King James Bible and the English Language*. 1st ed. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Fedulenkova T.N. (2018) *Lektsii po angliyskoy frazeologii bibleyskogo proishozhdenia* [Lectures on English Phraseology of Biblical Origin]. Moscow: Izdat. Dom Akademii Estestvoznania.
- Gelashvili E. (1999). *English for Students of History*. (p. 43), Tbilisi.
- Good News Bible* (1992). American Bible Society, New York.
- Oxford Advanced Learner's Dictionary*. (2007) Oxford University Press.
- Gamrekeli N. N., E.A. Mgaloblishvili E. A. (1966). *Gruzinsko- Russkiy frazeologicheskii slovar*. Sabch'ota sakartvelo.
- Hartman R. R. K. (1980). *Contrastive Textology: Comparative Discourse Analysis in Applied Linguistics*
Volume 5 of Studies in descriptive linguistics, ISSN 0171-6794
- Holy Bible (2011): King James Version (KJV). London: Collins.
- Kunin A.V. (1996). *Phraseology Course of the modern English language*. Vysshaya SHKOLA.
- Lomakina O. V. (2018) *Frazeologiya v tekste: Funkcionirovanie i idiosstil'*. Moskva
- Mac Cormac Earl R. (1976) *Metaphor and myth in science and religion*. Duke University Press, Durham.
- Mokienko V. M. (2013). *Bibleizmi v evropeiskoi frazeologii i paremiologii. Slavyanskaya frazeologiya i Biblia Kollektivnaya monografiya, 144-153* (pp.114-149). *University of Greifswald*
- Rapp, Stephen H., Jr (2007). "7 - Georgian Christianity". *The Blackwell Companion to Eastern Christianity*. John Wiley & Sons. (p. 138). ISBN 978-1-4443-3361-9. Retrieved 11 May 2012.

Ronald Ridout, Clifford Witting (1997). *Explanatory Dictionary of English Proverbs*. (p. 11), S. Petersburg.

Rockwood C. (2009). *Brewer's Dictionary of Phrase and Fable*. 18th ed. Edinburgh: Chambers Harrap Publishers.

Silva M. (1983) *Biblical Words and their Meanings*. Grand Rapids. Michigan, Academic Books.

Toumanoff, Cyril. (1963). "*Iberia between Chosroid and Bagratid Rule*", in *Studies in Christian Caucasian History*, (pp. 374-377), Georgetown.

Information about the author: Zoia Adamia – PhD, prof., Research worker of D. Gulia Institute of History, Language and Culture at Tskum-Abkhazian Academy of Sciences. Editor-in-Chief of Scientific Journal "WEST-EAST", Deputy Chairman of the Scientific Council of International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists "WEST-EAST" (Georgia).

e-mail: a.zoia777@gmail.com

Сведения об авторе: Зоя Адамия – Доктор филологии, проф., Институт «Истории, языка и культуры» им. Д. Гулия Цхум-Абхазской академии наук. Главный редактор научного журнала «WEST-EAST». Зам. председателя международной научно-педагогической организации филологов «Запад-Восток» (Грузия).

e-mail: a.zoia777@gmail.com

Manuscript received: 11/25/2018

Accepted for publication: 01 /25/2019

Рукопись получена: 11/25/2018

Принята к печати: 01/25/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-27-34>

Harry Walter
Prof. Dr. Dr. h.c.
University of Greifswald, Institute of Slavonic Studies
(Greifswald, Germany)
e-mail: walter@uni-greifswald.de

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN ANGLICISMS: FREE CHEESE OR FREE BREAKFAST

Abstract. The proverb *Free cheese is only in a mice trap* is intensively used in the Internet and in modern mass-media. Its prototype is the English expression *There ain't no such thing as a free lunch*. It has become a symbol of free goods, which can be very expensive.

The question "own or foreign?" in this case is much more difficult than with explicit anglicisms, for example, to be in one boat or Don't change horses in the middle of the river. The paper discusses the origin of the new proverb, its transformation. German parades are given.

Key words: *phraseology, established loan word from american english, new proverb, transformation*

Харри Вальтер
Доктор филологических наук, профессор,
Грайфсвальдский университет, Институт славистики
(Грайфсвальд, Германия)
e-mail: walter@uni-greifswald.de

ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ АНГЛИЦИЗМОВ: БЕСПЛАТНЫЙ СЫР ИЛИ БЕСПЛАТНЫЙ ЗАВТРАК?

Аннотация. Выражение *Бесплатный сыр бывает только в мышеловке* активно употребляется в Интернете и в масс-медиа и стал символом бесплатного товара, который может оказаться весьма дорогим. Ее прототипом является английское выражение *There ain't no such thing as a free lunch – Бесплатных завтраков не бывает*. Вопрос «Свое или Чужое?» в этом случае намного запутаннее, чем с явными англицизмами, напр., сидеть в одной лодке или *Коней на переправе не меняют*. В статье обсуждается происхождение новой пословицы, ее трансформация. Приводятся и немецкие параллели.

Ключевые слова: *фразеология, англицизм, калька в русском, новая пословица, трансформация*

ВВЕДЕНИЕ

Выражение *Бесплатный сыр бывает только в мышеловке* активно употребляется в русских масс-медиа и стал символом бесплатного товара, который может оказаться весьма дорогим. Смысл выражения: ничего «бесплатного» не бывает, если за какие-то

блага их получатель не платит, это обязательно делает кто-то другой или тот же получатель, но в иной, скрытой форме.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Ряд публикаций называет поговорку исконно русской. Как дьявол таится в деталях, так и здесь детали, связанные с процессом заимствования, чрезвычайно оригинальны и весьма противоречивы. Однако история этого, предполагаемого мною англицизма, все-таки достаточно сильно отличается от истории двух других калек с английско-американского: *сидеть в одной лодке* и *Коней на переправе не меняют*.

Во-первых, поражает интенсивность употреблений этой поговорки в Интернете и в современных масс-медиа. Национальный корпус русского языка фиксирует множество ярких контекстов, свидетельствующих о том, что она уже глубоко укоренилась в разговорной речи. Вот несколько таких контекстов:

Конечно, все может быть, но Мотылесса твердо знала, что *бесплатный сыр бывает только в мышеловке*. (Maksim Milovanov. Yestestvenn'iy otbor (2000))

Но так никогда не получается. *Бесплатный сыр бывает только в мышеловке*. Слабость, которую ты проявила, и допущенные тобой ошибки оставят неизгладимую печать на твоём сознании, на твоей душе. (Andrey Rostovskiy. Po zakonam volchey stai (2000))

И хоть стучи им по лбу, хоть разжевывай прописные истины, они, как под гипнозом, идут тропой «лохов», вдохновленные глупой верой в наивные сказки и счастливый случай, забывая, что *бесплатный сыр бывает только в мышеловке* (Andrey Rostovskiy. Po zakonam volchey stai (2000))

Помните, что *бесплатный сыр бывает только в мышеловке* и, когда мягко стелют, жестко спать. (A. Shubin. Puty k blagopoluchiyu (2000))

А еще говорят, что *бесплатный сыр бывает только в мышеловке...* (Victoria Dubnova. Nash tshelovek na rasprodazhe. // "Obshchaya gazeta" 1997))

Но, как известно, *бесплатный сыр бывает только в мышеловке*. (Aleksandr Markov, Elena naymark. Evolutsiya. Klasicheskiye idei v svete nov'ikh otkr;itiy. (2014))

Следовало сразу догадаться, что нас заманивают в капкан... Известно же, что *бесплатный сыр бывает только в мышеловке!* (Natalya Aleksandrova. Posledniy uchenik da Vinchi. (2010))

— *Бесплатный сыр бывает только в мышеловке*, — сердито сказала она, — мне в этой жизни ничего не досталось даром. (Darya Dontsova. Mikstura ot kocoglaziya. (2003))

Несомненным показателем активности употребления этой поговорки в русском дискурсе является и то, что некоторые писатели создают даже целые рассказы, основанные на её обыгрывании. Таков рассказ Ю. Новикова из его книги «Добро и зло в нашей жизни. Вопросы и ответы»: «Фраза о бесплатном сыре, который бывает только в мышеловке — одна из любимейших в наше время. Миллионы людей повторяют её по самым разным поводам. Но, как это часто бывает, далеко не всегда задумываются о смысле произносимых ими слов. Давайте попробуем поподробнее разобраться, всегда ли верна данная мысль... На первый

взгляд, мысль абсолютно верная, ведь ничто нам не даётся даром, за всё нам приходится платить, расплачиваться, отвечать. Во всяком случае, в повседневной жизни».¹

Популярности пословицы способствуют и её употребления в качестве заголовков или слоганов:

Бесплатным может быть не только сыр, но и учебники (Izv. Изв. 22.02.2003) – Перспективы обеспечения школ бесплатными учебниками; *Раньше бесплатным был не только сыр, но и образование* (Izv Изв., 30.12.2004) – новая концепция развития российского образования;

Бесплатный сыр (Itogi, 07.11.2005) – проект массового распространения бесплатных персональных компьютеров.

Бесплатный сыр в кремлевской мышеловке.

<https://7days.us/besplatnyj-syr-v-kremlevskoj-myselovke>. 12.2.2019.

Характерны и речевые обыгрывания этой пословицы, превращающие ее, по сути, в антипословицу в понимании В. Мидера, В. М. Мокиенко и Х. Вальтера, например:

*О том, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, знают все. Но есть ТАКИЕ мыши, что уносят не только сыр, но и мышеловку!*²

Бесплатный сыр достаётся второй мышке. Да, но висит-то он там БЕСПЛАТНО! Его можно съесть! А выражение и означает – любая халява обходится очень дорогой ценой.

Ср. нем., что полностью совпадает с русским: *Umsonst ist nur der Käse in der Falle – und nur für die zweite Maus.*³

«*Бесплатный сыр сегодня бывает не только в мышеловке*»... Наверняка вы неоднократно слышали, или сами говорили нечто подобное: «Бесплатный сыр бывает только в мышеловке», или «Нельзя получить что-то просто так», или «Рано или поздно кому-то придется заплатить»⁴.

*Вы будете смеяться, но бесплатные мышеловки бывают.*⁵

От пословицы *Бесплатный сыр бывает только в мышеловке* образован и отпаремиологический фразеологизм *бесплатный сыр* – ‘приманка, заманивающая в ловушку’ (отпаремиологический фразеологизм)⁶.

А теперь вы должны задуматься (если не задумались, то можете не читать данную статью), а когда это *бесплатный сыр* приводил к чему-нибудь хорошему?!⁷

Лыжи по которым в России очень много вопросов. Причина достаточно проста: они дешевые и доступные. Но, что это, *бесплатный сыр* или, все же, отличное бюджетное интересное решение? Не будем гадать и предполагать⁸.

Казалось бы, столь активное употребление пословицы и её варьирование могут служить доказательством ее исконности в русском языке. Но этому препятствует ... хро-

¹ <https://proza.ru/2007/05/23-136>. 11.2.2019. © Copyright: Ю. Новиков, 2007.

² <https://socratify.net/quotes/kazak-v-raiu-andrei-belianin/99322>. 11.2.2019.

³ <https://www.noz.de/archiv/vermischtes/artikel/356660/umsonst-ist-nur-der-kase-in-der-falle-und-nur-fur-die-zweite-maus>. 11.2.2019.

⁴ Никита Евдокимов: Где берут средства бесплатные проекты — рассказ преподавателя Free Code Camp. 18.11.2016. <https://vc.ru/flood/20077-abundance-economy>. 12.2.2019.

⁵ http://absurdopedia.net/wiki/Портал:Вопросответ/Если_бесплатный_сыр_только_в_мышеловке,_то_где_бесплатная_мышеловка%3F. 12.2.2019.

⁶ https://ru.wiktionary.org/wiki/Приложение:Список_фразеологизмов_русского_языка. 12.2.2019.

⁷ http://www.freeadvice.ru/view_article.php?id=61. 13.2.2019.

⁸ <https://www.youtube.com/watch?reload=9&v=PgT-EGiB2O4>. 13.2.2019.

нология фиксации этой поговорки. В самом деле: первой (или во всяком случае, одной из первых) фиксации в русской прессе, по моим данным, можно пока считать её употребление в «Аргументах и фактах» 1995 года (ШСП 2002, 248):

«Ну правда, ну сколько можно твердить им, что мыльный пузырь лопнет обязательно, сколько можно толковать им, что пирамида финансовая в отличие от пирамиды фараоновой рухнет непременно, сколько можно объяснять им, что *бесплатный сыр бывает только в мышеловке*, сколько можно им...» (АиФ. АиФ. № 5. 1995, 8).

Не фиксируется она в большинстве словарей русского языка – даже в самых современных (напр., БМШ 2014, Shulezhkova 2011 и др.), что также отличает её судьбу от американизмов в *одной лодке* и *Коней на переправе не меняют*. Новейшие фиксации – в словарях крылатых слов (Князев 2010: 47-48; Серов 2003: 56). В. М. Мокиенко (ШСП 2002, 248) даёт единственную нам известную развернутую расшифровку: «Бесплатно ничего не дается. Брать то, что достается даром, рискованно: доступное и дешевое может оказаться ловушкой.»

В. Серов при этом связывает поговорку с английским прототипом *There ain 't no such thing as a free lunch* – *Бесплатных завтраков* не бывает, которое также (хотя и довольно редко) употребляется в русском языке. Им проводятся и более конкретные источники и факты, повлиявшие на популярность паремии: Из книги «Искушенный инвестор» (1959) американского публициста Бартоа Крепна. Позднее это выражение было повторено в романе (гл. 11) «Луна — суровая хозяйка» (1966, в другом переводе «Луна жестко стелет») Р. Хайнлайна. Дать своему сочинению такой полемический заголовок Б. Крейна побудила реальность американской жизни — своеобразная рекламная акция (известная с середины XIX в.) многих баров, когда к заказанному клиентом пиву хозяин подавал и так называемый *free lunch*, то есть «бесплатную закуску» (этот перевод более точен). Разумеется, ничего бесплатного тут не было: стоимость закуски включалась в стоимость пива. Отсюда и фраза публициста (Sеров 2003, 56). Выражение стало очень популярным после выхода в свет (1975) книги американского экономиста-неолиберала лауреата Нобелевской премии (1976) по экономике Милтона (р. 1912; см. ниже) о новой экономической политике США. У книги было такое же афористическое название «Бесплатных завтраков не бывает» («There's No Such Thing As a Free Lunch»). Поэтому иногда авторство этого афоризма приписывается М. Фридману.

Некоторые источники приписывают авторство поговорки Маргарет Тэтчер, которая с 4-го мая 1979 до 28-го ноября 1990 годы была премьер-министром Великобритании. При этом, как кажется, сторонники этой версии не разграничивают упомянутую выше модель *There ain 't no such thing as a free lunch* с поговоркой о бесплатном сыре в мышеловке.

Вот типичная интерпретация Фридмана в Интернете:

«Мое имя часто ассоциируется с афоризмом «Бесплатный сыр бывает только в мышеловке» (There is no such thing as a free lunch), хотя не я его придумал... В реальной экономике такой «бесплатный сыр» тоже существует — и еще какой! Его дают нам свободный рынок и частная собственность.

Почему так велика была разница в уровне жизни по разные стороны линии, вдоль которой раньше проходила граница между Восточной и Западной Германией? Потому что западные немцы уже давно наслаждаются «бесплатным сыром» — относительно свободной, рыночной экономикой. Этим же объясняется разница в уровне

жизни между Гонконгом и КНР, или благосостояние жителей США и Великобритании. Во всех этих случаях «бесплатный сыр» стал продуктом деятельности «невидимых институтов», возникновение которых, как подчеркивал Ф.А. Хайек (Hayek), является результатом деятельности людей, но не их намерений... Сегодня мы, американцы, тоже можем полакомиться чем-то вроде «бесплатного сыра»: надо только оглянуться вокруг и увидеть, где он лежит.⁹

Эти слова принадлежат Маргарет Тэтчер, когда она давала своё интервью в прямом эфире ещё на советском телевидении. Когда её спрашивали о платной, бесплатной медицине, она ответила, что бесплатным бывает только сыр в мышеловке...

В то же время автор такого объяснения сам в нём сомневается и возвращается к идее об исконности пословицы:

Но мне всегда казалось, что это народное изречение, не закрывайте вопрос... Просмотрел множество источников, где моё сомнение подтверждается, эта русская народная пословица, просто с помощью М. Тэтчер она стала ещё более популярной... (там же).

Как видим, дилемма «Своё и Чужое?» в этом случае намного запутаннее, чем с явными англицизмами. Носители русского языка воспринимают пословицу как свою собственную. Но хронология и аллюзии на фразу М. Тэтчер заставляют предполагать иноязычный источник.

Любопытно при этом, что и некоторые англоязычные источники утверждают, что в английском языке это паремиологический русизм:

The only free cheese is in the mouse trap. **Russian saying.** — Gage, R. (2010). *Why You're Dumb, Sick & Broke... And How to Get Smart, Healthy & Rich!* John Wiley & Sons. <http://quotes.yourdictionary.com/author/quote/132157>

Другие источники, однако, однозначно считают это пословицу (хотя ошибочно называют её поговоркой) старой английской паремией:

As the old saying goes, a free cheese is only in a mice trap.

<https://www.linguee.com/englishgerman/translation/free+cheese+is+only+in+mouse+trap.html> (16.1.2019)

You will ask, what's the trick? As the old saying goes, *a free cheese is only in a mice trap.*

The answer to this question is very simple: there is no trick and there can be no trick at all!

You simply pay reasonable money for quality services. Forget about expensive roaming services provided by mobile communication operators, huge prices for incoming calls and constant search of stationary phones and IP-telephony cards. (<http://www.gsm-travel.net/> 16.1.2019)

Каков же выход из этого историко-этимологического противоречия? Мне кажется, что этот выход указывает нам известный американский паремиолог Вольфганг Мидер. В своём словаре современных американских пословиц (Mieder 2013, 37) он даёт точную хронологию фиксации пословицы *There's always free cheese in a mousetrap* в американском дискурсе:

1962 *Dispatch* [Lexington NC 2 Jun.: "Mousetraps furnish free cheese. But the mouse's happiness there is no short-lived. For mice and men there is no such thing as a free lunch."

⁹ Милтон Фридман: Бесплатный сыр и никаких мышеловок: свободный рынок и частная собственность <http://old.inliberty.ru/library/157-besplatnyy-syr-i-nikakih-myshelovok-svobodnyy-rynok-i-chastnaya-sobstvennost>. 11.2.1019.

1962 *Nevada [MO] Daily Mail* 1 Oct.: “Looking for a government handout? There’s always free cheese in a mousetrap, but you never saw a happy mouse there“.

The only free cheese is in the mouse trap. *It is better to be careful in accepting free things because it may be a trap.*

Можно найти эту английскую поговорку и в других английских паремиологических словарях – например, в CDEC 2015, 84. Concise Dictionary of English Combined (Idioms, Phrases, Proverbs, Similies) and Metaphors. A Perfect Reference for Students of all age groups. Useful guide for aspirants of IAS, CAT, GMAT, Civil Services, IELTS, TOEFL and Other Examinations). – New Delhi; V&S Editorial Board, 2015. – S. 84.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставляя приведенные факты, можно сделать вывод, что русский «сыр в мышеловке» на самом деле – сыр англо-американский, как и сама такая паремиологическая «мышеловка». Такой вывод подсказывает прежде всего хронологический приоритет фиксации этой поговорки именно в английском языковом пространстве. Между прочим, и ее немецкая параллель *Käse umsonst gibt es nur in der Mausefalle* – не что иное, как англицизм, ибо первая фиксация датируется лишь 1993 годом, и поговорка до сих пор не фиксируется ни одним современным паремиологическим словарем.

Und Andreas Lange ist überzeugt: „*Käse gibt es eben nur in der Mausefalle geschenkt*“ (Ostsee-Zeitung, 14.-15.7.2018, 5)

Käse umsonst gibt es nur in der Mausefalle. Orthodoxer Politikader der KPDSU. (<https://www.aphorismen.de/zitat/56277>);

Kostenlosen Käse gibt 's nur in der Mausefalle. Von Alexander Stepanow; 02.10.1993. (заголовок в: ND. Sozialistische Tageszeitung)¹⁰

Kostenlosen Käse gibt es nur in der Mausefalle. Wenn man was kostenloses aufgedrängt bekommt ist IMMER was faul. Nepper, Schlepper, Bauernfänger. Aber irgendwie witzig, dass MS (Microsoft - d.A.) das nichtmal geschenkt grossartig unter die Leute bekommt. (<https://www.heise.de/forum/heise-online/News-Kommentare/Reserviertes-Windows-10-erhaelt-Installationscountdown/kostenlosen-Kaese-gibt-es-nur-in-der-Mausefalle/posting-24484849/show/> 03.02.2016)

Autor: **Nadine Junkers.** 11.01.09. *Kostenlosen Käse gibt es nur in der Mausefalle!* Mehr brauch man zu diesem "kostenlosen" Beta nicht zu sagen! <https://forum.golem.de/read.php?29900,1592513>.

Название книги: *Kostenlosen Käse gibt's nur in der Mausefalle.* Fleming, H. Joseph / 2. Auflage / ISBN: 978-3-95249391-0-6.

Конечно, некоторые евроскептики могут такой вывод оспорить, заметив – и не без оснований – что такой хронологический разрыв невелик: 60-е годы, когда зафиксирована английская поговорка, и 90-е годы – не столь уж и большая разница для констатации ис-

---

¹⁰Рисунок:

https://www.google.com/search?q=k%C3%A4se+geschenkt+gibt+es+nur+in+der+mausefalle&tbm=isch&tbo=u&source=univ&sa=X&ved=0ahUKewjE4aPb8aDcAhXNxaYKHf_SCqIQsAQIQQ&biw=1680&bih=939#imgrc=MDbAdYbaAGt38M: 15.12.2018.

конности из конкретного языка. Но здесь можно привести и более веский аргумент в пользу заимствования именно из английского. Это наличие старой паремиологической модели *There ain't no such thing as a free lunch* – *Бесплатных завтраков не бывает*. Именно в таком виде и употребила эту поговорку М. Тэтчер. А уже потом молва приписала ей и авторство, и более образный вариант с бесплатным сыром в мышеловке. Бесплатный завтрак, став бесплатным сыром, не случайно так понравился носителям русского языка. Ведь *сыром* в России традиционно называли творог (ср. выражение *как сыр в масле кататься*) и слово изменило значение лишь в Петровское время, когда из Европы импортировали иноземные сыры – голландский, французский или немецкий.

И сейчас, когда на Россию обрушились санкции, бесплатный санкционный сыр вызывает вполне логичное опасение – ассоциацию с мышеловкой. Тем более, что выражение импортировано из американского дискурса.

REFERENCES

- CDCE (2015): *Concise Dictionary of English Combined (Idioms, Phrases, Proverbs, Similies) and Metaphors. A Perfect Reference for Students of all age groups*. Useful guide for aspirants of IAS, CAT, GMAT (2015), Civil Services, IELTS, TOEFL and Other Examinations). – New Delhi; V&S Editorial Board
- Dolan, E. G. (2011): *Tanstaaf! (There Ain't No Such Thing as a Free Lunch) – A Libertarian Perspective on Environmental Policy*. New York.
- Mieder (2013): *The Dictionary of Modern Proverbs*. Compiled by Charles Clay Doyle, Wolfgang Mieder, and Fred R. Shapiro. New Haven and London: Yale University Press, 2013. – S. 37)
- Spears (1997): Spears, R.A. *Essential American Idioms for Russian Speakers*. Lincolnwood, Illinois
- БМС (2005): Biri A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I (2005), *Slovar' russkoy frazeologii. Is-toriko-etimologicheskii spravochnik. Izdanie 3-e, ispravlennoe i dopolnennoe. Okolo 6000 frazeologizmov, pod red. doktora filol. nauk, prof. V.M. Mokienko*, "Astrel", AST, Lyuks, Moskva
- БМШ (2014): Berkov, V.P., Mokienko, V.M., Shulezhkova S.G. (2014), *Bolshoy slovar' krylatyih slov i vyrazheniy russkogo yazyika: ok. 5000 ed. V 2-h t. 2-e izd., ispr. i dop.* Magnito-gorsk: MaGU T. 2. N-Ya, Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universit
- ШСП (2002): *Shkolnyiy slovar zhivyyih russkih poslovits*, Sost.: Yu.A. Ermolaeva, A.A. Zaynuldinov, T.V. Kormilitsyina, V.M. Mokienko, E.I. Seliverstova, N.Ya. Yakimenko. Gl. red. V.M. Mokienko, redaktoryi: E.K. Nikolaeva, E.I. Seliverstova, - SPb.: "Izdatel'skiy dom "Neva"; "OLMA-PRESS"
- Shulezhkova (2001): Shulezhkova S.G., *Krylatyie vyrazheniya russkogo yazyika, ih istochniki i razvitiye*, „Azbukovnik”, Moskva
- ШСП (2002): Mokienko (2002): *Shkolnyiy slovar zhivyyih russkih poslovits*, 248.

Information about the author: Harry Walter - Professor, Dr. Dr. h.c. University of Greifswald, Institute of Slavonic Studies. Chairman of the Phraseological Commission in the International Slavonic Committee. Member of the Federal Association of Interpreters and Translators (BDÜ), (Germany).

e-mail: walter@uni-greifswald.de

Сведения об авторе: Харри Вальтер - доктор филологических наук, профессор, Грайфсвальдский университет, Институт славистики, председатель Фразеологической комиссии в Международном славянском комитете, член Федеральной ассоциации устных и письменных переводчиков (BDÜ) (Германия)

e-mail: walter@uni-greifswald.de

Manuscript received: 11/21/2018

Accepted for publication: 01 /25/2019

Рукопись получена: 11/21/2018

Принята к печати: 01/25/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-35-44>

Olga Lomakina
Doctor of Philological Sciences, Professor,
St. Tikhon's Orthodox University,
Peoples' Friendship University of Russia
(Moskow, Russia)
e-mail: rusoturisto07@mail.ru

LEO TOLSTOY'S PHRASEOLOGICAL DICTIONARY: PRINCIPLES OF CREATING A VOCABULARY, BUILDING A DICTIONARY, THE DIFFICULTIES OF A LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION, THE STRUCTURE OF A DICTIONARY ENTRY

Abstract. This paper deals with the description and peculiarities of the metalanguage in Leo Tolstoy's phraseological dictionary being compiled. The purpose of this paper is to show how materials are selected, and how a dictionary entry is made. The research methods include the descriptive analytical method, and the functional contextological method. The topicality of the research is related to the need for a lexicographic description of Leo Tolstoy's language, because to date this writer's language has not been described lexicographically. The creation of Leo Tolstoy's phraseological dictionary will make it possible to study the dynamic development of not only the entire phraseological corpus but also specific phraseological units, as well as to provide insight into the writer's linguistic persona as a whole. The continuous sampling method helps to the fullest extent possible and systematically represent the corpus of phraseological units, proverbs, and winged words, as well as complement the data on the 19th century language. The choice of heading forms stems from verbal use rather than the linguistic tradition used in lexicography. The headword principle for the arrangement of entries simplifies 'reading' of the dictionary as searching of a relevant entry is thus made faster. There being a list of the phraseological corpus described at the end of the dictionary, also makes it easier to work therewith. The breakdown of the phraseological material into sections (e.g. proverbs, winged words, fixed similes) is accounted for by the heterogeneity of Leo Tolstoy's language phraseology. The dictionary entry structure is traditional. In most cases reliance on the existing phraseographic publications helps formulate the meaning part, however, when doing so the context dependent meaning as well as the author's self-definition must be borne in mind. The illustrative part includes examples from texts of different styles and genres; the arrangement of this illustrative material is in chronological order, which makes it possible to see how the author's preferences have been changing, which creative period the use of this unit is characteristic of, how the writer's creative potential manifested itself in the course of creating transforms. Where there are any phraseological unit variants, all the recorded variants including their type definition and example illustration are listed. The informative comment is an optional element of the dictionary entry containing historical and etymological, linguoculturological, and biographic information. The dictionary entry concludes with a list of lexicographic publications that have recorded this unit indicating the publication and the page number, which makes it possible to obtain information of the lexicographic record and description time, and the writer's influence over its entry into the standard language.

Key words: *Phraseography, L. N. Tolstoy's language, dictionary, language of the writer, author's lexicography.*

О. В. Ломакина
Доктор филологических наук, профессор
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Российский университет дружбы народов
(Москва, Россия)
e-mail: rusoturisto07@mail.ru

**«ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЯЗЫКА Л. Н. ТОЛСТОГО»:
ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ СЛОВНИКА, ПОСТРОЕНИЕ СЛОВАРЯ, ТРУДНОСТИ
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ, СТРУКТУРА СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ**

Аннотация. Статья посвящена описанию и особенностям метаязыка создаваемого «Фразеологический словарь языка Л. Н. Толстого». Цель статьи – показать, как проводится отбор материала, как строится словарная статья. Методы проведенного исследования включают описательно-аналитический метод, функционально-контекстологический метод. Актуальность проводимого исследования связана с необходимостью лексикографического описания языка Л. Н. Толстого, поскольку до настоящего времени язык этого писателя лексикографически не описан. Создание «Фразеологического словаря Л. Н. Толстого» позволит рассмотреть динамическое развитие не только всего фразеологического корпуса, но и конкретных ФЕ, а также охарактеризовать языковую личность писателя в целом. Приём сплошной выборки помогает представить фонд фразеологических единиц (ФЕ), паремий и крылатых выражений (КВ) наиболее полно, упорядоченно, дополнить сведения о языке XIX в. Выбор формы заголовочных единиц объясняется речевым использованием, а не языковой, распространённой в лексикографии традицией. Стержневой принцип расположения материала упрощает «чтение» словаря: поиск интересующей единицы идёт быстрее. Наличие в конце словаря перечня описанного фразеологического корпуса также способствует удобству работы с ним. Распределение фразеологического материала по разделам (например, паремии, КВ, устойчивые сравнения) объясняется разнообразием состава фразеологии языка Л. Н. Толстого. Структура словарной статьи носит традиционный характер. Опора на существующие фразеографические издания в большинстве случаев помогает сформировать область значения, однако при формулировке области значения необходимо учитывать контекстуально обусловленное значение, а также авторскую самодефиницию. Иллюстративная часть включает примеры из текстов различных стилей и жанров, расположение иллюстративного материала проводится в хронологическом порядке, что позволяет увидеть, как менялись авторские предпочтения, для какого периода творчества характерно употребление данной единицы, как выражался творческий потенциал писателя при создании трансформов. При наличии вариантов ФЕ приводятся все зафиксированные варианты с определением их типов и иллюстрацией примеров. Информативный комментарий является факультативным элементом словарной статьи и содержит сведения историко-этимологического, лингвокультурологического, биографического характера. Словарную статью венчает перечисление зафиксировавших единицу лексикографических изданий с точным указанием издания и номера страницы, что позволяет получить сведения о времени лексикографической фиксации и описания и влияния писателя на факт вхождения в литературный язык.

Ключевые слова: *Фразеография, язык Л.Н. Толстого, словарь, язык писателя, авторская лексикография.*

ВВЕДЕНИЕ

Современная лексикография представляет собой многостороннее образование, развивающееся в теоретическом и практическом направлениях, отвечающее запросам адресата относительно различной информации об описываемой единице. Сегодня можно с уверенностью заявить, что словарное дело имеет большой и необычайно полезный опыт в представлении языковых единиц различных уровней языка, который, безусловно, должен учитываться при создании новых словарных проектов. Вместе с тем остаются актуальными не только теоретические вопросы (например, выбор терминов *авторская лексикография vs писательская лексикография, детская лексикография, компьютерная лексикография*; разработка метаязыка современного словаря, критериев разграничения понятий тип и жанр словаря) (Lomakina 2018: 41-45), но и практические наработки, связанные с упорядочением и словарным описанием языка писателей, тексты которых не подвергались комплексному лексикографическому анализу.

Актуальность данной работы связана с тем, что язык Л. Н. Толстого, изучавшийся в течение долгого времени, не подвергался подробному лексикографическому описанию, которое позволит всецело проанализировать особенности идиостиля писателя. Нами было доказано, что фразеология является чертой идиостиля Л. Н. Толстого, на основании чего можно говорить о необходимости разработки понятия фразеологическая система языка писателя (Lomakina 2017). Наблюдения относительно фразеологической системы писателя можно сделать на основе фразеографических данных.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Хотя фразеологические особенности языка Л. Н. Толстого были многократно рассмотрены, до настоящего момента не существует фразеологического словаря языка этого писателя. Вместе с тем предпринимались некоторые попытки фразеографического описания языка Л. Н. Толстого.

Охарактеризуем те лексикографические издания и анонсы, где материалом описания служат фразеоресурсы языка.

«Частотный жанрово-стилистический словарь фразеологии Л. Н. Толстого» (составитель – Ю. В. Архангельская) создан при помощи специальной компьютерной программы. Цель – «дать достаточно полные сведения о количественном составе в произведениях Л. Н. Толстого, что предполагает полную инвентаризацию и систематизацию ФЕ в относительно замкнутой системе (ограниченной текстами) с учетом жанрово-стилистической ее дифференциации» (Arkhangelskaya 2008: 6). В словаре фиксируются все ФЕ, в том числе и иноязычные, оформленные в нетранслитерированном виде. Параметризация проходит по следующим признакам: 1) начальная форма ФЕ; 2) контекстуальное употребление; 3) варианты (если есть), 4) структурный тип; 5) сфера использования (стилистическая характеристика ФЕ); 6) название произведения; 7) год создания произведения; 8) номер жанровой группы; 9) название жанровой группы, к которой относится данное произведение или текст (1 – художественные произведения; 2 – публицистические произведения; 3 – учебно-методические тексты; 4 – эпистолярные тексты; 5 – дневниковые тексты); 10) жанр произведения. Структура словаря трехчастна: 1) алфавитно-частотный список ФЕ; 2) частотный список ФЕ; 3) статистическая структура словаря (Arkhangelskaya 2008).

Словарь Ю. В. Архангельской «Лев Толстой в языке и речи» относится к авторской лексикографии. По словам составителя, основной массив составляют инновации – «индивидуально-авторские новообразования, т. е. слова и выражения, которые впервые употребил тот или иной автор» (Arhangel'skaja, 2016: 4). Ю. В. Архангельская объединяет в словарь речевые и языковые инновации Л. Н. Толстого. Для удобства материал разделён на четыре раздела, в каждом из которых – отдельная группа единиц: 1) камерные (семейные) инновации Л. Н. Толстого; 2) общеупотребительные инновации Л. Н. Толстого; 3) устойчивые высказывания о Л. Н. Толстом; 4) избранные афоризмы Л. Н. Толстого. С точки зрения описания фразеологического материала в большей степени интересны первый и второй раздел, где собран обширный материал. Принцип организации – алфавитный, зона толкований содержит функционально-стилистические и эмоционально-оценочные пометы (Arhangel'skaja 2016).

«Словарь галлицизмов в романе Л. Н. Толстого “Война и мир”», по замыслу составителя М. Р. Очкасовой, может служить ключом к пониманию языковой личности писателя, поскольку «словарная статья нацелена на то, чтобы показать место определённой лексемы или словосочетания в лексико-фразеологической системе, образуемой текстом романа» (Ochkasova 2005: 223). Словарная статья включает: 1) заглавное слово, словосочетание, ФЕ; 2) словарную дефиницию; 3) контекст функционирования в романе; 4) семантизацию, которая содержит определение смыслового содержания в контексте, коннотацию. Таким образом, благодаря подобному описанию можно представить анализируемые галлицизмы в языковой системе: особенности сочетаемости, системные отношения.

Представленные лексикографические разработки фразеологии языка Л. Н. Толстого отличаются разнообразием в выборе метаязыка, что, в первую очередь, обусловлено целью словаря, а также принципами отбора материала. Следовательно, разнится и информативный потенциал словарных опытов. Так, «Частотный жанрово-стилистический словарь фразеологии Л. Н. Толстого», составленный Ю.В. Архангельской, содержит статистические данные об употреблении ФЕ в конкретном произведении, в определенном жанре, а также сведения о частотности использования писателем любой ФЕ, имеющейся в базе данных. Кроме того, словарь дополняет сведения о тенденциях фразеопотребления со 2-й половины XIX до 00-х гг. XX в., служит для характеристики фразеологии языка не только Л. Н. Толстого, но и других художников слова в синхронном и диахронном аспектах. В лексикографических анонсах М. Р. Очкасовой ФЕ выступают одним из элементов словарного описания, наряду со словами и словосочетаниями, что помогает представить языковую личность Л. Н. Толстого в её структурной организации. Несомненно, словари дифференциального типа, к каким относится «Словарь галлицизмов в романе Л. Н. Толстого “Война и мир”», являются составляющим элементом в создании словаря языка писателя.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методы проведённого исследования включают описательно-аналитический метод, предусматривающий непосредственное наблюдение анализируемых явлений в конкретных речевых условиях, систематизацию и обобщение фразеосредств, функционирующих в языке определённого писателя (что нашло отражение в исследованиях следующих учёных: А. Г. Ломова, описывающего фразеоресурсы языка А. Н. Островского; Е. И. Сели-

верстовой, посвящённых фразеологии языка Н. С. Лескова; В. М. Мокиенко и К. П. Сидоренко, изучавших фразеологическую составляющую языка И. А. Крылова, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина); функционально-контекстологический метод – при отслеживании закономерностей отбора и использования писателем фразеологического материала русского и иностранных языков (впервые было представлено в работах И. В. Гюббенет, Г. В. Колшанского, А. В. Кунина, А. М. Мелерович); приём сплошной выборки, получивший обоснование в работах по корпусной лингвистике, – при отборе языкового материала из «Полного собрания сочинений» Л. Н. Толстого и лексикографических источников.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Подготовка «Фразеологического словаря Л.Н. Толстого» может стать одним из первых этапов создания словаря языка Л.Н. Толстого, поскольку фразеология языка этого писателя является значимой частью всего фразеологического фонда русского языка и отличается многообразием типов, вариантноостью форм, созданием окказиональных фразеологизмов, а в целом характеризует язык определённого времени. Фразеологические единицы (ФЕ), будучи единицами когнитивного уровня, отражают особенности языковой личности великого писателя и являются одним из путей понимания всего творческого наследия Л.Н. Толстого.

Язык Л. Н. Толстого даёт богатый материал, иллюстрирующий потенциальные возможности как нетрансформированного, так и трансформированного использования ФЕ, на основании чего в корпус «Фразеологического словаря Л. Н. Толстого» включаются не только распространённые в литературном языке ФЕ, пословицы, КЕ, но и различные примеры их «нестандартного» употребления (term of A. N. Vaganov, D. O Dobrovolskiy). Особый интерес для исследователей языка представляют камерная (авторская) фразеология, а также окказиональные ФЕ, позволяющие показать особенности авторского понимания и переосмысления фразеологического материала.

О направлениях работы, связанных с подготовкой «Фразеологического словаря языка Л. Н. Толстого», нами было сказано ранее (Lomakina 2008: 2018). Приёмом сплошной выборки был установлен фразеологический корпус единиц, используемых писателем в текстах различных стилей и жанров. Например, жанр народных драм и народных рассказов демонстрирует разговорную «стихию»: содержит преимущественно разговорные и просторечные ФЕ, различные жанры паремий, что позволяет представить разговорный язык 2-й пол. XIX в. Популярность французского языка и хорошее знание писателем иностранных языков обусловило включение в тексты ФЕ-ИВ, что позволило выделить сквозные единицы, встречающиеся в различных текстах. Дневники, репрезентующие авторское мировидение, философские взгляды Л. Н. Толстого, изобилуют КЕ, представленными как на русском, так и на иностранных языках.

С учётом разнородности фразеологического состава языка Л. Н. Толстого, много тысячного объёма примеров контекстуального употребления – иллюстративного материала, а также руководствуясь простотой поиска интересующей единицы, мы сочли оправданным и целесообразным внутри «Фразеологического словаря языка Л. Н. Толстого» отдельно представить ФЕ, включая паремии и крылатые выражения (КВ), употребляемые писателем, в виде специальных разделов и подразделов, что отражается и в словарных статьях при помощи помет (Посл.; Примета; Франц.; КВ; Пушкинизм и др.): 1. Соб-

ственно ФЕ. 2. Паремии: пословицы, приметы, присловья и под. 3. Крылатика: БФЕ, остальные КВ. 4. Камерные ФЕ. 5. ФЕ – иноязычные вкрапления (ИВ).

При составлении «Фразеологического словаря языка Л.Н. Толстого» мы опираемся на положительный опыт теории лексикографии, на традиции как отечественных, так и зарубежных фразеологов. Однако перед составителями различных фразеологических словарей стоит ряд нерешенных и дискуссионных вопросов. Несомненно, главными из них являются следующие: что включать в словарь, и какой принцип построения словарной статьи выбрать. Во многом ответы на эти вопросы лежат в плоскости задач, которые приходится решать фразеологам. При работе над данным словарём обозначились некоторые проблемы.

Источником отбора материала послужило «Полное собрание сочинений» (ПСС) Л. Н. Толстого в 90 т., изданное в 1928-1958 гг. Это издание содержит ряд погрешностей технического плана, в некоторых случаях требуется расшифровка текстов, уточнение написания некоторых слов. От аутентичности некоторых цитат зависит правильность заголовочной единицы, в частности – паремии. Иногда при многочисленном переписывании в текст закрадывались описки, которые не были исправлены в ПСС: *Доброта завяжет крепче долга / дома (?)* (“Dnevnik” 1884), *Скотины / Скопил – таракана да жуколица; а посуду – крест да пуговицы* (“Zapiski Khristianina”).

Словник «Фразеологического словаря языка Л.Н. Толстого» составлен с опорой на существующие лексикографические источники, с учётом которых происходила верификация полученного фразеологического корпуса.

Словарная статья – ведущий жанр лексикографии, основная структурная единица словаря. Традиционно словарная статья включает заголовочную единицу и её описание, имеет компактное, синтаксически организуемое пространство – занимает абзац.

Словарная статья «Фразеологического словаря языка Л. Н. Толстого» включает т. н. языковую и речевую зоны и состоит из следующих элементов: стержневой элемент, заголовочная единица (лемма, вокабула), экспрессивно-стилистическая помета (если есть), словарная дефиниция, иллюстративная часть, информативный комментарий. Используются различные шрифтовые выделения и символы.

Особое место занимают единицы, не включённые в общеизвестные словари, обладающие признаками ФЕ / паремии; при исследовании языка писателя их фиксация обязательна. В том случае, если описываемая единица уже содержится в лексикографических источниках, то словарь называется с указанием страницы, т. е. происходит чёткая паспортизация. Используется специальное графическое обозначение *v*.

Распределение материала производится по стержневому принципу. Выбранный стержневой принцип позволяет читателю быстрее найти необходимую единицу. Стержневые компоненты располагаются в алфавитном порядке. Например, при описании паремий: **КАКОЙ ПАЛЕЦ НИ УКУСИ, ВСЁ БОЛЬНО**. См. **ПАЛЕЦ; ПЕТУХИ КРИЧАТ РАНО К ВЕСЁЛОЙ НОЧИ**. См. **ПЕТУХ**. В том случае, если в ФЕ нельзя выделить стержневое слово (при сочинительной связи компонентов), то по первому знаменательному слову: **НИ ТО НИ СЁ**. См. **ТО**. При лексикографическом описании ФЕ – ИВ используется алфавитный порядок: **A BON ENTENDEUR – SALUT!** Франц. Благо тому, кто умеет слушать! **ALL IS RIGHT, WHAT IS RIGHT**. Англ. Посл. Все хорошо, что хорошо. ФЕ с одной фразеолеммой (например, **ВЫЦАРАПАТЬ ГЛАЗА, ПОДНИМАТЬ / ПОДНЯТЬ ГЛАЗА**) объединены в пределах словарной статьи **ГЛАЗ**, т. к. соматизмы, наряду с зоонимами, назва-

ниями стихий, цветами и под., являются наиболее продуктивными, благодаря чему словарная статья становится более информативной. ФЕ-омонимы приводятся в отдельных словарных статьях и сопровождаются индексами: **ЗА ГЛАЗА**¹, **ЗА ГЛАЗА**². Все значения многозначных ФЕ даются только в том случае, если они используются писателем.

При лексикографической обработке фразеологических ресурсов языка одной из проблем, связанных с интерпретацией обрабатываемого материала, является вопрос вариантности анализируемых единиц, для которых, в отличие от слова, варьирование частотно. Давая определение фразеологических вариантов, отечественные лингвисты подчеркивают тождественность их значения и образной основы, относительную стабильность синтаксической структуры и различия в компонентном составе и/или морфологических характеристиках компонентов.

Очевидно, что для выявления всего многообразия вариантов важна точная паспортизация единиц, которая позволит разделить синтагматические и парадигматические изменения, увидеть всё многообразие существующих вариантов, это докажет динамический характер фразеологии. Кроме того, важно выбрать типологию вариантов, систему знаков, так как «<...> при таком подходе отражается реальная жизнь фразеологизма, описываются все его речевые потенции и специфика употребления в конкретном языке» (Meleroovich, Mokienko 1997: 4). Вместе с тем фразеотворчество опирается на структурно-семантические модели, которые свойственны тому или иному языку.

На начальном этапе мы проводили проверку правильности заголовочной единицы. Обычно выбор заголовочной единицы опирается на данные словарей, где эта единица была зафиксирована. Однако даже в авторитетных изданиях («Пословицы русского народа» В. И. Даля; «Словарь русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова; «Фразеологический словарь русского литературного языка к. XVIII – н. XX» под ред. А. И. Фёдорова; «Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка» В. П. Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулешковой и др.) одновременно могут приводиться два параллельно существующих варианта. Поэтому составитель, руководствуясь контекстуальным употреблением, решает, какую единицу выбрать в качестве заголовочной. Например, паремнографическое описание нескольких паремий в «Словаре пословиц и поговорок языка Л. Н. Толстого» будет отличаться от более распространенного: заголовочной паремией станет *Яйца курицу учат* для иллюстрации следующего примера:

Но графиня оттолкнула дочь и подошла к графу.

– *Моп cher, ты распорядись, как надо... «Я ведь не знаю этого», - сказала она, виновато опуская глаза.*

– *Яйца... яйца курицу учат...* – *сквозь счастливые слезы проговорил граф и обнял жену, которая рада была скрыть на его груди свое пристыженное лицо* («Война и мир», т. III, ч. 2, гл. XVI; 11: 172).

Здесь мы опираемся не только на паспортизацию единицы в словарях, но и на авторское употребление пословицы, являющейся единицей паремнологоического пространства писателя (Lomakina, Makarova 2015).

Для определения типологии вариантов в качестве рабочей мы используем классификацию, предложенную А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко. Данная типология составлена с учётом языковых реалий – примеров речевого употребления, поэтому является наиболее адаптированной для фразеологического описания языка писателя. Для указания на преобразование используется обозначение *Вариант*, которое располагается по цен-

тру строки и отделяет нетрансформированные единицы от трансформов, при этом указывается тип трансформации.

Семантизацию описываемого фразеологического корпуса наиболее точно помогают привести словари (особенно «Словарь пословиц и поговорок» В. П. Жукова). Б.А. Ларин отмечал необходимость тщательной разработки словарной статьи, говорил о толкованиях, которые не являются просто повтором узуального значения (Larin 2003: 651-652), для чего следует учитывать авторскую самодефиницию – особый способ раскрытия смыслового содержания ФЕ, паремий, КВ в тексте, к чему Л.Н. Толстой прибегает в некоторых случаях (Lomakina 2018: 62-67).

Руководствуясь положительным опытом составителей «Словаря автобиографической трилогии М. Горького, толкование мы проводили в зависимости от того, как определяются ФЕ:

- 1) субстантивно: **ШУТ ГОРОХОВЫЙ**. Экспрес. Нелепо, старомодно, безвкусно, смешно одетый человек. *С женою-то его рядом поставьте: то-то шут гороховый* («Война и мир», т. II, ч. 3, гл. XV; 10: 200).
- 2) предикативно: **УДАРЯТЬ / УДАРИТЬ ПО РУКАМ**. Разг. Договориться о чём-то, заключить сделку. Федор Иванович. *Сосватал, сосватал, и по рукам ударили. Только не пили* («Плоды просвещения», д. 3, явл. 9).
- 3) адвербиально: **НЕ БЛИЖНИЙ СВЕТ**. Прост. Не близко, достаточно далеко. Акулина. *Что плохое загадывать. Рано еще. Тоже не ближний свет. Пока что...* («От ней все качества», д. 1, явл. 1).
- 4) атрибутивно: **НИ ЖИВ НИ МЁРТВ**. Сильно напуган. *Он любил слышать за собой этот дикий крик пьяных голосов: «пошел! пошел!» тогда как уж и так нельзя было ехать шибче; любил вытянуть больно по шее мужика, который и так ни жив, ни мёртв сторонился от него* («Война и мир», т. II, ч. 5, гл. XVI).
- 5) как самостоятельные предложения (ФЕ-УФ): **ШАПКАМИ ЗАКИДАЕМ**. Прост. Пренебр. Быстро и легко победим. – *Да, это: мы шапками закидаем, мы нашли то, чего ищет Европа! Все это я знаю, но, извините меня, вы знаете ли все, что сделано в Европе по вопросу об устройстве рабочих?* («Анна Каренина», ч. 3, гл. XXVII).

В отличие от общезыковых словарей, но в соответствии с фразеографической традицией грамматические пометы отсутствуют. Иллюстративная часть состоит из примеров контекстуального употребления с учётом хронологии творчества писателя и сопровождается точной паспортизацией по цитируемому источнику (ПСС). Иллюстративный материал приводится курсивом.

Каждую из словарных статей сопровождает справочный аппарат, содержащий ссылку на лексикографический источник с указанием номера страницы. Важным элементом справочного аппарата является информативный комментарий. Информативный комментарий может включать этимологический анализ. Скрупулёзное изучение истории устойчивых оборотов позволило В. М. Мокиенко разработать алгоритм поэтапного историко-этимологического анализа ФЕ и паремий, который позволяет «произвести отсеивание однозначно сомнительных интерпретаций либо обосновать сомнительность в истинности освященных традицией «этнографических» толкований» (Mokienko 2010: 120). Такое всестороннее рассмотрение устойчивых словосочетаний в их исторических и межъязыковых связях дало ему возможность опровергнуть многие существовавшие версии об исконно-

сти оборота, традиционно связывавшегося с русскими реалиями, или, наоборот, продемонстрировать национальную специфику калькированного выражения.

Другим видом информативного комментария может стать лингвокультурологический анализ, один из этапов историко-этимологического анализа ФЕ, когда лексикографы обращаются к культурологическим, этнографическим, мифологическим и другим фактам, наряду с лингвистическими, для расшифровки фразеологического этимона, дает возможность опровергнуть версии об исконности оборота, традиционно связывавшегося с русскими реалиями, или, наоборот, продемонстрировать национальную специфику калькированного выражения. Таким образом, лингвокультурологический анализ ФЕ опирается не только на идеи лингвокультурологии, получившей развитие в конце XX - н. XXI вв., но и на этимологические данные.

Опираясь на существующие фразеографические издания, включающие лингвокультурологический анализ, необходимо выработать новый алгоритм при составлении авторских словарей с учетом тенденций современной лексикографии. Исходя из иллюстративного материала, составитель должен определиться, какие словарные статьи будут включать историко-этимологическую справку. На наш взгляд, нет смысла слепо переносить данные из общеизвестных фразеологических словарей.

В языке Л.Н. Толстого особое место занимает камерная фразеология: *анковский пирог, отправиться в большое путешествие, пятый хомут, муаровый жилет, зеленая палочка, муравейное братство, комната под сводами, архитектор виноват, вырезушчатая перегородка* и под. Камерная (авторская) фразеология – устойчивые обороты, возникающие и функционирующие в узком кругу лиц, в пределах семьи (Rudnev 1979: 75) – служат способом идентификации в пределах мини-социума.

Несомненно, словарные статьи, посвященные описанию камерных ФЕ, должны включать информативный комментарий. Поскольку автором камерных ФЕ был сам писатель или члены его семьи, то при создании словарной статьи необходимо привлекать не только текстологию Л.Н. Толстого, но и воспоминания, переписку членов семьи, единомышленников. Все это позволит решить ряд лексикографических задач: толковать значение (семантизация нередко происходит в контексте), подготовить историко-этимологическую справку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Фразеологический словарь языка Л. Н. Толстого» призван упорядочить, ФЕ, паремии, КВ, используемые писателем, назвать рекуррентные языковые единицы, выявить особенности жанрового и дискурсивного использования их писателем, изучить языковую индивидуальность, охарактеризовать ИКМ, представить масштаб словесного творчества Л. Н. Толстого. Этот словарь расширит данные об истории русского литературного языка XIX в., отразит существующие тогда литературные нормы, выявит языковые предпочтения писателя, что необходимо в связи с работой над «Словарем русского языка XIX в.». «Фразеологический словарь языка Л. Н. Толстого» можно использовать и в учебных целях: в процессе преподавания фразеологии как части курса «Современный русский язык».

REFERENCES

- Arhangel'skaja, Ju. V. (2016) Lev Tolstoj v jazyke i rechi: Slovar' innovacij (leksika, frazeologija, aforistika) (Leo Tolstoy in Language and Speech: Vocabulary of Innovations (vocabulary, phraseology, aphoristics)). Tula: TPPO.
- Arhangel'skaja, Ju.V. (2008) Frazeologija v diskurse L.N. Tolstogo (Phraseology in the discourse of L. N. Tolstoy). Tula: Tul'skij poligrafist.
- Larin, B. A. (2003) O rabote nad novymi slovarjami (About working on new dictionaries) // Larin B. A. Filologicheskoe nasledie: sb. statej. Sankt-Peterburg: SPbGU, 649–655.
- Lomakina, O. V. (2008) Principy otbora materiala pri sostavlenii «Frazeologicheskogo slovarja L.N. Tolstogo» (Principles of material selection in the compilation of the «Phraseological dictionary L. N. Tolstoy»). Frazeologizm i slovo v nacional'no-kul'turnom diskurse. Moskva: «Izdatel'stvo "Jelpis"», 507–509.
- Lomakina, O. V. (2018) Frazeologija v tekste: funkcionirovanie i idiosstil' (Phraseology in the text: functioning and idiosstyle). Moskva: RUDN.
- Lomakina, O. V. (2017) Frazeologija kak cherta jazykovej lichnosti L.N. Tolstogo (Phraseology as Leo Tolstoy linguistic personality trait). Svět v obrazech a ve frazeologii. Praga: Univerzita Karlova, Pedagogická fakulta, 145-168.
- Lomakina O. V., Makarova, A.S. (2015) Var'irovanie ustojchivykh fraz: ot teorii frazeografii k praktike upotreblenija (Modification of the Steady Phrases: from the Theory of the Phraseography to the Practice of the Usage). Russkij jazyk i literatura v prostranstve mirovoj kul'tury. (7). Sankt-Peterburg.: MAPRJaL, 108-113.
- Melerovich, A. M. Mokienko, V.M. (1997) Vvedenie (Introduction). Melerovich A.M., Mokienko V. M. Frazeologizmy v ruskoj rechi. Slovar'. M.: Russkie slovari, 3–35.
- Mokienko, V. M. (2010) Istoricheskaja frazeologija slavjanskikh jazykov (Historical phraseology of Slavic languages). Teorija dijahronijske lingvistike. Belgrad, 103–129.
- Ochkasova, M. R. (2005) O «Slovare gallicizmov v romane L. N. Tolstogo “Vojna i mir”» (About “The Dictionary of Gallicisms in the Novel by L. N. Tolstoy's “War and Peace”»). Leksika, leksikografija, terminografija v ruskoj, amerikanskoj i drugih kul'turah. Ivanovo, 223–224.
- Rudnev, A. P. (1979) O ponjatii «kamernaja frazeologija» (na materiale frazeologii sem'i L.N. Tolstogo) (On the concept of “chamber phraseology” (based on the phraseology of the family of L.N. Tolstoy)). Problemy ruskoj frazeologii. Tula: Tul'skij gos. ped. in-t im. L.N. Tolstogo, 75–82.

Information about the author: Olga Lomakina - Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, the Peoples' Friendship University of Russia, Professor of the Department of Modern Russian Language at St. Tikhon's Orthodox Humanitarian University (Russia).

e-mail: rusoturisto07@mail.ru

Сведения об авторе: Ольга Валентиновна Ломакина - доктор филологических наук, профессор, университет Дружбы народов, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Россия)

e-mail: rusoturisto07@mail.ru

Manuscript received: 11/20/2018
Accepted for publication: 01 /25/2019
Рукопись получена: 11/20/2018
Принята к печати: 01/25/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-45-54>

Imre Pacsai
Habilitated Doctor of Philological Sciences, Professor,
Nyíregyháza High School
(Nyíregyháza, Hungary)
e-mail: drpacsai@gmail.com

THE EASTERN ORIGIN OF THE HUNGARIAN WORDS *szik, szike, szigony* AND *sás* WITHOUT ETYMOLOGY

Abstract. The scientific investigation of the origin of words is important task of the linguistics, namely the vocabulary reflects the old linguistic and cultural contacts. In case of the Hungarian language the etymological research is very important task, namely the origin of the significant percentage of Hungarian words is unknown. This is explained by the history of Hungarian people, namely during the migration they connected with a lot of people.

In this study we present the results of our comparative etymologic investigation. Studying Hindi and Hungarian vocabulary we found similar semantic and phonetic traits. Some Hungarian words that don't have clear etymology correspond to the Hindi words. The examined Hungarian and Hindi words belong to common semantic field, namely they signify similar objects. During the etymologic investigation we observed the complicated linguistic and cultural contacts between Indian, Persian, Turkish, Caucasian, Russian and Hungarian languages that explains the borrowing of the examined words.

Keywords: *comparative etymological research, vocabulary, unknown origin, similar semantic and phonetic traits, common semantic field, linguistic and cultural contacts*

Имре Пачай
Хабилитированный доктор филологических наук, профессор
Ньиредьхазская Высшая школа
(Ньиредьхáза, Венгрия)
e-mail: drpacsai@gmail.com

О ВОСТОЧНОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ВЕНГЕРСКИХ СЛОВ *szik, szike, szigony, szikáncs* И СЛОВА *sás*, НЕ ИМЕЮЩИХ ЭТИМОЛОГИИ

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются вопросы, связанные с этимологией некоторых лексических единиц венгерского языка, происхождение которых неизвестно. Они отражают языковые и культурные контакты с восточными языками, так как не связаны с европейскими языками. При изучении индоиранских и тюркских языков обнаружались семантические и фонетические параллели, служащие освящать происхождение изученных нами венгерских слов.

Ключевые слова: *этимология, неизвестное происхождение, семантические и фонетические признаки, заимствование, сходство словоформ, сопоставительный анализ*

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей статье мы рассматриваем этимологию венгерских слов, не имеющих ясной этимологии по данным работы *A magyar nyelv történeti etimológiai szótára* (1976) «Историко-этимологический словарь венгерского языка» и других этимологических словарей, по которым они до наших дней остались без этимологии.

Исследование по этимологии является важной задачей лингвистики, так как лексика разных языков отражает важные культурные и языковые контакты. Это исследование имеет особое значение в случае венгерского языка, так как в составе его лексики обнаруживается значительное количество слов, не имеющих ясной этимологии. При изучении этимологических работ по венгерскому языку мы могли установить, что многие слова в новых этимологических словарях слова остались без этимологии. Эта проблема заслуживает особого внимания тем, что венгерские исследователи тщательно рассматривали уральские, алтайские, тюркские, иранские и все возможные европейские языки при изучении этимологии венгерских слов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Обоснованность нашей концепции подтверждается выводами известных финно-угроведов, финского А. Й. Йоки и коми В. И. Лыткина, изучивших иранские контакты в финно-угорских языках.

Миграция венгров привела к установлению многосторонних контактов с иранскими и тюркскими народами. Языковые контакты финно-угорских народов с иранскими народами рассматриваются в работах многих исследователей (Collinder 1965, Korenchy 1972, Joki 1973, Harmatta 1977, Lytkin 1953, 1975 etc.).

При рассмотрении иранских заимствований в лексике пермских языков В. И. Лыткин (1975) ссылается на ранние связи финно-угорских народов с иранцами. Его статья *Пермско-иранские языковые контакты* (1975) служила для нас важным ориентиром в этимологическом исследовании. Примеры, представленные в его работе, свидетельствуют об интенсивности этих контактов: коми *амысь*, удм. *амезь* 'лемех, сошник' — праперм. *amž < новоперс. *āmāj* 'плуг, соха'; коми *горт* 'дом', удм. *гурт* 'деревня, дом' — праперм. *gort < доперм. *gert* < иран.: авеста *gərəda*: др.-инд *grháh* 'дом': коми *нод* 'нога, ножка (гриба)', удм. *ныд* 'нога' < авеста *pad-* 'нога'; коми, удм. *дас* 'десять' < авеста *dasa*; коми, удм. *кар-* 'делать' < авеста *kar* 'делать', (Lytkin 1975: 88-89).

Заимствование иранизмов в венгерском языке освещается в работе В. И. Лыткина: „Особенно много иранизмов в венгерском языке, носители которого во второй половине V в. н. э. перекочевали с территории бассейна Камы на юг, к Северному Кавказу и там долго жили в непосредственном соседстве с иранцами. В общем и целом, в венгерском языке находят около 40 иранизмов, не считая тех иранских заимствований, которые были переняты в более раннюю эпоху (в праугорскую и прафинно-угорскую). Обские угры (ханты и маньси) также немало слов переняли от южных соседей, иранцев.”(Lytkin 1975: 88)

В работах Е. Korenchy (1972) и А. J. Joki (1973), изучающих следы иранских контактов в финно-угорских языках, зафиксированы слова, заимствованные из иранских языков. Они говорят о том, что самое сильное иранское влияние наблюдается в венгерском языке, что объясняется интенсивными и длительными контактами венгерского народа с

иранцами в регионе Северного Прикавказья и северного побережья Черного моря с 5-го века н. э.

Работы известного индолога А. П. Баранникова обратили нас к изучению лексики языка хинди. В его статье (Barannikov 1928) рассматриваются парные слова в новоиндийских языках, которые являются типичными структурами и венгерского языка. В настоящей статье лексика языка хинди играет важную роль, в которой мы обнаружили лексические элементы, имеющие соотношение с изученными этимологическими вопросами.

Работа А. П. Баранникова «Хинди-русский словарь» (Barannikov 1953) служила для нашего исследования важным источником, в которой зафиксированы сотни изученных нами парных слов. Рядом с данными параллельными структурами мы наталкивались на слова хинди, которые соответствовали венгерским словам без этимологии по своим фонетическим и семантическим признакам. Этимологический анализ параллельных венгерских слов послужил интересным результатом, так как параллельные венгерские слова, по данным историко-этимологических словарей не имели и не имеют этимологии до наших дней. Они являются и сейчас неизвестными по происхождению.

При изучении лексики языка хинди обнаружили слова *sīk* / *сик* (ХРС II60) ‘1) стебель; соломинка; 2) прут; вертел; 3) шпилька; *sīkh* / *сикх* (ХРС II61) 1) металлический прут; 2) вертел; *sīkhcā* / *сикхчā* (ХРС II61) 1) железный прут; 2) вертел’; *sīkca* / *сикчā* (ХРС II60) ‘прутик’; *sīkā* / *сикā* (ХРС II60) ‘веточка’, напоминающие некоторые венгерские слова.

В составе венгерских слов наблюдаются слова *sziklevél* ‘семядоля’, *szikáncs* ‘деревянный осколок, заноза’, *sziké* ‘скальпель’, *szigony* ‘острога, багор’, не обладающие ясной этимологией. Перечисленные венгерские слова, по нашему предположению, образуют гнездо слов. Происхождение представленных слов, в которых обнаруживается общая морфема *szik* - / *szig*-, неизвестно. Данное гнездо связано с основной проблематикой настоящей статьи, то есть с этимологическими вопросами, которые отражают многосторонние языковые и культурные контакты.

Этимология компонента *szik* слова *sziklevél* ‘семядоля’ неизвестна. Слово *szik* ‘не рассматривается в венгерском историко-этимологическом словаре (TESz). Данное слово должно относиться к древнему лексическому фонду венгерского языка, что подтверждается историческими и лингвистическими данными. Выращиванием зерновых культур венгры занимались до завоевания Карпатского бассейна, о чем свидетельствуют слова *búza* (др. тюрк.) ‘пшеница’ <кум., уйг. *bugdaj*, тат. *bodaj*; *árpa* (др. тюрк.) ‘ячмень’ уйг. *arpa*, тур. *arpa*, чув. *orpa*; *szánt* (этимология неизвестна) ‘пахать’; *vet* (этимология неизвестна) ‘сеять’; *eke* < (др. тюрк.) ‘плуг’; *arat* (финно-угорского происхождения); *sarló* (тюрк.) ‘серп’ <чув. *šarlag*; *kéve* (этимология неизвестна) ‘сноп’; *tarló* (др. тюрк.) ‘стерня’ <кум. *tarlov*, чагат. *tarlag*, тур. *tarla*; обозначающие растения, предметы и действия хлебопашества.

По этим данным, не подлежит сомнению раннее использование слова *sziklevél*, обозначающего семядолю. Заслуживает внимания то, что кроме ботанического названия *sziklevél* неизвестно ни одно другое слово, обозначающее семядолю в венгерском языке.

При изучении лексики тюркских и индоиранских языков обнаружили слова, которые по звуковой оболочке являются подобными компоненту *szik*- венгерского слова. Кроме общих фонетических элементов сопоставленных слов, выделилось их общее зна-

чение. Каждое слово, имеющее форму *сых, сух, сук, six / ikh* обозначало 'вертел', либо 'остроконечные предметы'.

По форме семядоля однодольных растений похожа на вертел. Остроконечная форма семядоли хлебных злаков, выращиваемых венграми до завоевания Карпатского бассейна, могла быть типичной. В растительном мире степной зоны, где произошла миграция венгров-кочевников, доминировали однодольные злаки, поэтому остроконечная форма семядоли могла мотивировать возникновение слова.

Лексическая единица *szikáncs* 'остроконечный деревянный осколок, заноза' диалекта северо-восточной области Венгрии также связана с упомянутыми нами словами как по значению, так и фонетическим признакам. Основное значение данного слова соответствует семантике слов тюркских и индоиранских языков, обозначающих остроконечные, тонкие предметы. Семантические признаки данного слова подтверждают наше предположение, что корневая морфема *szik-* слова *sziklevél* имеет соотношение с остроконечными, тонкими предметами. Слово *szikáncs* и в аспекте фонетики имеет связь со словом *szik-* так как в корне слова обнаруживается тот же самый элемент.

В составе лексики иранского происхождения не включены слова, восходящие к персидскому *sikh* 'вертел'. При толковании обско-угорских слов, заимствованных из иранских языков, Е. Korenchy рассматривает лишь лексическую единицу венгерского языка *szik / szik* 'Sodaboden, Alkaliboden (солончак, подзол)', которая является омонимом слова *szik*, используемого в слове *sziklevél* 'семядоля'. В работе А. J. Joki (Joki 1973) слово *szik* не включено в состав иранских заимствований. В результате нашего толкования упомянутых слов дается возможность дополнить состав финно-угорских слов иранского происхождения.

Большое количество венгерских слов, связанных с хлебопашеством, обратило наше внимание к изучению этимологии сходных тюркских и индоиранских слов.

Заслуживает внимания, что среди представленных нами сходных слов, имеющих корень *сук / szik*, обнаруживаются тюркские слова. В туркменском языке используется слово *сых / syh* (ТуркРС 609) 1) вертел; шампур; 2) заостренный конец *чего-л.*. От этого слова образуется гнездо глаголов *сыхаламак* (ТуркРС 609) 'водить острием (ножа); пилить' > *сыхалатмак* (ТуркРС 609) 'водить острием; пилить (понуд.)'; *сыхламак* (ТуркРС 609) 'вонзать'. Узбекская лексическая единица *сук* (УзРС 388) 1) вертел; шампур; заостренная металлическая или деревянная (обычно из **арчи**) палочка для приготовления **шашлыка**; 2) заостренный конец *чего-л.* тоже относится к изучаемой группе слов. К слову *сук* восходит *сукмола* (УзРС 388) 'ворона'. Глаголы *сукламоқ* (УзРС 388) 1) заострять (напр конец палки), подточить; 2) нанизывать на вертел'; *суклатмоқ* (УзРС 388) 'понуд. от *сукламоқ*' тоже образуются от заимствованного слова. Об укоренении заимствованных слов свидетельствуют как, слова образованных от слова *sikh*, обозначающего 'вертел либо остроконечные предметы', так и следующая пословица *Сух ҳам қуймасин, кабоб ҳам* (УзРС 388) 'букв: чтобы ни вертел не сгорел, ни шашлык'.

Тюркские слова, заимствованные из иранских языков, указали на многосторонние языковые контакты, которые подтвердились данными персидского исторического - словаря *Loghatnāme*, в котором трактуется происхождение персидского слова *six/ sikh* 'вертел'. По толкованию словаря персидское слово *sikh* было заимствовано из санскритского языка и восходит к древнеиндийскому слову *sikhā* 'вертел' (*Loghatnāme* V. 16. 13877). Санскритское происхождение персидского слова, которое было перенято в тюркские язы-

ки, подтверждает наше предположение об общем этимологическом корне слов хинди, содержащих морфему *сик*.

Исходный характер санскритского слова подтверждается гнездом языка хинди, в котором обнаруживаются слова, относящиеся к разным семантическим полям. При изучении семантики слов с корневой морфемой *сикх* / *сик* мы могли установить, что в языке хинди слова, восходящие к санскритскому слову *sikhā*, образуют большое гнездо, к которому относятся и ботанические названия.

Зачения слова языка хинди *sīk* / *сик* (ХРС 1160) ‘1) стебель, **соломинка**’; относящиеся к ботаническим названиям могут иметь связь с венгерским словом *sziklevél* ‘семядоля’ и со словом *szikáncs*. Значения: 2) прут, вертел; 3) шпилька’ подчеркивают внешний вид упомянутых венгерских слов. Как у венгерского, так и у слова хинди наблюдается значение, связанное с растительным миром. К данному гнезду слов примыкают слова *sīka* / *сикча* (ХРС 1160) ‘прутик’; *sīka* / *сика* (ХРС 1160) ‘веточка’, относящиеся к семантическому полю растительного мира.

По нашему предположению, венгерское слово *szigony* (TESz III/748) ‘острога, багор’ (без этимологии) по своим фонетическим и семантическим свойствам этимологически родственен как словом *sīkh* / *сикх* (ХРС 1161) 1) металлический прут’; 2) вертел’; *sīkhcā* / *сикчā* (ХРС 1161) 1. железный прут, 2. вертел’ так и вышеупомянутым словом *sīk* / *сик* (ХРС 1160) обладающим вторичными значениями 2) прут; вертел; 3) шпилька’. Глагол *szigonyoz* ‘острожить’ связан со значением слов *sīkh* / *сикх* (ХРС 1161) 1. металлический прут; 2. вертел’ и *sīkhcā* / *сикхчā* (ХРС 1161) 1. железный прут, 2. вертел’.

Башкирское слово *суга* (БРС 539) ‘заклёпка’, которое используется в словосочетании *суга мәнән беркетеп* ‘закрепить заклёпкой’ (БРС 539) заслуживает внимания с точки зрения этимологических связей в аспекте фонетики. В данном слове используется гласный «г», который обнаруживается и в венгерском слове *szigony* (g).

Данное фонетическое свойство указывает на то, что в слове *szigony* используется фонетический вариант корня *szik* - в форме *zig* -, относящийся к изученному гнезду.

Башкирское *суга* (БРС 539) обладает фонетическим вариантом *сик* ‘заклёпка’, который в аспекте фонетики вполне соответствует как венгерскому *szik*-, так персидскому *six* и хинди *sīkh* / *сикх*. В башкирском слове *сик*, подобно туркменскому *сых* и узбекскому *сик*, сохранились фонетические элементы звуковой оболочки персидского слова.

Слово, обозначающее «острог», тоже имеет соотношение с данной группой, так как жители Африки и Полинезии и в наши дни используют заостренные палки вместо металлического острога.

Венгерское слово *szike* (TESz III/750) ‘скальпель’ (неизвестное по происхождению) также относится к данной группе слов по своей семантике и фонетическому признаку. Заслуживает внимания значение туркменского слова *сыхаламак* (ТуркРС 609) ‘водить острием (ножа)’, которое связано с функциональным свойством скальпеля. Данный инструмент хирурга, служащий для операции, используется подобному образу.

По нашему предположению, венгерское слово *sás* / **шаш** TESz III/ 498) ‘осока (Carex)’ также относится к гнезду изученных нами слов без этимологии.

Этимология венгерского слова имеет опосредственную связь со словами индийского и персидского языков. Оно могло войти в венгерский язык через тюркские языки. Данный этимологический анализ должен учитывать изменение персидского слова *sikh*

‘вертел’, о котором упоминается в персидской работе *Loghatnāme*, в которой трактуется происхождение персидского слова *six/sikh* ‘вертел’ (*Loghatnāme* V. 16. 13877).

При толковании этимологии персидского слова упоминается о заимствовании этого слова и укоренении в тюркских языках, в которых произошло преобразование звуковой оболочки персидского слова. В персидской работе представлены варианты персидского слова в тюркских языках: *šiš, šeš, čiš*, образованных от персидского слова *six (sikh)* ‘вертел’.

Об укоренении персидского слова *six* в туркменском языке свидетельствуют слова, образованные от него: *сых* ‘вертел’ > *сыхламак* ‘вонзать’; *сыхаламак* ‘водить острием ножа, пилить’ > *сыхамак*; *сыхаламак* > *сыхаланмак* ‘быть подпиленным’; *сыхаламак* > *сыхаламаклык*.

О параллельном использовании синонимов в туркменском языке свидетельствуют *сых* (ТуркРС 609) ‘1) вертел; шампур; 2) заостренный конец чего- и *чиш* (РтуркС 61) ‘вертел’, от которого образован глагол *чишлемек* ‘колоть, прокалывать’. Туркменский глагол *сыхламак* ‘вонзать’ также обозначает сходное действие. Слово *чишлик* ‘шашлык’ тоже восходит к слову *чиш*. Заслуживает внимания, что слово *сых* более активно использовано в деривации.

Это явление объясняется работой М. Ф. Палевской, в которой говорится о борьбе синонимов. Этот процесс тщательно изучен Ю. Апресяном и венгерским лингвистом И. Ньюмаркаи, представляющими вытеснение одного элемента синонимической пары под влиянием культурного престижа.

По нашему предположению венгерское слово *sás* (TESz III/ 498) ‘осока (*Carex*)’, неизвестное по происхождению также может иметь этимологическую связь со словами, обозначающими остроконечные предметы. В этимологическом словаре венгерского языка говорится о том, что слово *sás*, по данным, зафиксированным в 1791-ом году, обладало значением ‘листья хлебных злаков’. Данное значение возникло посредством ассоциации, в основе которой лежал сходный вид листьев.

Наименование растений часто связано с их внешним видом, который мотивирует ассоциацию. Длинные, острые и остроконечные листья осоки, напоминающие обоюдоострый меч, могли мотивировать название растения.

При возникновении народных ботанических названий ассоциативные связи нередко играли важную роль. Данный способ наименования отражает венгерское ботаническое название *kardvirág* (ВРС 1191) ‘шпажник (*Gladiolus*)’ < *kard* ‘меч’ + *virág* ‘цветок’, указывающее на внешнюю форму растения, так как листья похожи на обоюдоострый меч. Венгерское название восходит к латинскому ботаническому названию *Gladiolus* < *gladius* ‘короткий обоюдоострый меч гладиатора’ (*gladius* > *gladiator*). Название *Gladiolus* также непосредственно связано с формой листьев, напоминающих обоюдоострый меч, подобно венгерскому ботаническому названию. Заслуживает внимания калькирование в русском названии *шпажник* < шпага’ данного растения, которое тоже указывает на острый характер листьев.

Упомянутые ассоциативные связи отражают и другие венгерские ботанические названия: *sarkantyúka* ‘капуцин, настурция / *Tropaeolum* (букв: маленькая шпора < *sarkantyú* ‘шпора’)’; *sarkantyúvirág* ‘делфиниум/ *Delphinium* (букв: цветок-шпора)’; *békalencse* ‘ряска (*Lemna*), (букв: лягушечья чечевица < *béka* ‘лягушка’ + *lencse* ‘чечевица’, а *sás buzogánya* ‘початок осоки (букв: булава осоки < ‘*buzogány* ‘булава)’); *papsajt* ‘плод

обыкновенного просвирняка (букв: сыр попа < *sajt* ‘сыр’). Ботанические названия русского языка *лопух*, *лопушник* тоже отражают внешний вид растения.

Русское слово *шапка*, по нашему предположению, также примыкает к словам, восходящим к санскритскому *sikhā* ‘вертел’. По толкованию М. Фасмера слово *шапка* (Fasmer IV/ 416) ‘холодное оружие’ было заимствовано из кавказских языков. Примеры черк. (абадзех.) *šesxo*, кабард. *sešxo*, взяты из северных кавказских языков. Фасмер пользуется и словом кумыкского языка *šoška* ‘холодное оружие’, которое является тюркским и не кавказским.

Географические признаки языков, относящихся к северокавказской группе, чрезвычайно важны с точки зрения языковых контактов. В. И. Лыткиным упоминается об ареале Северного Кавказа, где венгры установили контакты с иранцами.

Знаменитый эксперт иранских языков В. И. Абаев подчеркивает то, что иранские влияния сыграли большую роль в жизни народов Ближнего Востока, Кавказа и Южной Азии. Исследователи кавказских языков В. И. Абаев и Е. Л. Грантовски, Е. В. Сатцеев указывают на то, что с середины I-го тысячелетия д. н. э. кавказские народы имели связь с иранскими народами. Имя первой грузинской династии **Farnavaz** - / **Фарнаваз** ‘несущий благо’ восходит к иранскому слову *farn* ‘благо, милость’. О восточноиранском происхождении имени *Farnavaz* свидетельствует фонетическое изменение $p > f$.

Значительное количество иранизмов явно отражают интенсивность иранского влияния. Имена грузинского царского рода и военно-служивой знати упомянутой династии *Saragas* ‘невредимый, живой’, *Saurmag* ‘смуглорукий’, *Savlak* ‘смуглый мужчина (человек)’, *Zewax* ‘ленивый’, *Mitridat* ‘полученный от солнечного бога Митра’, *Aspagur* ‘светлый конь, имеющий коней светлой масти’ свидетельствуют об иранских контактах.

Слова из языка авеста в грузинский язык были заимствованы посредством древне- и среднеперсидского языка. В грузинский язык вошли и многие слова из осетинского языка, которые были ассимилированы, и стали органическими элементами лексики.

Тюркские слова, восходящие к персидскому слову *sux* ‘вертел’, и русское *шапка*, могут иметь этимологическую связь с венгерским словом, так как обладают общими семантическими признаками и сходной звуковой оболочкой.

Турецкое *şiş* (ТурРС 811) ‘1) вертел (*şiş kebab* ‘шашлык’); 2) *örgü şişi* ‘вязальные спицы’; 3) клинок; 4) *меч, сабля, шпага*’ также обозначает остроконечные, тонкие и острые предметы. Особенно важно, что турецкое слово обозначает разные виды холодного оружия. Турецкая пословица *ne şiş yansın ne kebab* (ТурРС 811) ‘чтобы не сгорел ни вертел, ни шашлык’ является эквивалентом узбекской пословицы.

Кумыкское слово *šoška* ‘холодное оружие’ и казахские слова *шошак* (КаРС 388) ‘остроконечный’, *шошаю* (КаРС 388) ‘заостраться/ заостриться’, *шошайту* (КаРС 388) ‘поставить вверх острием что-л.’, в которых наблюдается морфема *шош-*, по своим фонетическим признакам отражают сходство с венгерским словом *sás* (TESz III/ 498) ‘осока (Carex)’.

Тюркские слова: турецкое *şiş* (ТурРС 811), татар. *şyş*, кумык. *шош*; кавказские слова черк. (абадзех.) *šesxo*, кабард. *sešxo*; русское *шапка* и венгерское *sás* ‘осока (Carex)’ образуют фонетическую цепочку. В этих словах наблюдаются общие согласные *š*, а гласные *á – a – o – y – e – i* образуют корреляцию по подъему. Казахские слова тоже непосредственно связаны с персидским *sikh*. Фонетические признаки корня кумыкского

слова *šoška* вполне соответствуют признакам корней *шох*- казахских слов, что свидетельствует о специфическом процессе ассимиляции заимствованного слова.

Тюркские слова, имеющие связь с венгерским *sás* и русским *шапка*, интересны тем, что они восходят к тому же самому индоиранскому корню, который наблюдается в представленных выше примерах.

По данным персидского этимологического словаря, толкующего фонетические признаки тюркских слов, восходящих к персидскому *sikh* 'вертел', освещается связь между русскими словами *шух* и *шаплык* и словами индоиранских языков. Русское слово *шух* имеет соотношение со словами *сук*, *sikh* 'вертел' к которым восходят и венгерские слова изученного гнезда. Этимологические вопросы русского слова *шух* с успехом были решены Е. А. Хелимским (2000) в его статье «*Два шуха*»: *turkic šiš(ik) and fennic hīsi in Russian*. Русское слово *шух*, обозначающее остроконечные предметы, по мнению Е. А. Хелимского, восходит к тюркским языкам.

Е. А. Хелимский подчеркивает тот факт, что словоформа *шух*, подобно лексическим единицам *мир* либо *лук*, относится к двум словам. Русские слова, обозначающие понятия «конообразные предметы» и «опухоль» - являются омонимами, они восходят к тюркским омонимам, которые **не связаны друг с другом** в аспекте этимологии. Хелимский делает попытку определить праформу представленных тюркских слов тур. *šiš*, кирг. *šiš*, каз.- тат. *šeš*, туркм. *čiš*, обладающих значениями 'вертел, вилы'. Не учитывая персидское происхождение тюркских слов, он предполагает существование общей древнетюркской праформы, к которой восходят фонетические варианты в разных тюркских языках.

По нашему мнению, в основе разнобоя лежит тот факт, что исследователи не обратили внимание на персидское происхождение словоформ *šiš*, *šiš*, *šeš*, *čiš*, образованных от персидского слова *six* (*sikh*) 'вертел'.

Тюркские примеры дают представление как о распространении изученного слова, так и о процессе его ассимиляции. Изучение лексики туркменского и узбекского языков содействовало бы более углубленному анализу тех языковых контактов, которые непосредственно связаны с возникновением слова *шух*.

В упомянутых тюркских языках параллельно используются слова *сых* / *сух* и *шух* / *чух*, обозначающие денотат вертел. Они дают представление о преобразовании заимствованных слов из персидского языка. Слова *сых* / *сух* туркменского и узбекского языков сохранили звуковую оболочку персидского слова, а их синоним *шух* подвергнулся фонетическому изменению по закономерностям тюркских языков.

Необходимо указать на продуктивность первичной формы в туркменском и узбекском языках, что подтверждает их укоренение и более древний характер их заимствования.

Эти факты служат аналогией для изученных венгерских слов. Словоформы *sziklevél*, *szikáncs*, *szike*, *szigony* более близки к исходным словам, к индийскому *sikha* и персидскому *sikh*, а слово *sás* по словоформе отражает тюркское влияние и заимствование через тюркские языки. Все это дает представление об эпохе заимствования. Слова, близкие к индоиранским словам, представляют более раннее заимствование, а слово тюркского характера было заимствовано намного позже.

Наш этимологический анализ содействовал не только освещению этимологии венгерских слов неизвестного происхождения, но и раскрыл интересные факты языковых и культурных контактов венгерского народа в эпоху миграции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей статье мы старались представить семантическое и фонетическое сходство некоторых венгерских индоиранских и тюркских слов, которые могут раскрыть неизвестные этимологические соотношения посредством сопоставления параллельных слов.

В венгерском языке наблюдаются лексические единицы без этимологии, которые можно соотнести к индоиранским словам. Семантическое и фонетическое сходство сопоставленных слов указало на возможную этимологическую связь между венгерскими и индоиранскими словами.

Важным ориентиром для нашего исследования служили работы Й. Йоки и В. И. Лыткина, представляющие иранские элементы лексики финно-угорских народов. В этих работах упоминается о сильном иранском влиянии в венгерском языке, что определяется с пребыванием венгров в регионе Северного кавказа.

Важными доказательствами явились русские слова *шиш*, *шашка*, *шашлык*, относящиеся к тому же семантическому полю по характеру корневых морфем. При рассмотрении этимологических вопросов упомянутых русских слов, заимствованных из тюркских языков, выделилось их неизвестное еще соотношение как с санскритским языком, так с иранскими языками. Этимологические вопросы тюркских слов, перенятых в русский язык, освещали те языковые и культурные контакты, которые могут лежать в основе возникновения неизвестных по происхождению венгерских слов.

REFERENCES

- Bañcerowski Janusz (2008) *A világ nyelvi képe. A világgép mint a valóság metaképe a nyelvben és a nyelvhasználatban*. Tinta Könyvkiadó. Budapest
- Collinder, B. *Zur indo-uralischen Frage*. (SSUF 1952-1954.) Uppsala 1954.
- Eilers, W., Mayrhofer, M. (1960) *Namenkundliche Zeugnisse der indischen Wanderung? Eine Nachprüfung*, «*Die Sprache*» VI, 1382-97.
- Harmatta János (1977) *Irániai és finnugorok, irániai és magyarok. Magyar őstörténeti tanulmányok* 167-182. Budapest
- A. J. Joki.: (1973) *Uralier und Indogermanen*. Helsinki
- Keszler Borbála (1991) *A mai magyar nyelv*. Tankönyvkiadó, Budapest
- Korenyh Éva (1972) *Iranische Lehnwörter in den obugrischen Sprachen*. Budapest
- Kretschmer, P. (1943) *Inder am Kuban*. «*Anzieger [der] Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse*» 80Jg., 1943(1944), № I — XV, 35-42.
- Minns, E. H. 1913. *Scythians and Greeks*, Cambridge
- Nyomárkay István (2000) *A világ nyelvi képe az idegen szavak tükrében egy horvát drámában*. *Magyar Nyelvőr* 124: 487–494.
- Abaev, V. I. (1959) *Grammaticheskiy ocherk osetinskogo yazyika*. Ordzhonikidze
- Abaev, V. I. (1989) *Istoriko-etimologicheskii slovar osetinskogo yazyika*. V.4 tomah. Nauka.
- Afimov, N. V. (1958) *Plemena Prikubanya v sarmatskoe vremya*. SA, XXVIII, 43-67. M.
- Barannikov, A. P. (1928) *Sinonimichnyie povtoryi v novoindiyskikh yazyikah*. Leningrad
- Grammatika mordovskikh yazyikov*. Pod redaktsiey D. V. Tsyigankia. Saransk, 1980.
- Grantovskiy, E. A. (2007) *Rannnyaya istoriya iranskih plemen Peredney Azii*. Vostochnaya literatura.

Lytkin, V. I. (1953) Istoriya slovarnogo sostava permskih yazyikov. Voprosyi yazyikoznaniya 1953 / 5 48-69.

Lytkin, V. I. (1975) Permsko-iranskie yazyikovyye kontaktyi. Voprosyi yazyikoznaniya 1975/3. 84-97.

Palevskaya, M. F. (1967) Problema sinonimicheskogo ryada. Moskva. Nauka.

Toporov, V. N. (1962) O nekotorykh problemakh izucheniya drevneindiyskoy toponimii. «Toponimika Vostoka» 48 –65. Moskva

Trubachov, O. N. (1976) O sindah i ih yazyikah. Voprosyi yazyikoznaniya 1976/ 4 s. 39-63

Trubetskoy, N. S (1927) Verhi i nizyi russkoy kulturyi. In: Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9, # 1, 87 98. 1991 Moskva.

Helimskiy, E. A. (2000) Dva shisha: Turkic *šiš(ik)* and fennic *hīsi* in russian. Yazyiki russkoy kulturyi. Komparativistika, uralistika. Lektsii i stati. 358-363 Moskva.

EWUng = *Etimologisches Wörterbuch des Ungarischen*. Akadémiai Kiadó Budapest,

Loghatnāme= Ali Akbar Dehkhoda 1988. *Loghatnāme* Teheran University Publication

MOSz =Hadvics L., Gáldi L. Magyar—orosz szótár I-II . Akadémiai Kiadó Bp. 1969.

TESz = A magyar nyelv történeti etimológiai szótára. Akadémiai Kiadó Budapest, 1976.

БРС = Bashkirsko-russkiy slovar', Moskva, 1996. Russkiy yazyik

КРС = Kazahsko- russkiy slovar' Moskva, 1996. Russkiy yazyik

КиРС = Kirgizsko-russkiy slovar'. Moskva, 1965. Gosud. izdatelstvo inostrannyih i natsionalnyih slovarey

ПРС = Persidsko-russkiy slovar'. Moskva, 1953. Russkiy yazyik

РПС= Russko-persidskiy slovar'. Moskva. 1986. Russkiy yazyik

РТуркС = Russko-turkmenskiy slovar' Moskva, 1956. Gos. izd. inostr. slovarey

ТаРС= Tatarsko russkiy slovar', Moskva 1966. Russkiy yazyik.

ТуркРС= Turkmensko-russkiy slovar'. 1968. Moskva, «Sov. entsiklopediya»

ТуЗС = Turetsko-russkiy slovar', Moskva, 1977. Russkiy yazyik.

УзЗС = Uzbeksko-russkiy slovar', Moskva, 1959. Gosud. izdatelstvo inostrannyih i natsionalnyih slovarey

Фасмер = Fasmer, M.: Etimologicheskii slovar' russkogo yazyika. Moskva, «Progress» 1986.

ХРС = Hindi-russkiy slovar', Moskva, 1953. Russkiy yazyik.

Information about the author: Pacsai Imre - Habilitated Doctor of Philological Sciences

Professor, Nyíregyháza High School , (Nyíregyháza, Hungary)

e-mail: drpacsai@gmail.com

Сведения об авторе: Имре Пачай - хабилитированный доктор филологических наук, профессор, Ньиредьхазская Высшая школа (Ньиредьхаз Венгрия)

e-mail: drpacsai@gmail.com

Manuscript received: 11/28/2018

Accepted for publication: 01 /25/2019

Рукопись получена: 11/28/2018

Принята к печати: 01/25/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-55-65>

Olga Natkho

**PhD in Philology, Associate Professor
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education “Pyatigorsk State University”
(Pyatigorsk, Russia)
e-mail: onatkho@mail.ru**

BUSINESS DISCOURSE AND ITS ROLE AS AN OBJECT OF BUSINESS AND COMMERCIAL LINGUISTICS

Abstract. The article deals with the notions business, professional and commercial discourse. Business discourse is a verbal or written communication between people interested in business interaction to promote their interests. It is a universal type of institutional discourse which has cultural and communicative orientation, pragma-semantic load and stylistic regulation, strict regulation and conventionality, stereotype and repeatability of communicative situations, speech etiquette. We believe that professional discourse is a vocational-oriented vocabulary, and institutional discourse is a set of social and communicative practices which brings together representatives from diverse professional communities interacting within a social institution. Commercial discourse is an embodiment of an invariant discourse model in a communicative situation in business created by a specific group of people in business. The author argues that business and professional discourses are largely synonymous while business discourse and commercial discourse are not because they are in hypo-hyperonymic relationship where commercial discourse is incorporated in business discourse.

Key words: *business discourse, commercial discourse, communication*

О. И. Натхо

Кандидат филологических наук, доцент

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ПГУ»)
(Пятигорск, Россия)
e-mail: onatkho@mail.ru**

ДЕЛОВОЙ ДИСКУРС И ЕГО РОЛЬ ОБЪЕКТА ДЕЛОВОЙ И БИЗНЕС - ЛИНГВИСТИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются понятия делового, профессионального и бизнес-дискурсов. Деловой дискурс является устным или письменным общением между людьми, заинтересованными в деловом взаимодействии с целью дальнейшего продвижения своих интересов. Это универсальный тип институционального дискурса, который обладает четко очерченной культурологической и коммуникативной направленностью, характерной прагма-смысловой нагрузкой и стилистической регламентированностью, жесткой регламентированностью и конвенциональностью, стереотипностью и повторяемостью коммуникативных ситуаций, речевым этикетом. Мы полагаем, что профессиональный дискурс является профессионально-ориентированным лексиконом, а институциональный дискурс является совокупностью социально-коммуникативных практик, который объединяет

представителей разнообразных профессиональных сообществ, взаимодействующих в рамках какого-либо одного социального института. Бизнес - дискурс представляет собой воплощение инвариантной модели дискурса в определенной коммуникативной ситуации в бизнесе, создаваемой конкретной группой людей. Авторы приходят к выводу о том, что деловой и профессиональный дискурс в значительной степени представляют собой синонимичные явления, в то время как бизнес-дискурс и деловой дискурс нельзя отождествлять, поскольку они связаны сугубо гипо-гиперонимическими отношениями, где бизнес-дискурс инкорпорирован в деловой дискурс, который является более глобальным и универсальным.

Ключевые слова: деловой дискурс, бизнес - дискурс, коммуникация

INTRODUCTION

At the present stage of the world community development such an aspect of interaction as business communication is one of the most popular categories of the social information exchange. Communication as such is an organized and managed information exchange, regulated according to certain rules, norms and stereotypes. Consequently, the control over messaging regulation within any kind of communication is not a mere formality but a necessity and one of the cornerstones of this type of activity.

LITERATURE REVIEW

It must be noted that business communication can be understood as any kind of communication between partners, aimed at solving certain business issues and having an interpersonal character (Imametdinova 1996). At the same time, some researchers define business communication as the process of transferring business-relevant information as a kind of communication core (Serova and Raskopina 2011). N. Fomina combines this component with a simultaneous process of communicative interaction (Fomina 2005).

Speaking of business communication studies in foreign linguistics it is important to note the limitations of professional interests by the framework of applied linguistics traditionally present among western researchers, first of all by linguomethodology and language pedagogy. Such popular research areas like Applied Linguistics in Language Acquisition, Language for Specific Purposes – LSP, English for Specific Purposes – ESP, English for Special Business Purposes – ESBP, Business English can serve as a proof of this.

Also, much attention is paid to the verbal design of specific speech registers (presentations, negotiations, business and commercial correspondence, etc.); to the functioning of oral and written communication modes within specific commercial structures (workplace discourse; language at work analysis), intercultural negotiation studies, business communication process and product; intercultural business communication; corpus analysis of professional discourse; business communication education in cross-cultural contexts; media richness theory; to the development of new traditions of rhetorical science applied to business communication (Daft and Lengel 1984; Lewis 1999; Yates and Orlikowski 2002; Coupland 2005; Gillaerts and Gotti 2005; Bargiela-Chiappini et. al., 2007; Bargiela-Chiappini 2009) etc. Foreign linguists' effective work in the modern business communication study is reflected in successful functioning of the

Association for Business Communication – ABC as well as in quarterly editions of “The Journal for Business Communication” and “Business Communication Quarterly”.

In the course of this research, we tend to stick to E. Morozova’s views who defined business communication as an effective and most appropriate way to organize and optimize professional, industrial, scientific, commercial, political and other activities (Morozova, 2008). This definition seems to us the most suitable for the objectives of the study to be fulfilled, because such an understanding of business communication is most closely related to the concept of business discourse as the main tool of the verbal vocational performance implementation.

FINDINGS

The subject matter of this work dictates the need to define clearly the coordinate system where we will conduct further research of the study object. Thus, the terms “business discourse” (BD), “professional discourse” (PD) and “commercial discourse” (CD) will be form-building for the conceptual-categorical apparatus used by us.

Everybody knows that modern linguistic literature presents a diverse number of “discourse” definitions. We adhere to the discourse interpretation from the standpoint of the cognitive-communicative approach, according to which it is an integral phenomenon, a cognitive-communicative activity, the totality of the process and the result which includes both linguistic proper and extralinguistic aspects (Fairclough 1989).

F. Bargiela-Chiappini and C. Nickerson’s definition has the most generalized character: in their opinion, BD is a verbal or written communication between people who are directly interested in business interaction in order to promote their interests (or their organization’s interests) further, while the communicators are the owners of specific status-role relationships (Bargiela - Chiappini and Nickerson 2002).

According to S. Shilova, the phenomenon of BD should be studied as one of the types of official interaction which has its own specifics both in content and goals of communication, and in a certain nature of relations between the participants of communication (Shilova 1998). In A. Stebletsova’s opinion, BD is a universal type of institutional discourse which provides the necessary level of communicative interaction in any area of professional activity (Stebletsova, 2014).

These definitions provide a visual representation of unequivocal domination of status-role (institutional) characteristics of BD as well as about its so important quality as universality.

We find T. Shiryaeva’s point of view quite interesting: she, above all, understands by BD a human purposeful verbal-minded status and role activity; and business relationships which are aimed at making a profit and based on rules and regulations accepted in business community’s communication, are their common feature (Shiryaeva 2014).

Thus, BD is such a format of communication between individuals in which business relationships act as a common parameter; they are based on a common perception and understanding of the business picture of the world, a combination of professional values and knowledge, the most important principles of speech etiquette.

The comparison of the concepts of BD and business communication in some scientists’ research also opens up new perspectives for a more detailed study of the issue. For example, V. Ponomarenko places special emphasis on a combination of communicative, cultural and prag-

matic competences, which the participants of BD must have to carry out an adequate process of interaction in business and commercial area (Ponomarenko 2007).

Thus, we can conclude that along with its “institutional universality”, the purposefulness of speech behavior and correlation of the business picture of the world as a basic parameter of interaction between communicators, BD has a clearly defined *cultural and communicative orientation* as well as the characteristic *pragma-semantic load* and *stylistic regulation*.

Examining BD with a social stratification perspective researchers position this phenomenon as a process of people’s communicative interaction built according to a strict hierarchical principle which shows the cumulative illocutionary aim of BD: profit making through joint activities (Kutyaeva 2007).

So, another specific property of BD appears – its *social stratification aspect* expressed in creating social and cultural business communication in accordance with a hierarchy principle, causing further application of phatic, incentive and, to some extent, emotive functions of this interaction.

One of the most important specific parameters of BD, in general, and English-speaking BD, in particular, there is *a strict regulation and conventionality of the communicative norm* expressed in the need to form interaction according to quite a few strict rules and limitations of speech behavior, the standardization of communication participants’ verbal behavior and their subordination to fixed restrictions and rules as well as the parties’ clear and consistent structuring interactions (Khramchenko 2014).

Here is an example of Partnership Agreement including the clauses on the withdrawal of capital and additional capital:

Withdrawal of Capital

No Partner will withdraw any portion of their Capital Contribution without the express written consent of the remaining Partners.

Additional Capital

Capital Contributions may be amended from time to time, according to the requirements of the Partnership provided that the interests of the Partners are not affected, except with the unanimous consent of the Partners. No Partner will be required to make Additional Capital Contributions. Whenever additional capital is determined to be required and an individual Partner is unwilling or unable to meet the additional contribution requirements within a reasonable period, as required by Partnership business obligations, remaining Partners may contribute in proportion to their existing Capital Contributions to resolve the amount in default. In such case the allocation of profits or losses among all the Partners will be adjusted to reflect the aggregate change in Capital Contributions by the Partners.

(<https://www.lawdepot.com/>)

As we can see, the limitations on the choice of verbal means, tough ritualization of certain genre varieties, a clear sequence of both speech actions and action components, as well as their correlation with pragmatic and socio-cultural conventions determine another characteristic parameter of BD – *speech etiquette*, which we understand as common speech acts used by the speaker in favor of the addressee according to communication participants’ status-role and interpersonal relations, communicative purpose and other pragmatic factors. The most vivid and obvious example of the mandatory observance of speech etiquette in business communication is the following business call:

ASSISTANT: Hello, Harris & Co, *how can I help you?*
CLIENT: Hi, Michael Horgan here from Baylis in Miami. Is Mari Jeangeorges there?
ASSISTANT: *I beg your pardon? Who would you like to speak to?*
CLIENT: Mari Jeangeorges? Is she there?
ASSISTANT: *Who's calling, please?*
CLIENT: Michael Horgan.
ASSISTANT: I'm sorry; Mrs Jeangeorges has already left the office today. *Shall I ask her to call you tomorrow?*
CLIENT: No, it's okay. I'll send her an email.
ASSISTANT: Oh, okay. *That'll be fine.* Do you have her address?
CLIENT: Yeah, no problem. I'll email her. Bye for now.
ASSISTANT: Bye.

(Englishfor Business Communication, 2003)

The above parameters provide predictability and communicants' simulated behavior in BD. These parameters increase the automatism of speech activity reproduction through the use of generally accepted speech standards, thus making the understanding and generation of speech easier.

So, strict regulation and conventionality determine another parameter of BD – *the aspect of stereotype and repeatability of communicative situations* expressed in the use of specific expressions and standards, cliché formulas and phrases enshrined in business ethics. As an example, we give a bank employee's response letter on customer's request on Granting a Loan:

Mr. Richard Cliff
Homemakers Ltd
54-59 Riverside
Cardiff CF11JW

Dear Mr. Cliff

With reference to our meeting on 23 September, *I am pleased to tell you that* the **credit** for £18,000 which you requested has been approved.

We discussed an **overdraft**, but agreed it would be better if the credit were given in the form of a **loan** at the **current rate of interest** (-%), **calculated on half-yearly balances**.

The loan must be repaid by 30 June 20-, and we will hold the £8,000 **ordinary shares** and £3,000 local **government bonds** you pledged as security. We agreed that the other £2000 would be guaranteed by Mr Y. Morgan, your business associate. *I would appreciate it if you could* ask him to sign the enclosed **guarantor's form**, and if you could sign the attached agreement.

The money will be credited to your **current account** and will be available from 30 September *subject to your returning both forms by that time*.

I wish you success with the expansion of your business and *look forward to hearing from you*.

Yours sincerely

Ian Evans
Manager

Enc

(Oxford Handbook of Commercial Correspondence, 2003)

The given letter provides a complete picture of the classical structure of English-language business correspondence the main characteristics of which are strict regulation (*clear architectonics of a business letter*), the codification of a message through stereotyped forms (*with reference to ..., I am pleased to tell you that...*), mandatory speech etiquette regardless of the pragmatic message setting (*Dear ..., Yours sincerely, ...look forward to hearing from you*), an extensive use of terminology (*overdraft, current rate of interest, ordinary shares, guarantor's form*).

The distinctive characteristics of BD presented by us summarize, to some extent, and complement, to a significant degree, the relevant features of BD institutionalization identified and described by T. Shiryayeva, among which the most significant constitutive features are as follows:

- a specific purpose of communication;*
- specific participants;*
- a specific social chronotop;*
- specific values;*
- specific strategies;*
- a specific overall picture of the world;*
- specific characteristics of texts* (Shiryayeva 2014).

Thus, all researchers recognize BD unanimously as a multidimensional, complex phenomenon and institutional (status-oriented) composition, within its framework, communication participants are not just individuals, but representatives of a particular social institution (Karasik 2000). BD being a multifaceted cultural-cognitive-communicative and subject-cognitive, professionally-oriented sphere, is a certain theoretical abstraction, and for its adequate functioning the very concept of stratification is undoubtedly important, but not vital. This raises a logical question: how do institutional, professional and business discourses relate precisely?

To distinguish between the institutional and professional types of discourses S. Sarangi and C. Roberts put forward the daily use of actual concepts of "professional" and "institution" as their main distinguishing feature. A professional being a specialist and a member of a particular professional community, possesses specific knowledge, skills and abilities; as for the organization or any institution, they are associated with consistency, norms, the need to exercise authority more than with any group of people. From this, the scientists conclude that the professional discourse is created by professionals themselves who have clearly defined rights and obligations, and the institutional discourse combines different genre varieties authorized by a particular organization or institution. At the same time, the researchers admit the possibility of intersection of these types of discourse within one context (Sarangi and Roberts 1999).

The institutional (status, ritualized) type of discourse is presented as opposing to the personal discourse (domestic, personal). Those types of discourse that are characterized by institutionalism, function and are meaningfully used as social institutions under the same name in each relevant professional area. Any institutional professional discursive type is divided into discursive genres of a more specific nature. We assume that the most extensive is the meaningful scope of the "institutional discourse" concept which includes the concept of "professional discourse".

Within this study, the "national" point of view regarding the differentiation in question seems to be more constructive. We believe that professional discourse is a vocational-oriented vocabulary and subject area of the language which allows differentiating medical, sports, legal

and other discourses clearly. In turn, institutional discourse is a set of social and communicative practices which are in most cases trivial; it brings together representatives from diverse professional communities interacting within any one social institution.

The next logical question is to identify the status of BD itself in the system described above.

If we examine BD restrictedly, extending its substantive and informative spaces only to the business and commercial sphere, this discourse will undoubtedly be a part of professional discourse. This approach identifies the concepts of institutional and professional discourses with “discourse in work-related settings” or “workplace interaction” (Atkinson and Drew 1979, Drew and Heritage 1992, Candlin 2002, Holmes 2006, Stubbe et al. 2003).

If understanding BD acquires more extended boundaries and includes emphasizing its interaction, intentionality and effectiveness, BD is a component of institutional discourse in this case.

We see the description of the just presented approaches to understanding the nature of BD related to its place in the “discursive hierarchy” as necessary for an adequate perception of BD and CD, because the first approach narrows down the notion of BD to CD as a mechanism for mentality and ideology verbalization of commercial sphere; and under the second approach BD loses such restrictions being used in completely different social and professional institutions and thereby acquiring an autonomous and meta-discursive character at the same time. This given differential component of the discourse types shows clearly that understanding the essence of BD is impossible without identifying the nature of the relationship of PD and BD precisely.

The definition of the “business situation” concept supports the idea of the identification of BD with PD. This concept underlies both types of discourse and is regarded as a unit of professional communication expressed in common circumstances and relationships that occur in professional-related interactions (Koltunova 2005, Khahaleva 2012). The lack of specification regarding the type of professional activity used in BD, emphasizes its universal nature and brings it closer to PD traditionally defined as a type of discourse that is reproduced by experts in certain professional areas to achieve the desired result (Kong 2014). In other words, the concepts of BD and PD are synonymous and in most cases interchangeable.

Speaking about the specifics of the business component itself and its verbalization inside BD, we consider the introduction of the term “commercial discourse” to be absolutely justified and on a larger scale – to justify the need to introduce the concept of “commercial linguistics” as a new synergistic direction of applied linguistics.

In order to form a more correct idea of commercial communication and commercial discourse we consider it appropriate to examine the very concept of “commerce”. This is an initiative economic activity carried out with borrowed or own funds at one’s own risk and under one’s own responsibility which sets as its main objective to develop one’s own business or enterprise and make a profit (Borisov 2003).

Commerce can be found in every socio-economic structure. Doing business involves the production of some goods or services, financing them, trade, provision of cash loans, investments, insurance, etc. The remaining types of business are commerce, that is, product sales and various services – accounting, distribution, after-sales service and maintenance. Therefore, a business is an activity aimed at the production and sale of goods and services (Ghadessy 1988).

In the definitions mentioned above the main emphasis is on understanding business as an activity, interaction process, communication mode. However, it is worth paying attention to

what is meant by commercial linguistics as a new direction in the development of business communication.

Y. Danyushina offers the following definition of commercial linguistics: this is a field of science that studies the language functioning and various language resources application in commercial activities and examines the components of linguistic commercial communication (Danyushina 2010).

It is easy to imagine that the object of this discipline is CD which can be defined as the verbalization of business communication used in the form of an open set of texts. For example:

The bail-out will inevitably force change. Capital controls may slow deposit flight, but after the threats of taxes, levies and now the conversion of large deposits into equity, foreign (especially Russian) money will very likely go elsewhere. Worse, the crash will shrink the economy. Fiona Mullen of Sapienta Economics, a local consultancy, notes that in 1974, when Turkey invaded the north after a Greek-Cypriot Government tried to unite with Greece, GDP fell by 17% in that year and by 19% in 1975. Although the IMF talks optimistically of a fall of only 10% this time, she predicts falls of 15% this year and another 5% in 2014. this will have horrific effects. After the collapse of Laiki, unemployment is heading for 17% this year, says Ms Mullen; it could exceed 25% in 2014.

(The Economist, 2013)

The text presented above is a kind of analytical commentary on the economic situation in the world. Its regulation and partial conventionality, the use of a large amount of statistical data allow us to attribute this example to CD.

Another confirmation of an indissoluble connection of BD and CD is the fact that CD is a concrete embodiment of an invariant discourse model in a certain communicative situation in business which is created by a specific group of people related to business somehow, and the texts expressed in the form of different business discourse genres will be a concrete implementation of these people's activities in business situations. In this case, the CD distinctive feature in relation to BD will be the narrowing of the subjects range and the limitation of such communication goals. It follows that CD is a verbalization of business mentality within which thematically correlated texts are successfully combined on business topics and their entire extralinguistic context.

Based on all of the above, we conclude that business and professional discourse are largely synonymous (business discourse remains a special case of professional discourse), while business discourse and commercial discourse, whatever the case, should not be identified because they are connected by a purely hypo-hyperonymic relationship in which commercial discourse is incorporated in business discourse which is more global and universal.

Taking into account the fact that the society links inextricably the notion of culture with such phenomena as taught behaviors, social heritage, social behavior standardization, we will inevitably have to come to the conclusion that *mentality* is one of the determining factors which influence the formation and subsequent development of any language sphere.

Due to the proximity of mentality to the components of the philosophical definition, as well as direct correlation with linguistic science, we consider mentality as a category that, on the one hand, reflects the internal organization and, on the other hand, the differentiation of the way of seeing the world; mentality to some extent is the constitution of the national mind and soul, psycho-lingual-intellect of each different-scale linguocultural community taken separately. The mentality is very close to the concept of *worldview* including the conceptualization and for-

mation of the way of seeing the world through the prism of categorizing and shaping the native language.

Therefore, despite the presence of a significant number of common parameters, every single linguoculture possessing the uniqueness of its national consciousness, owns a certain proportion of exceptional and rare features which are necessary for communication and, in particular, for business and commercial communication. Subject to the existence of a large number of “national” characteristics, *a clearly defined specificity is inherent in business discourse of any linguoculture*, where each communication participant creates his or her speech behavior according to the content of his or her individual cognitive system which is formed on the basis of the cognitive space of his or her native linguoculture.

CONCLUSION

Given the dominant nature of the English language which is not only the generally accepted basis of linguistic policy in a huge number of corporations and companies in the world, but also the long-established lingua franca of the modern world community, we see appropriate to study business English discourse and one of its important components – commercial discourse proper – the way how they are used by the example of the English language. We can give the following reasons as significant extralinguistic characteristics that determine this choice:

- English is a working language in about 85% of international organizations, it is given priority in the Internet, it holds powerful positions in the media, advertising, education, tourism;

- English affects other languages in the world due to its international status, and how they are used in business;

- the position of the English language proper is enhanced by other national languages due to modern globalization processes in business;

- because of its global spread, which the internationalization process in business and commercial communities, the increasing number of international business and commercial contacts contribute to, English is an essential tool for intercultural communication.

Characteristic features of the functional space in English business discourse, the set of targets and typical strategic patterns of verbal behavior between parties regulate and largely determine the conventional and regulated focus of modern BD.

However, it is worth noting the fact that at this stage of development and functioning of English-speaking business communication, there is a number of notable trends related to the general deconventionization of business and commercial communication, as well as to freer introduction of language means and methods into discourse which were previously considered indistinctive (at the level of both oral and written modes).

That is why modern business and commercial linguistics have a burning question associated with the evolutionary orientation of English-speaking BD towards the deregulation of its pragma semantic functional parameters and reduction of conventionality.

Given the emerging vector of research in the field of English BD, noticeable changes in the nature of its functioning associated with the weakening of regulated restrictions, as well as a complex of pragma semantic, linguistic and architectural parameters, we may talk about the urgent need for careful study of this linguistic-cognitive institutional phenomenon.

REFERENCES

- Atkinson, J.M., & Drew, P. (1979). *Order in Court: The Organisation of Verbal Interaction in Judicial Settings*. London: Macmillan.
- Bargiela-Chiappini, F. (2009). *The Handbook of Business Discourse*. Edinburgh University Press.
- Bargiela-Chiappini, F., & Nickerson, C. (2002). Business discourse: Old debates, new horizons. *International Review of Applied Linguistics in Language Teaching*, 40, 4, 273-286.
- Bargiela-Chiappini, F., Nickerson, C., & Planken, B. (2007). *Business Discourse*. Basingstoke, Hampshire; New York: Palgrave Macmillan.
- Borisov, A.B. (2003). *Bol'shoj ekonomicheskij slovar' [Big Economic Dictionary]*. Moskva: Knizhnyj mir.
- Candlin, C.N. (2002). Introduction. *Research and Practice in Professional Discourse*. Hong Kong: City University of Hong Kong Press, 1-39.
- Coupland, C. (2005). Corporate Social responsibility as Argument on the Web. *Journal of Business Ethics*, 62, 355-366.
- Daft, R.L., & Lengel, R.H. (1984). Information richness: A new approach to managerial behavior and organizational design. *Research in Organizational Behavior*, 6, 191-233.
- Danyushina, Yu.V. (2010). *Biznes-lingvistika – novoe sinergeticheskoe napravlenie prikladnoj lingvistiki [Commercial linguistics is a new synergistic direction of applied linguistics]*. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*, (2). URL: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/biznes-lingvistika-novoe-sinergeticheskoe-napravlenie-prikladnoy-lingvistiki> (15.11.2015).
- Drew, P., & Heritage, J. (eds.) (1992). *Talk at Work: Interaction in Institutional Settings*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fairclough, N. (1989). *Language and Power*. London, New York: Longman.
- Fomina, N.V. (2005). *Lingvokul'turnaya obuslovlennost' nominacii yazykovyh edinic v sfere neformal'nogo delovogo obshcheniya [The linguocultural nomination conditionality of the language units in informal business communication]: dis. ... kand. filol. nauk*. Omsk.
- Ghadessy, M. (1988). *Registers of Written English: Situational Factors and Linguistic Features*. London: Pinter Publishers.
- Gillaerts, P., & Gotti, M. (2005). *Genre Variation in Business Letters*. Bern: Peter Lang.
- Holmes, J. (2006). *Gendered Talk at Work*. Oxford: Blackwell.
- Imametdinova, R.H. (1996). *Delovaya kommunikaciya v promyshlennom [Business communication in industry]*. *Gornyj informacionno-analiticheskij byulleten' (nauchno-tekhnicheskij zhurnal)*, (2), 74-75.
- Karasik, V.I. (2000). *O tipah diskursa. Yazykovaya lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs [On the types of discourse. Linguistic identity: institutional and personal discourse]*. Volgograd: Peremena, 5-20.
- Khahaleva, A.Yu. (2012). *Diskursivnye karakteristiki situacii delovogo obshcheniya v kontekste globalizacii [Discursive characteristics of a business communication situation in the globalization context]*. *Vestnik Moskovskogo gos. lingv. un-ta*, (14), 148-162.
- Khramchenko, D.S. (2014). *Funkcional'no-pragmaticheskaya evolyuciya anglijskogo delovogo diskursa [Functional and pragmatic evolution of the English business discourse]: dis. ... d-ra filol. nauk*. Moskva: MGIMO.
- Koltunova, M.V. (2005). *Delovoe obshchenie: Norma. Ritorika. Etiket [Business communication: Norm. Rhetoric. Etiquette]*. Moskva: Logos.
- Kong, K. (2014). *Professional discourse*. Cambridge University Press.
- Kutyaeva, O.M. (2007). *Opyt lingvisticheskogo issledovaniya kontekstov deontieskoj modal'nosti v anglijskom delovom diskurse [The experience of contexts linguistic research of the deontic modality in the English business discourse]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Irkutsk.
- Lewis, R.D. (1999). *Delovye kul'tury v mezhdunarodnom biznese. Ot stolknoveniya k vzaimoponimaniyu [When Cultures Collide: Managing Successfully Across Cultures]*. Moskva:

Delo.

Louhiala-Salminen, L. (1997). Investigating the Genre of a Business Fax: A Finish Case Study. *Journal of Business Communication*, 34 (3), 316-333.

Morozova, E.A. (2008). Aktual'nye aspekty issledovaniya delovyh kommunikacij v sisteme gosudarstvennoj sluzhby [Actual aspects of the business communications study in the public service system]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*, (1), 10-20.

Ponomarenko, V.A. (2007). Frazеологические единицы в деловом дискурсе (на материале английского и русского языков) [Phraseological units in the business discourse (on the material of the English and Russian languages)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar.

Sarangi, S., & Roberts, C. (1999). Talk, work and institutional order: Discourse in medical, mediational and management settings. Berlin: Mouton de Gruyter.

Serova, T.S., Raskopina, L.P. (2011). Delovaya mezhdkul'turnaya kommunikaciya v professional'noj deyatel'nosti specialist [Business intercultural communication in the expert's professional activities]. *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo un-ta: Problemy yazykoznanija i pedagogiki*, (5), 16-25.

Shilova, S.V. (1998). Soblyudenie i narushenie principov rechevogo obshcheniya v delovoj kommunikacii [Compliance and violation of speech communication principles in business communication]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Sankt-Peterburg.

Shiryayeva, T.A. (2014). Strukturno-soderzhatel'naya i funkcional'naya paradigma sovremennogo delovogo diskursa [Structural, content and functional paradigm of modern business discourse]: dis. ... d-ra filol. nauk. Pyatigorsk.

Stebletsova, A.O. (2014). K voprosu o tipologii delovogo diskursa. Novye tendencii v obrazovanii i nauke: opyt mezhdisciplinarnyh issledovanij [On the issue of the business discourse typology. New trends in education and science: the experience of interdisciplinary research]. Rostov-na-Donu, 659-662.

Stubbe, M. [et al.]. (2003). Multiple discourse analyses of a workplace interaction. *Discourse Studies / Victoria University of Wellington*. London, Thousand Oaks, CA and New Delhi: SAGE Publications, 5 (3), 351-389.

Yates, J., & Orlikowski, W. (2002). Genre systems: Structuring interaction through communicative norms. *Journal of Business Communication*, 39 (1), 13-35.

Information about the author: Olga Natkho - PhD in Philology, associate professor of the Chair of Profession-Oriented English Language. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Pyatigorsk State University” (Russia)
e-mail: onatkho@mail.ru

Сведения об авторе: Ольга Игоревна Натхо - доцент кафедры профессионально-ориенти-рованного английского языка федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пятигорский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ПГУ») (Россия)
e-mail: onatkho@mail.ru

Manuscript received: 12/20/2018
Accepted for publication: 01 /25/2019
Рукопись получена: 12/20/2018
Принята к печати: 01/25/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-66-73>

Tatyana Sidorova
Doctor of Philological Sciences, Professor
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russia)
e-mail: t.sidorova@narfu.ru

INTERPRETATION POTENTIAL OF PROPER NAMES IN DERIVATIVES FUNCTIONING IN A POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The main goal of the study is to identify the role of derivational senses in actualizing the aesthetic code of a literary text. At the heart of the author's conception lies the idea that linguistic means, including derivational ones, become the basis for the formation of the aesthetic code of the text. Herewith a text is considered as a cognitive space. As the main approaches to the study of the material, interpretative and cognitive (within the framework of cognitive poetics) ones are used. A text is interpreted as a result of discursive activity, reflecting the language experience of the author as a representative of the people, of the society, as a linguistic personality, and the derivational means in the artistic text become the embodiment of author's ideas, motives, images, attitudes, intentions, thus actualizing the aesthetic code. The factors of actualization of the aesthetic code are revealed, and the role of derivational meanings in its formation is proved.

Key words: *derivational sense, motivation code, aesthetic code, factors of interpretation of meaning, textual motivation.*

Т. А. Сидорова
Доктор филологических наук, профессор
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова,
(Архангельск, Россия)
e-mail: t.sidorova@narfu.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Основная цель исследования – изучение функционирования имён собственных как языковых знаков в реальном процессе номинации и использовании производных от них в политическом дискурсе. В основе нашей концепции лежит идея о том, что имена собственные, функционирующие в политическом дискурсе в качестве производящих основ, становятся одновременно маркером социокультурного кода как системы ценностей и транслятором языкового кода как системы языковых знаний. В процессе исследования реализуется когнитивный подход, при котором в центре внимания оказываются прагматический, социокультурный, коммуникативный и когнитивный аспекты политического дискурса как среды функционирования производных от имён собственных. Доказывается полифункциональность имён собственных, их специфика функционирования в политическом дискурсе.

Ключевые слова: имя собственное, производное слово, социокультурный код, политический дискурс, когнитивно-дискурсивный анализ, структура знания, коммуникативно-прагматический аспект, языковой код

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования детерминруется возрастающим вниманием к изучению языковых фактов в аспекте когниции и коммуникации, а также необходимостью углубленного анализа механизмов словопроизводства на базе имён собственных как наиболее яркого процесса, характеризующего современный политический дискурс. Объектом исследования являются производные от фамилий, функционирующие в политическом дискурсе. Предмет исследования – имена собственные (фамилии) как способ познания и оценки действительности, воплощающие новые структуры знаний в качестве производящих основ. Материал исследования - авторская картотека, содержащая свыше 2000 производных, образованных от фамилий известных политических деятелей и представленных в высказываниях политического дискурса, выделенных методом сплошной выборки из текстов современных газет, телепередач, ресурсов Интернета. Следует также отметить, что исследование того или иного вида дискурса – одно из перспективных направлений современной лингвистики, поскольку процессы изменения в социокультурных практиках тут же отражаются в дискурсивных практиках. Политический дискурс отличается усилением личностного начала, ориентацией на привлечение внимания адресата, опорой на ценностную картину мира народа. Поэтому особенно актуальным становится изучение специфики имён собственных, функционирующих в политическом дискурсе в качестве производящих основ, поскольку обращение к ним становится средством социального воздействия на сознание адресата. Апелляция к имени собственному – это не столько апелляция к прецедентному имени, сколько к оценке деятельности носителя имени (фамилии), его поступков, поведения в политической жизни.

В контексте производных слов как среды функционирования имени собственные концептуализируют новую социокультурную информацию. Известно, что значение слова имеет социокультурную природу и является конвенциональным. Значение производного от имени собственного формируется носителем лингвокультуры и обусловлено индивидуальным восприятием мира. Кроме того, на формирование нового смысла влияют экстралингвистические факторы. Так формируется «идентифицирующая интерпретация как процесс вторичной номинации, когда языковая единица фиксирует новый фрагмент знания. Языковая единица, служащая инструментом идентификации, увеличивает свой денотативный потенциал и начинает обозначать новый класс объектов» (Boldyrev 2013). В производных от имён собственных инструментом идентификации является корневой морф, изоморфный фамилии. Поскольку в таких производных представлено вторичное осмысление действительности, их значение опосредовано дважды: языком и сознанием носителя лингвокультуры.

Какие знания концептуализируют производные от имён собственных? Как соотносятся дискурсивные функции производных с различными видами знаний? Как осуществляется переход с языкового кода на дискурсивный? Какие механизмы лежат в основе познавательных процессов? Все вопросы взаимосвязаны и соотносятся с глобальной проблемой «язык - мышление – сознание». Основная задача данного исследования – показать важную

роль имён собственных как интерпретирующего фактора познания и оценки в процессе формирования и восприятия концептуального пространства политического дискурса, а также в структурировании системы репрезентации знаний. Так как язык является когнитивной системой, каждая языковая единица, в том числе и производные от имён собственных, выполняет наряду с другими и когнитивную функцию, т. е. участвует в процессе познания. Политический дискурс фиксирует языковой опыт говорящего (адресанта) как представителя той или иной социальной группы, а также - как языковой личности. В связи с этим производные от имён собственных не просто отражают абстрактную семиотическую систему, а становятся воплощением пресуппозиций, оценок, ценностных установок, идеологических ориентиров, политических идей адресанта. Говорящий (адресант) моделирует собственную языковую картину мира в дискурсе, используя для этого и производные от имён собственных. При этом нейтральный компонент – корень, изоморфный имени собственному, – трансформируется в интерпретирующий, поскольку вызывает рефлексию у адресанта и адресата.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Проблема интерпретации имён собственных в качестве производящих тесно связана с проблемой семантического статуса имени собственного. В 60-е – 70-е годы XX века эта проблема решалась далеко неоднозначно. Одни учёные считали, что имена собственные вообще не имеют значения (А. А. Beletskiy, К. А. Bulakhovskiy, G. O. Vinokur Yu. A. Karpenko, А. А. Reformatskiy, N. I. Tolstoy, V. I. Chernyshyov etc.). Другие отстаивали наличие значения у имён собственных (V. I. Bolotov, V. D. Bondaletov, I.A. Vorobyova, L.P. Stupin, L.M. Shchetinin etc.). Например, Л. П. Ступин писал: «...имена собственные, кроме индивидуальных понятий, которые образуются в конкретном акте речи, выражают ещё и общие понятия, ибо они, как правило, всегда соотносятся в языке с определённым классом предметов» (Stupin 1969). Согласно третьей точке зрения имена собственные не имеют значения на языковом уровне, но в процессе употребления (референции) их значение формируется. Этой точки зрения придерживаются Э.С. Азнаурова, Д. Н. Аругюнова Е. Курилович, А. В. Суперанская, Н.В. Подольская и др. В настоящее время учёные признают наличие семантики у имён собственных, отмечая при этом её специфику. См., например, статью Е. А. Нахимовой (Nakhimova 2010). Мы считаем, что специфика денотативного компонента значения, например, антропонима, в наличии одного денотата, причём в языке денотат изолирован от имени, а в речи они в единстве. Специфика сигнификативного компонента значения в двойственности: в речи понятие, заключённое в антропониме, конкретно, а в языке абстрактно. Специфика структурного компонента значения заключена в способности антропонима называть лицо, характеристики которого социальны. Поскольку в политическом дискурсе функционируют в основном производные от фамилий, можно констатировать, что в конкретном дискурсе или ситуации фамилия приобретает дополнительные смысловые оттенки, но контекстная ситуация лишь конкретизирует семантический потенциал имени собственного. Следовательно, имея значение в языке, фамилия в конкретном дискурсе раскрывает свою смысловую сторону.

Словопроизводство на базе имён собственных – постоянный процесс, который был объектом целого ряда многоаспектных научных исследований (О. I. Aleksandrova, L. A. Vvedenskaya, N.D. Golev, V. P. B. П. Danilenko, N. P. Kolesnikov, D. C. Mgeladze A. V. Superanskaya, L.M. Shchetinin etc.). Особенно популярной стала книга Д.С. Мгеладзе, Н.

П. Колесникова (Mgeladze and Kolesnikov 1970). В настоящее время в работах, посвящённых семантике производных от имён собственных, затрагиваются не только собственно языковой, но и когнитивно-дискурсивный аспекты номинации (L.V. Babina, I.V. Bochkaryova, L. V. Ratsiburskaya, E. M. Pozdnyakova, A. S. Shcherbak etc.). Однако следует отметить, что большинство работ посвящено особенностям функционирования имён собственных как производящих основ в системе словообразования английского языка (L. V. Babina, I. V. Bochkaryova, E. O. Parshina, M.K. Sharashova, G. M. Shutkina etc.). Особого внимания заслуживают работы Л. В. Бабиной, И.В. Бочкарёвой и Е. М. Поздняковой (Babina and Bochkaryova 2011, Babina and Bochkaryova 2010, Pozdnyakova 1999).

Несмотря на достаточно большое количество работ по проблемам образования производных на базе имён собственных, не получили достаточного освещения прагматический, социокультурный и когнитивный аспекты их изучения в политическом дискурсе. Интерпретационный потенциал имён собственных в таких производных не был предметом специального изучения.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В соответствии с задачами исследования реализуются такие методы как собственно лингвистические (компонентный анализ, лингвостилистический, словообразовательный анализ, морфемный анализ, лингвосмысловой анализ текста); общегуманитарные (интерпретационный анализ, контекстуальный анализ); когнитивные (метод реконструкции структур знаний, метод концептуальной деривации, анализ пресуппозиций и др.), дискурс-анализ. Основным является когнитивно-дискурсивный подход.

Теоретико-методологическую основу нашей работы составили исследования в сферах теории концептуальной деривации (L. V. Babina, N. N. Bondarko Н.Н. Бондарко, Е. К. Kubryakova, V. I. Zobotkina, O. K. Iriskhanova, E. M. Pozdnyakova etc.), теории интерпретации (G. I. Bogin, N. N. Boldirev, A.V. Bondarko, M. Berk, K.A. Dolinin etc.), когнитивной лингвистики (N. N. Boldirev, V. Z. Demyankov, V. I. Karasik, E. K. Kubryakova, Z. D. Popova, G. Lakoff, R. Leneker, M. Minskiy, G. Soerl, Ch. Fillmor, U. Chief etc.), теории дискурса (M. M. Bakhtin, M. R. Zheltukhina, M. A. Kulinich, M. L. Makarov М.Л. Макаров, М. Yu. Oleshkov, A. P. Chudinov, T. A. Van Deik, L. V. Tsurikova etc.), теории когнитивно-коммуникативной парадигмы лингвистики (V. I. Karasik, G. G. Slyshkin, M. Yu. Oleshkov, A. N. Prikhod'ko etc).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

В когнитивной лингвистике значение не является семантической репрезентацией одного концепта, связывающего объект мира и слово. Это особенно хорошо прослеживается в производных от имён собственных, вызывающих ассоциации с огромным количеством концептов и концептуальных сфер. В научной литературе имена собственные известных политических, государственных деятелей, учёных, писателей, артистов относятся к репрезентантам этномаркированных концептов, а производные от них описываются как результат вторичной концептуализации (Look for example researchs of L.V. Babina, I. V. Bochkaryova, E. O. Parshina, E. M. Piodnyakova, A. S. Shcherbak). На наш взгляд, вторичная концептуализация имён собственных формирует их смысловую сложность. Новые смыслы актуализируются окказиональной сочетаемостью морфем в производном слове, нарушением синтагматических и парадигматических связей морфем и самих слов, влиянием контекста, экспрессивиза-

цией производного. Интерпретационный потенциал производящей фамилии практически зависит от степени социальной значимости личности, стоящей за ней, сферы деятельности, фонетического облика фамилии, коннотаций, специфики функционирования производного слова в том или ином дискурсе. Зачастую адресант сам объясняет значение такого производного. Ср.: *Одни новоявленные ублюдки-запутинцы и замедведевцы поют осанну своим угнетателям и сооружают им памятники, другие жульничают на выборах и в судах, а третьи забивают до смерти своих братьев по классу и народных заступников-правдборцев, разрушают памятники вождям трудящихся и защитникам отечества. При этом проверенный метод ублюдизации - путинизации всей страны как процесс агрессивного насаждения культа личности исторически несостоятельного политического деятеля будет сохраняться посути, переходя в форму медведизации страны* (Николай Яценко. Правитель слабый и лукавый. Газета «Родина» от 23 апреля 2009 г. № 17 (762). Два первых производных «запутинцы» и «замедведевцы» осмысливаются в контексте как ‘сторонники Путина и Медведева, те, кто поддерживает политику, проводимую ими’. В дискурсе производные приобретают негативную оценку: ублюдки (‘люди с низкими животными инстинктами’). В контексте это беспринципные люди, полностью подчинившиеся власти, раболепствующие, нарушающие принципы морали и права. Корневые морфемы, изоморфные фамилиям Путин и Медведев, приобретают негативные коннотации. Префикс ЗА- в производных актуализирует сему ‘одобрения’ политики президента. Реализуется оценочная пресуппозиция – *сторонники Путина и Медведева являются ублюдками*. Производные «путинизация» и «медведизация» объясняются адресантом как *процесс агрессивного насаждения культа личности исторически несостоятельного политического деятеля*. Логическая пресуппозиция – *агрессивное насаждение культа личности президента порождает ублюдков (запутинцев и замедведевцев)*. Сема ‘процессности’ манифестируется суффиксом – ИЗАЦИЙ-. Характеристика процесса манифестируется корнем, изоморфным фамилии, и ближайшим речевым контекстом (*ублюдизация*). В сознании адресата может возникнуть и прагматическая пресуппозиция – *рыба гниёт с головы*. А. В. Бондарко одним из аспектов языкового значения выделяет интерпретационный компонент как способ представления смысла, связанного с данной формой (Bondarko 1996). Таким интерпретационным компонентом в производных от имён собственных являются корневые морфемы как репрезентанты внутренней формы слова. Они являются этнокультурно маркированными компонентами мотивационной структуры. Например, в производных «ельцинизм», «гайдарономика», «жириновщина» объективируются образы-прототипы известных политических деятелей России. При этом профилируется та или иная конкретная пропозиция, связанная с носителем фамилии.

Производные от имён собственных маркируют дискурсивный характер ментального компонента внутренней формы, поскольку за производящим стоит не сама личность, а поступок, характер поведения, политическое событие, ситуация, пресуппозиция, оценка личности и т. п. В основе такого словопроизводства лежит особый мотивационный код (Sidorova 2012): концептуальная сфера ЧЕЛОВЕК взаимодействует с другими концептуальными сферами. Совмещение разных концептуальных сфер включает когнитивный механизм концептуальной деривации, в результате чего возникает новая структура знания. Мы придерживаемся ономаσιологического подхода к словообразовательному значению, согласно которому оно не является суммой значений составляющих компонентов, а осмысливается как значение модели в целом.

Производящая фамилия известного политического деятеля может приобрести модальные коннотации, которые становятся основанием для развития новых смыслов у производного. Например, специальный репортаж Петра Любимова на ТВЦ от 12 ноября 2018 года был назван «**Трамплантация** Америки». Концептуальная структура производного «трамплантация» передаёт идею связи с прецедентным именем – фамилией американского президента, за которым стоит конкретная социокультурная ситуация. В сознании адресата возникают ассоциации, связанные с президентством Дональда Трампа: борьба с мигрантами, рост производства внутри страны, снижение безработицы и т.п. Известно, что в США в этот период созрела острая политическая ситуация, которая отражается и на внешней политике. В стране столкнулись два лагеря. Трамп изменяет ситуацию, несмотря на сопротивление со стороны противоположного лагеря. Он хочет снова сделать Америку великой. Противоположным лагерем Трамп воспринимается как неуправляемый президент, которого поддерживает народ. В качестве метаконцептов как факторов интерпретации производных от таких имён собственных являются ЦЕННОСТЬ, ОЦЕНКА, НОРМА, СТЕРЕОТИП, СТАТУС. Механизм концептуальной деривации производного «трамплантация» базируется на совмещении концептуальной сферы МЕДИЦИНА и концептуальной сферы ПОЛИТИКА. Логическая пресуппозиция текста репортажа – *Америка нуждается в кардинальном изменении политической ситуации, а Трамп является субъектом (инициатором) этих изменений. Пропозиции событийные: В Америке существует фальшивая экономика, в Америке тяжёлый кризис, закрываются предприятия внутри страны, растёт безработица, повышается процен мигрантов.* Производное «трамплантация» осмысливается в контексте репортажа как ‘действия президента Трампа, направленные на улучшение (оздоровление) внутренней социально-экономической ситуации в Америке’. Производящий компонент попадает в чуждую концептуальную среду, в результате чего происходит сближение процессов концептуализации и формирования значения производного.

Собранный нами материал показывает, что отнесение прецедентных имён к «вербальным компонентам когнитивной базы» (Krasnyh 1998) нуждается в корректировке. Наряду с прецедентными текстами и ситуациями прецедентные имена относятся к «вербализуемым феноменам» (а не «вербальным») и входят в когнитивную базу как инварианты восприятия. В конкретном дискурсе, функционируя в качестве производящих основ, прецедентные имена обрастают новыми концептуальными признаками и смыслами. Если языковое словообразовательное значение является специальной формой выражения языкового сознания, то дискурсивный смысл производных, образованных от имён собственных, - это форма выражения когнитивного сознания адресанта. Дискурсивный смысл таких производных аксиологичен, поскольку детерминируется ценностными установками адресанта. Заимствованные имена собственные, в том числе и фамилии, могут стать маркерами национальной системы ценностей и стереотипов сознания.

Производные от фамилий политических и государственных деятелей очень часто в политическом дискурсе становятся базой для модусной категоризации. Например, фамилия президента России часто в политическом дискурсе становится основой для формирования производных с негативной оценочной функцией. Ср.: *А путинизм как социально опасное явление, суть которого заключается в том, что вербальным прикрытием народного заступничества правящий режим проводит политику погубления своего народа, будет плавно заменяться (если народ не скажет решительно: СТОП!) своей новой, ещё более циничной и*

масштабной разновидностью – медведизмом (Николай Яценко. Правитель слабый и лукавы. Газета «Родина» от 23 апреля 2009 г. № 17 (762). Суффикс –изм- репрезентирует сему 'идеология'. В контексте появляется новая сема 'социальное явление'. Автор объясняет это социальное явление как осуществление *политики погубления своего народа*. Логическая пресуппозиция, стоящая за высказыванием, - *Путин проводит политику погубления своего народа*. Прагматическая пресуппозиция: *Нельзя говорить одно, а делать другое*. Реализуется апелляция к негативной оценке: *социально опасное явление, более циничная и масштабная разновидность*. Производное «путинизм» концептуализирует смысл 'антинародная политика Путина', «медведизм» соответственно означает 'антинародная политика Медведева'. Это ещё и 'социально опасное явление'. Синтагматические связи производных (*социально опасное явление, политика погубления своего народа, ещё более циничная и масштабная разновидность*) маркируют негативное отношение автора к политикам, чьи фамилии стали базой для производных. Слова «путинизм» и «медведизм» вызывают рефлексии у носителей лингвокультуры: связь с именами президента, премьер-министра и политической ситуацией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, при формировании производных от имён собственных, в частности фамилий, важную роль играют такие факторы, как социальная детерминированность производного, общественная значимость носителя фамилии, фонетический облик фамилии, коммуникативная цель адресанта политического дискурса, его ориентация на национальные ценности, аксиология и модус дискурса. Стратегиями номинации в таких производных становятся логические (рациональные), образные, оценочные, рефлексивные, модальные. Коммуникативные стратегии разнообразны, но доминируют игровые, эмоционального воздействия и оценки. Смысл производных от фамилий, формируется когнитивными и языковыми механизмами, а также пресуппозициями политического дискурса как среды функционирования производных. Чем шире коннотативный фон производящего имени собственного, тем богаче его интерпретационный потенциал и деривационная валентность. Идеинная направленность политического дискурса поддерживает коннотации производящей фамилии. Знания, стоящие за производными от фамилий, носят инферентный характер. Производящая фамилия актуализирует наиболее существенные для адресанта признаки концептосферы фамилии как прецедентного феномена.

REFERENCES

- Babina, L.V., Bochkaryova, I.V. (2011). Kognitivnye osnovaniya proizvodnyh slov, obrazovannyh ot imyon sobstvennyh [Cognitive bases of derivatives formed from proper names] // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. – Tambov, (3), 56-64.
- Babina, L.V., Bochkaryova, I.V. (2010) Semantika proizvodnyh slov, obrazovannyh ot imyon sobstvennyh prefiksalmym sposobom: kognitivnyj aspekt [Semantics of derivatives formed from proper nouns in the prefix way: cognitive aspect]// Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta. Obshchestvennye nauki. Vladikavkaz, (3), 69-74.
- Boldyrev, N.N., Panasenko, L.A. (2013) Kognitivnaya osnova leksicheskikh kategorij i ih interpretiruyushchij potencial [Cognitive basis of lexical categories and their interpretive potential] // Voprosy kognitivnoj lingvistiki, (2), 5-12.

Bondarko, A.V. (1996) Problemy grammaticheskoy semantiki i russkoj aspektologii [Problems of grammar semantics and Russian aspectology]. S.-Peterburg: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta, 218 s.

Krasnyh, V.V. (1998) Virtual'naya real'nost' ili real'naya virtual'nost'? (CHelovek. Soznanie. Kommunikaciya) [Virtual reality or real virtuality? (Person. Consciousness. Communication)]. Monografiya: Dialog – MGU, s. 81.

Mgeladze, D. S., Kolesnikov, N.P. (1970) Ot sobstvennyh imyon k naricatel'nym. Slova antroponimicheskogo proiskhozhdeniya v russkom yazyke [From proper names to common nouns. Words of anthroponymic origin in the Russian language], Tbilisi: Izd-vo Tbil. universiteta, 193 s.

Nahimova, E.A. (2010) Diskussiya o statuse i semantike imeni sobstvennogo [Discussion on the status and semantics of the proper name]// Politicheskaya lingvistika, (1), 171-174.89.

Pozdnyakova, E.M. (1999) Kategoriya imeni deyatelya i puti eyo sinhronnogo razvitiya v kognitivnom i nominativnom aspekte (na materiale anglijskogo yazyka) [Category of the agent's name and ways of its synchronous development in the cognitive and nominative aspect (on the material of the English language)]: Dis...d-ra filol. nauk: 10.02.04 -. Germanskie yazyki. Moskva, 318 s.

Sidorova, T.A. (2012) Kognitivnyj aspekt tradicionnyh problem slovoobrazovaniya i morfemiki: monografiya [Cognitive aspect of traditional problems of word formation and morphemics]. Arhangel'sk: OAO SOLTI, 480 s.

Stupin, L. P. (1969) O leksicheskom znachenii imyon sobstvennyh // Voprosy teorii i istorii yazyka [On the lexical meaning of proper names]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 216-225.

Information about the author: Tatyana Sidorova – Doctor of Philological Sciences, professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Russia)
e-mail: t.sidorova@narfu.ru

Сведения об авторе: Татьяна Александровна Сидорова – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, (Россия)
e-mail: t.sidorova@narfu.ru

Manuscript received: 11/15/2018
Accepted for publication: 01 /25/2019
Рукопись получена: 11/15/2018
Принята к печати: 01/25/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-74-82>

Nino Sanaia
Doctor of Philology, Professor
Zoia Adamaia
Doctor of Philology, Professor
D. Gulia Institute of History, Language and Culture
Tskhum-Abkhazian Academy of Sciences
(Tbilisi, Georgia)
e-mail: nsanaia@yahoo.com
a.zoia777@gmail.com

ANALYSIS OF THE METAPHORICAL IMAGE OF THE HORSE IN FRENCH, RUSSIAN AND GEORGIAN LANGUAGES

Abstract. In modern languages, there is often a certain isomorphism in the use of similar or identical images, both in the formation of metaphors and comparisons, and in the formation of phraseology units. The subject of our study is the similarity between the metaphorical phrase: " Leurs pensées galopent, galopent " (The thoughts are jumping like horses) in French (G. Flaubert, *Madame Bovary. Mœurs de province*) = «Их мысли мчатся галопом» and «Мысли мои скакуны, ... Эскадрон моих мыслей шальных» (My riding thoughts. Squadron of my restless thoughts) in Russian (O. Gazmanov, *Squadron*). The reason of the emerging the kind of isomorphism can serve as the same vision of a given segment of the world (in this case, the process of thinking as a manifestation of human mental activity) and, accordingly, the emergence of similar associations, on the basis of which metaphorical assumptions are formed or the linguistic trace of the Greek mythological character - Pegasus (the flying horse with the wings).

Keywords: *metaphorical image, metaphorical phrase, Pegasus, Merani, mythology*

Нино Саная,
Доктор филологии, профессор
Зоя Адамия,
Доктор филологии, профессор
Институт «Истории, языка и культуры»
Цхум-Абхазская Академия наук
e-mail: nsanaia@yahoo.com
a.zoia777@gmail.com

АНАЛИЗ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ОБРАЗА КОНЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ, РУССКОМ И ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В современных языках часто прослеживается некий изоморфизм в использовании похожих или же идентичных образов, как в формировании метафор и сравнений, так и в образовании фразеологических единиц. Предметом нашего исследования является сходство между метафорическим словосочетанием: « Leurs pensées galopent, galopent » во французском языке (G. Flaubert, *Madame Bovary. Mœurs de province*) = «Их мысли мчатся галопом» и «Мысли мои скакуны, ... Эскадрон моих мыслей шальных» в русском (О. Газманов, *Эскадрон*). Причиной возникновения такого рода изоморфизма может

послужить как одинаковое видение данного отрезка мира (в данном случае процесса мышления как проявления психической активности человека) и соответственно, возникновение похожих ассоциаций, на основе которых формируются метафорические уподобления, или же это лингвистический след греческого мифологического персонажа Пегаса - крылатого коня.

Ключевые слова: метафорический образ, метафорическое словосочетание, Пегас, Мера-ни, мифология.

ВВЕДЕНИЕ

Язык хранит в себе опыт познания внешнего и собственного мира человеком. Метафорическое видение этого мира и мифы, в которых мир осознаётся с помощью вымышленных существ, играют важную роль как в исследовании отдельного языка, так и в сравнении разных языков, особенно в уточнении лингво-когнитивной картины той или иной реалии.

В современных языках часто прослеживается некий изоморфизм в использовании похожих или же идентичных образов, как в формировании метафор и сравнений, так и в образовании фразеологических единиц. Эти образы могут быть идентичными как в семантическом, так и в функциональном аспекте. В таком случае их правомерно называть интернационализмами. Предметом нашего исследования является сходство между метафорическим словосочетанием: « *Leurs pensées galopent, galopent* » во французском языке (G. Flaubert, *Madame Bovary. Mœurs de province*) = «Их мысли мчатся галопом» и «Мысли мои скакуны, ... Эскадрон моих мыслей шальных» в русском (О. Газманов, Эскадрон). Причиной возникновения такого рода интернационализмов может послужить как одинаковое видение данного отрезка мира и соответственно возникновение похожих ассоциаций, на основе которых формируются метафорические уподобления или же это лингвистический след мифологии, а конкретно греческой мифологии. Именно это и является целью данного исследования, выяснить причины такого рода изоморфизма и проследить, нет ли связи, не являются ли эти языковые средства следом какого-нибудь мифологического образа, а конкретно «Пегаса» - крылатого коня. И всё же в центре нашего внимания метафора и метафорический образ – зооним в нашем, конкретном случае. Исходя из этого, теоретический и практический подходы к предмету исследования основываются на теории метафоры

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Всем известно, что у истоков исследования метафоры и соответственно теории метафоры стоит Аристотель. Соответственно Ж. Пикош историю этой теории делит на аристотелевский и постаристотелевский периоды (Picoche 1986: 148-156). На сегодняшний день чисто лингвистический подход к исследованию метафоры представляется недостаточным. С тех пор как в лингвистику вошли такие понятия, как «метафора как модель смыслопроизводства» (Teliya 1988a: 26-52) и «концептуальная метафора» (Oragina 1988: 65-77) предложенные В.Н. Телия и Е. О. Опариной, в исследованиях проблемы метафоры преобладает лингво-когнитивный подход. Наглядным примером является диссертация на соискание докторской степени

филологических наук на тему «Метафорическая картина мира русского языка» (Vardzelashvili 2000).

И если Аристотель рассматривал метафору с эстетической точки зрения, как украшение языка (Aristotel' 1957,19), сегодня этот феномен рассматривается, как способ познания внешнего и внутреннего мира человека. Кассирер, который целиком разделял взгляды И. Канта на символическую природу человеческой культуры, считает, что метафора это «ключ к её разгадке» и что сегодня современный человек, погруженный в художественные и мифологические образы, в религиозные ритуалы, не может без этого «искусственного посредника» ничего видеть и ничего знать. По мнению этого исследователя, метафорическое мышление, наряду с дискурсивно-логическим, является важным способом «освоения мира» (Cassirer 1990:33).

Эти же идеи разделяет Х. Ортега-и-Гассет (Ortega-y-Gasset 1990: 68), который пишет, что метафора – это обязательный инструмент мышления, это форма научного мышления, цель которой не только сделать доступным мысль для человека, а сделать доступным сам объект для мысли (Ortega-y-Gasset 1990: 68).

Для МакКормака (McCormack 1990: 358) метафора является чем-то похожим на компьютер, который новую информацию сравнивает со старыми данными и этот процесс отображает модель познания мира человеком. А значит, в её структуре отражена «глубинная когнитивная структура». На основе этой структуры в метафоре совмещаются абсолютно семантически несовместимые концепты. Метафора нам выдаёт информацию не только о подобии двух объектов, но и об их различии (McCormack 1990: 358).

Именно это различие и несовместимость информации создаёт психологический эффект феномена метафоры, как экспрессивной языковой единицы.

Сам процесс формирования метафоры МакКормаку представляется трёхъярусным, трёхступенчатым процессом, который он воспроизводит в обратном порядке:

Уровень 1 поверхностный язык;

Уровень 2 семантика и синтаксис;

Уровень 3 познание.

(McCormack 1990: 358)

Нам же этот процесс представляется по-другому, более структурированным и в другом порядке, по направлению от глубинной структуры познания к прикреплению нового языкового знака к новому понятию и к стереотипизации, т. е. превращения окказиональной номинации в узуальную номинационную единицу (Sanaya 2009: 35):

Этап 1 – глубинная структура познания – необходимость сравнения незнакомой, новой информации со знакомой, старой информацией – **когнитивный этап**;

Этап 2 – возникновение субъективного отношения к объекту познания и метафорической номинации – **психологический этап (психологическая установка)**;

Этап 3 – выбор признаков, пригодных для создания нового понятия и создание такового концепта, где также ярко будет выражена внутренняя форма будущего метафорического значения. Выбор признаков, которые заключены во внутренней форме, основы возникновения метафорического образа (зависит от психологической установки) – **глубинно-семантический этап**;

Этап 4 – выбор номинационной единицы, прикрепление уже имеющегося языкового знака к новому концепту – **лингво-синтаксический этап**;

Этап 5 – стереотипизация окказиональной метафоры и путём укоренения в языке её превращение в узувальную, достояние данной культуры – **лингво-культурологический этап**.

Тем самым, мы подошли к самому главному: внутренняя форма, как основание возникновения метафорического образа и сам метафорический образ – это те данности, без которых невозможен анализ метафорического значения.

МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методы исследования метафорических значений многообразны. Среди них метод уточнения типа тех гетерогенных информаций, которые заключены в метафоре на основании аналогии, такими являются Ульман (Ulmann 1970), Гак (Gak 1977) и Мейе (Meiet 1988); Функционально-коммуникативный подход к формированию метафорического значения принадлежащий Н. Д. Арутюновой (Arutyunova 1978: 333-343). Мы же используем **структурно-семантический метод** анализа сигнификативной структуры метафорического значения, который нам позволяет установить реальные признаки, заключённые во внутреннюю форму метафорического значения и рассматривать их как основу возникновения метафорического образа. На наш взгляд, ещё раз повторимся, без этих двух данных не возможен анализ метафоры. установлением внутренней формы, мы тем самым так же устанавливаем возможность встречи объектов гетерогенного характера в пределах одного лексического значения.

С этой целью мы должны, основываясь на конкретные примеры, раскрыть всю картину семантической структуры формирования метафорических значений. Исследуя сам механизм возникновения вторичных номинаций процесса мышления во французском языке (Sanaia 2009: 58), мы использовали положение о «принципе фиктивности» подобия в метафоре И. Канта, описанное К. Жолем (Zhol' 1984: 127). Универсальная модель метафоры И. Канта выглядит следующим образом: «S есть P, как если бы S был q». Эта модель метафору представляет, как редуцированное сравнение. Ведь сам Аристотель писал, что «Любая хорошая метафора легко должна развёртываться в сравнение» (Aristotel' 1957: 19). Информация, заключённая в «q» и есть метафорический образ и, если он не стёрт, его легко описать вербально. Того же мнения Анна Вежбицка, также представляя семантическую модель метафоры, как фиктивное подобие, выраженное в формуле «можно сказать, что...». Напр.: «Спит земля = (думаю о земле) – можно сказать, что это не земля, а живое существо, которое спит» (Vezhbicka 1990: 145). Именно опираясь на эту модель, мы анализировали метафорический образ в словосочетаниях, обозначающих мыслительный процесс во французском языке (Sanaia 2009: 58-69). Напр.:

1. « *Mûrir dans son cerveau des pensées criminelles* » = дословно, «дать созреть преступным мыслям в мозгу». как если бы они были «плодом», естественно плодом раздумья. Здесь S= мысли, P=созревают, q = плод, если следовать модели И. Канта или же следуя за А. Вежбицкой «можно сказать, что это не мысли, а плоды».

2. « *Les pensées l'assiègent* » = дословно, «мысли его осаждают», как если бы они были «врагом»/ «врагами» (имеется в виду военная осада). Здесь S= мысли, P= осаждают, а q = враг/ враги. Можно сказать, что это не мысли, а враги.

В данной статье анализируя метафорический образ «коня» в словосочетаниях:

« *Leurs pensées galopent, galopent* » (франц.) и «*Мысли мои скакуны*», ...»*Эскадрон (моих) мыслей*» (русс.) мы следуем той же модели.

Следует добавить, что все вышеуказанные примеры являются метафорами неавтономными в составе словосочетаний (лексических коллокаций) и соответственно, информация, заключённая в “q”, (т. е. метафорический образ) является пресуппозитивной, презумптивной, иначе говоря. Но метафоры типа «лиса», «медведь», «ишак» - являются автономными с автономной функцией номинации, и метафорический образ заключён в них самих, т. е. является имплицитным.

Конечно же, для воспроизведения полной картины метафорического видения мышления с данным метафорическим образом недостаточно использовать только названную выше семантическую модель. Мы также прибегнем к лингво-когнитивному методу анализа, дабы установить, какие именно концепты задействованы в процессе формирования метафоры с образом «коня».

С целью установления метафорического значения метафорических словосочетаний мы также используем метод сравнения одних и тех же явлений в разных языках, что позволяет полноценнее выявить и сам метафорический образ, и внутреннюю форму-основу возникновения этого образа. Также метод сравнения с существующими в разных культурах схожих символов, особенно мифологических образов античного мира.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Следуя вышеуказанным методам и семантической модели метафоры, мы пришли к заключению, что словосочетания: « *Leurs pensées galopent, galopent* » (франц.) и «*Мысли мои скакуны*», ... «*Эскадрон (моих) мыслей шальных*» (русс.) имеют один и тот же метафорический образ- образ «коня» и «очень» сильный порыв - в качестве внутренней формы. Мы не утверждаем категорично, но и не отрицаем связь этого образа с символом «Пегаса» в греческой мифологии и «Мерани» в грузинской мифологии и рассматриваем существование такого рода метафорического образа, как возможный след именно этих древних символов.

А пришли мы к данным результатам следующим образом:

Проанализировав вышеупомянутые словосочетания – (1) *(Leurs) pensées galopent*, (2) *Мысли мои скакуны* и (3) *эскадрон (моих) мыслей*. . . используя универсальную модель метафоры И. Канта - «S есть P, как если бы S был q», мы получили следующие результаты:

(1) *(Leurs) pensées galopent*. . .

S (*pensées*) + P (*galopent*), как если бы S (*pensées*) был q (*cheval-конь*), поскольку французский глагол *galoper* применим только по отношению к коню. Le cheval galope = конь мчится галопом.

Но исходя из модели формирования метафорического значения не мало важны те признаки объекта познания и номинации, которые заключены во внутренней

форме рассматриваемой метафоры. Глагол *galoper* пояснён следующим образом во французских словарях:

Galoper v. - Aller au galop, aller vite (PDL), Faire courir au galop, en parlant du cheval (PDR),. со своей стороны слово *galop* n.m. поясняется как - La plus élevée et la plus rapide des allures du cheval, qui n'est proprement qu'une suite de sauts en avant(PDR). (бег, аллюр, при к-ром лошадь идёт вскачь). Можно сказать и *сильный порыв*, что и выступает в качестве внутренней формы, основы переосмысления слова *galoper* и его превращения в метафору, а также возникновения такого метафорического образа как «конь» применительно к *мыслям*, с целью передать *быстроту течения мыслей* и *порыв* души одновременно. Ведь это словосочетание употреблено Гюставом Флобером в дискурсе дескриптивного типа, описывающего свидание замужней женщины – Еммы Бовари с любовником (G. Flaubert, Madame Bovary).

(2) *Мысли мои скакуны*

S (*мысли*) есть P (*скакуны*), как если бы S (*мысли*) был q (*кони*), поскольку скакун — это синоним коня. Опять же нас интересует внутренняя форма метафорического значения слова *скакун* — быстрая лошадь. На наш взгляд это слово точно отображает тот же смысл, что и лексемы *galoper/ galop/ galopant(e)* во французском и признаками, включёнными во внутреннюю форму, являются *быстрота (мыслей)* и *душевный порыв*, на основании чего и произошло переосмысление слова *скакун*.

(3) *эскадрон (моих) мыслей. . . эскадрон* же -это подразделение в кавалерии (кавалерия – (от франц. Cavalerie) конница, конное войско) т.е. это уже *множество* таких мыслей, которые обладают *военным, боевым духом*, что и выступает в роли внутренней формы и конечно же сродни с признаком *порыв*.

Такого рода анализ даёт возможность установить не только этимологию возникновения данных метафор, но и передаваемый ими смысл («очень высокая степень накала/порыва мыслей) и в этом направлении, конечно же рассматриваемые нами французская и русские метафоры не только схожи, но и адекватны в этимологическом аспекте.

Подразумевает ли содержание рассматриваемых метафор такие основные для человека категории в познании объектов как **время и пространство** — это уже другой, когнитивный аспект анализа предлагаемого в данном исследовании.

Издавна в русских народных сказках, на вопрос-загадку: что на свете всех быстрее? Правильным ответом был – мысли человеческие, которые **в один миг** могут обойти **весь свет** (мир). А тем более мыслям-скакунам, которые мчатся галопом, да ещё и их целый эскадрон, нипочём ни время, ни пространство. Невольно навязывается вопрос - разве не эти категории совмещены в вымышленном греческом мифологическом персонаже «Пегасе» - крылатом коне (Пегас в древнегреческой мифологии — крылатый конь, любимец муз. Конь летал со скоростью ветра) и аналогичном грузинском персонаже «Мерани» (также крылатый конь – символ непокорности, целеустремлённости, непоколебимости

(Gordeziani 2005: 322)? Грузинский поэт Н. Бараташвили следующим образом описывает «Мерани»: (Baratashvili-Pasternak):

“მირბის, მიმაფრენს უგზო-უკვლოდ ჩემი მერანი. . .
გასწი, მერანო, შენს ჭენებას არ აქვს სამზღვარი”. . .

(Baratashvili 1968)

«Стрелой несётся конь мечты моей . . .
Вперёд, вперёд не ведая преград»

(Pasternak 1968:56)

Что конечно же созвучно с со словами песни О, Газманова («Эскадрон»):

“Эскадрон моих мыслей шальных
Не решётку ему не преград
Удержать не могу я лихих скакунов
Пусть летят, пусть летят.
Мои мысли мои скакуны
Вас пришпоривать нет нужды
Вы аллюром несётесь и не признаёте узды
Мои мысли мои скакуны

(Gazmanov 1990)

Итак, все эти примеры только свидетельствуют о том, что и метафорический образ «коня» как во французском, так и в русском языке, а также вымышленный мифологический персонаж «крылатого коня» обозначают непокорность человеческой мысли времени, пространству, а главное судьбе. Ведь и персонаж Гюстава Флобера Емма Бовари — это героиня, восставшая перед судьбой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении можно сказать, что мы пришли к следующим выводам:

1. Выявление внутренней формы и метафорического образа способствуют установлению смысла самой метафоры;
2. Такого рода анализ так же помогает установлению когнитивной картины данной реалии, в нашем случае процесса мышления как проявления психической активности человека;
3. Иногда, как и в нашем конкретном случае, метафора и символ могут оказаться схожими проявлениями в семантическом плане в силу гетерогенного ассоциативного мышления людей разных культур;
4. Мы не настаиваем, но и не отрицаем возможность происхождения метафорического образа **коня** от мифологического персонажа *Пегаса / Мерани* — «крылатого коня» и возможность рассматривания самого метафорического

образа как следа мифологии в современных языках, что отражает одно из направлений анализа языковых явлений.

REFERENCES

Linguistic sources:

- Aristotel' (1957). *Poetika*. [Poetics], Moskva: Nauka.19
- Arutyunova N. D. (1978) Funktsional'nyye tipy yazykovoy metafory [Functional types of language metaphor] Moskva: Izv. AN CCCR Ser. Lt-ry I yazyka, vyp. N4 t. 37. 333-343
- Cassirer, E. (1990). *Sila metafory// teoriya metafory* [The power of metaphor// Theory of Metaphor], M., Progress. 33
- Gak V. G. (1977). *Sopostavitel'naya leksikologiya* [Comparative Lexicology]. M., Nauka.
- Gordeziani (2005). *Mithebis sibrdzne* [Wisdom of Myths], Tbilisi, Logosi. 322
- Meiet B. (1988) *Métonymies et métaphores* [Metonimys and Metaphors] Paris, Le Français moderne , N3/4, 1988
- Mifologia [Mithology] <http://mithology.ru/Pegas.html>
- McCormac E. (1990) *Kognitivnaya teoriya metafory// Teoriya metafory*. [Cognitive Theory of Metaphor// Theory of Metaphor], M., Progress. 358
- Oparina e. O. (1988) *Konceptual'naya metafora // Metafora v yazyke i tekste* [Conceptual Metaphor// Metaphor in the language and the text], M., Nauka.65-77.
- Ortega-y-Gasset J. (1993). *Dve velikie metafory // Teoriya metafory* [Two Grand Metaphors// Theory of Metaphor], Moskva: Progress. 68
- Picoche J. (1986) *Structures sémiques du lexique français* [Semic Structures of the French Lexical System] Paris: Fernand Nathan. 148-156
- Teliya V. N. (1988) a. *Metafora kak model' smysloproizvodstva i eyo ekspessivno-ocenochnaya funkciya // Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor as a model of sense production and its expressive-evaluative function // Metaphor in the language and the text]. Moskva: Nauka. 26-52.
- Teliya V.N. (1988) b. *Metaforizatsiya I eyo rol' v sozdanii yazykovoy kartiny mira//Rol' chelocheskogo faktora v yazyke. Yazyk I kartina mira* [Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world // The role of the human factor in language. Language and picture of the world.] Moskva: Nauka. 173-205
- Vardzelashvili J. (2000). *samyaros metaforuli suraTi rusul enaSi* [Metaphorical Picture of World in Russian], k.d.a. Tbilisi, Gam., Tbil. universiteti
- Vezhbicka A. *Sravnenye-gradaciya-metafora // teoriya metafory* [Comparison – Gradation - Metaphor // Theory of Metaphor], Moskva: Progress. 133
- Ulmann S. (1970). *Semanticheskiye universalii // Novoe v lingvistike* [Semantic Universals // New in Linguistics]– Vyp.5, Moskva: Progress.
- Zhol' K. K. (1984). *Mysl'. Slovo. Metafora, problemy semantiki v filosofiskom osveshchenii* [Think. Word. Metaphor, Problems of semantics in philosophical lighting], Kiev: Nauka dumka.127

Litterature sources:

- Baratashvili N. (1968). *Poezia*. [Poems], Tbilisi, gam. “Merani”
- Gazmanov. O. M. (1990). *Eskadron* [Squadron]
- https://ru.wikipedia.org/wiki/Газманов,_Олег_Михайлович

Flaubert, G. (1929). Madame Bovary. Mœurs de province [Madame Bovary] Paris : Librairie de France, « Édition du centenaire » <https://beq.ebooksgratuits.com/vents/Flaubert-Bovary.pdf>
Pasternak B. (1968) Nikoloz baratashvilis poezia, [Poems of N. Baratashvili], Tbilisi: gam. “Merani”

Lexicographic sources :

PDL (1962) - Petit Dictionnaire Larousse, Paris : « Librairie Larousse »
PDR (1988) - Petit Dictionnaire Robert, par Paul Robert, rédaction dirigée par A. Rey et J. Rey-Debove, Montréal, Canada : « Les Dictionnaires Robert »,

Information about the author: Zoia Adamia - Editor-in-Chief of Scientific Journal "WEST-EAST", Deputy Chairman of the Scientific Council of International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists "WEST-EAST" (ISPOP), professor, PhD, D. Gulia Institute of History, Language and Culture at Tskhum-Abkhazian Academy of Sciences. (Georgia)
e-mail: a.zoia777@gmail.com

Сведения об авторе: Зоя Адамия - главный редактор журнала “WEST-EAST”, зам. председателя научного совета Международной научно-педагогической организации филологов «Запад - Восток», доктор филологии, профессор, институт «Истории, языка и культуры» им. Д. Гулия, Цхум-Абхазская академия наук (Грузия)
e-mail: a.zoia777@gmail.com

Information about the author: Nino Sanaia - executive secretary of scientific journal “WEST-EAST”, professor, D. Gulia Institute of History, Language and Culture at Tskum-Abkhazian Academy of Sciences. Member of International Scientific-Pedagogical Organization of Philologists “WEST-EAST” (ISPOP). (Georgia)
e-mail: nsanaia@yahoo.com

Сведения об авторе: Нино Саная - ответственный секретарь журнала “WEST-EAST”, член научного совета Международной научно-педагогической организации филологов «Запад - Восток», доктор филологии, профессор, институт «Истории, языка и культуры» им. Д. Гулия, Цхум-Абхазская академия наук (Грузия)
e-mail: nsanaia@yahoo.com

Manuscript received: 11/15/2018
Accepted for publication: 01 /25/2019
Рукопись получена: 11/15/2018
Принята к печати: 01/25/2019

THEORY AND METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-83-90>

Janina Krejci
Mgr. Instructor
Simona Korycankova
Assoc. Prof. PhDr. Mgr., Ph.D.
Masaryk University
(Brno, Czech Republic)
e-mail: janina.krejci@ped.muni.cz
korycankova@ped.muni.cz

INSTRUCTION IN SPEECH ETIQUETTE AS A MEANS OF FORMATION OF SOCIOLINGUISTIC COMPETENCE IN THE COURSE OF LANGUAGE EDUCATION

Abstract. The authors' goal is to describe the theoretical foundations of, and practical approaches to, the instilment of sociolinguistic competence by means of instruction in speech etiquette in a Russian-as-a-foreign-language lesson. The article reviews the latest research in the area of defining and forming communicative and sociolinguistic competence. The emphasis is made on instruction in the speech formulae of polite address using the full name, i.e., including the patronymic. A lesson plan on the subject “Rules of address. First name and patronymic” is suggested. A regular use of the formulae of address in communicative situations aids the development of the students' sociolinguistic competence in a Russian language lesson that aims to provide knowledge on the norms and correct use of such forms.

Keywords: *Sociolinguistic competence, instruction, speech etiquette, Russian as a foreign language*

Янина Крейчи
Магистр, преподаватель
Симона Корычанкова
Доктор филологических наук, ассоциированный профессор
Университет им. Масарика
(Брно, Чешская Республика)
e-mail: janina.krejci@ped.muni.cz
korycankova@ped.muni.cz

ОБУЧЕНИЕ РЕЧЕВОМУ ЭТИКЕТУ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВА- НИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Авторы данной статьи ставят своей целью описание теоретических основ и практических подходов к внедрению социолингвистической компетенции посредством обучения речевому этикету на уроке русского языка как иностранного. В статье пред-

ставлен обзор актуальных исследований в области определения и формирования коммуникативной и социолингвистической компетенций. Акцент поставлен на дискуссии к проблематике обучения речевым формулам вежливого обращения к собеседнику с использованием полного имени и отчества. Приводится пример практической разработки урока по обучению теме: «Правила обращения. Имя и отчество». Регулярное использование формул обращения в коммуникативных ситуациях способствует развитию социолингвистической компетенции учеников на уроке русского языка, целью которого является приобретение знаний о нормах и правильном использовании таких форм.

Ключевые слова: социолингвистическая компетенция, обучение, речевой этикет, русский язык как иностранный

INTRODUCTION

The main goal of language education is the formation of an intercultural communicative competence. The main guideline for the language policy of the European education, *the Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment* (CEFR 2001), emphasizes the role of intercultural education by means of the model of the so-called *general competences*, which include 1) *Declarative knowledge* (knowledge of the world; sociocultural knowledge, including the rules of etiquette; intercultural knowledge); 2) *Skills*; 3) *Existential competence*; 4) *Learning styles* (CEFR 2001). Alongside the general competences, the communicative language competence (*ibid.*) is separately emphasized; the latter comprises several components.

The term *communicative competence*, suggested by Hymes (1972), was further developed in the works of Canale and Swain (1980), Bachman (1982), J. van Ek (1986), M. Byram (1997) and others. Most communicative competence model authors emphasize the social context of language communication and name sociolinguistic competence as one of the components (J. Van Ek, 1986; L. F. Bachman, 1990; M. Celce-Murcia, Z. Dörnyei & S. Thurrell, 1995; M. Byram, 1997; T. Hedge, 2000 et al.)

THEORY. SOCIOLINGUISTIC COMPETENCE

Jan van Ek (1986), whose framework exerted a significant influence on the *Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment* (CEFR, 2001), understands sociolinguistic competence as the awareness that the use of certain language forms is not universal, but conditioned by specific factors, such as the circumstances and goals of the communication, the relationship between the participants, and so on. This competence is based on the connection between the speech signals and their situation-derived meaning. M. Byram (1997) underlines the interconnection between this competence and the linguistic and discursive ones, and defines sociolinguistic competence as the ability to comprehend social meanings that are manifested in specific uses of language, its rules and conventions.

The sociolinguistic component of the intercultural communicative competence is isolated by G. V. Yelizarova (2005), who emphasizes the influence the knowledge of one's own culture's social factors, as well as those of the culture of the language being learned, exerts on the choice of linguistic means, and names as part of the sociolinguistic component „умение применить

названные знания в практике общения с целью достижения взаимопонимания на основе создания общего значения“¹ (Yelizarova 2005: 227-234).

S. A. Ziyayeva (2016) remarks that sociolinguistic competence is viewed in most authors' models from two angles: 1) as an autonomous component of the communicative competence, along with the linguistic and practical competences. Sociolinguistic competence as a component of the communicative competence is understood as the knowledge and skill of using and transmuting language forms to suit the circumstances of the communication, communicative goals, subject and location, social roles of the participants, etc.; 2) as a component of the sociocultural competence, which is a component of the communicative competence. Viewed from this angle, the sociolinguistic competence is defined as the speech specifics of representatives of different generations, genders, social groups and dialects.

APPROACHES AND METHODS

The approach to defining sociolinguistic competence as a distinct component of the communicative competence is based on understanding it as „способности языковой личности организовывать свое речевое поведение адекватно ситуациям общения с учетом коммуникативной цели, намерения, социальных статусов, ролей коммуникантов и обстановки общения в соответствии с социолингвистической нормой и установками конкретного национально-лингвокультурного сообщества“² (Dagbayeva & Ovchinnikova 2012).

The definition of the sociolinguistic competence as a sub-competence of the sociocultural competence is explained by proponents of the second approach in the following manner: „Социолингвистическая компетенция заключается в знании социокультурных правил языка и дискурса. Этот вид компетенции требует понимания социального контекста, в котором используется язык, а именно понимание роли каждого из собеседников, информации, которой они обмениваются, функции их взаимодействия. Только на основании такого контекста можно судить о соответствии, уместности и точности отдельного высказывания“³ (Panaiti, 2009, 36).

We share the viewpoint of the first approach (Dagbayeva & Ovchinnikova 2012) and view sociolinguistic competence as the sum of knowledge and skills needed for an effective use of language in a social context, manifested in the use of linguistic markers of social relations, expressions of folk wisdom, the choice of an appropriate mode of communication, particularly, the rules of politeness (Azimov & Shchukin 2009). Politeness is usually understood as the ability to interact with another person in a tactful and respectful manner, the readiness to compromise and listen to other points of view. Politeness allows the interlocutors to feel comfortable in each other's company and to avoid tension in the course of communication.

---

¹ “the ability to apply said knowledge in conversational practice with the aim of reaching mutual understanding based on a created common meaning”

² “the ability of a linguistic personality to structure its speech behavior to suit the communicative situation, taking into account the communicative goal, intent, social statuses and roles of the participants, and the circumstances of the interaction in accordance with the sociolinguistic norm and the standards of the given national linguocultural community”

³ “Sociolinguistic competence is the knowledge of the sociocultural rules of the language and discourse. This competence necessitates an understanding of the social context of language use, specifically, an understanding of the role of each of the participants, the information being exchanged, the function of the interaction. How accurate and appropriate a given utterance is, can only be determined in such a context”

One of the best-known contemporary theories of politeness is the *Brown-Levinson politeness theory* (Brown & Levinson, 2014), based on the concept of *face* suggested by E. Goffman (1967), who defined face as a positive public self-image that every individual aspires to, and emphasized the importance of preserving one's own face, as well as the interlocutor's (Goffman, 1967).

According to the main precepts of the Brown-Levinson theory, the purpose of politeness is the preservation of the social faces (public images) of the interlocutors (Brown & Levinson, 2014). The essence of polite behavior is the preservation of the interlocutors' faces by means of mitigating the effects of *face-threatening acts*, which are a natural part of communication. The authors of the theory distinguish between *negative* and *positive* politeness and suggest certain strategies for its successful application. According to Brown and Levinson, polite speech behavior is a balance between expressing like-mindedness and maintaining a certain distance, which is realized by the use of appropriate verbal means of communication, one of which is the speech etiquette, the „социально заданные и национально-специфичные правила речевого поведения, реализующиеся в системе устойчивых формул и выражений, принятых в предписываемых обществом ситуациях вежливого контакта с собеседником“⁴ (Azimov & Shchukin, 2009). Such situations are: addressing and drawing the interlocutor's attention, greeting, acquaintance, farewell, apology, gratitude, etc. Each of the situations is serviced by a number of formulae and expressions that form synonymic rows (for example, gratitude: „Спасибо“; „Благодарю Вас“; „Очень Вам благодарен“, etc.)

THEORETICAL CONCLUSIONS AND DISCUSSION

The linguistic markers of social relations vary in different languages and cultures, depending on the following factors: relative status, closeness of relation, register of discourse, etc. (CEFR, 2001). What is meant here are the following categories: choice of greeting (Привет! Добрый день!); choice of farewell (Пока! До свидания!); form of address – archaic (Ваше Благородие!), official (Александр Сергеевич!), informal (Саша!), familiar (Дорогой!), disdainful (Глупец!); conventions for turn taking; choice and use of expletives (О, боже! Черт!).

Effective intercultural communication requires knowledge of nationally marked forms of communication, speech and behavior templates, the skill of matching linguistic means to specific situations and norms of speech behavior followed by native speakers. This is why we emphasize the sociolinguistic component of the communicative competence, which implies the ability to choose the linguistic form and method of expression suitable to the circumstances, goals and intents of the communication, social and functional roles of the interlocutors (Gaskova, Gez, 2006). Sociolinguistic competence includes the knowledge and skills necessary for an effective use of language in a social context, which is why sociocultural knowledge as part of declarative knowledge in the domain of general competence is to be emphasized in language education.

We understand the formation of sociolinguistic competence in the case of instruction in speech etiquette as a process of interaction between the teacher and students in the course of the instruction, and the study of linguistic formulae and expressions of politeness in Russian language lessons, which leads to the adoption of said formulae and expressions by the students and, consequently, to their ability to correctly use them in corresponding communicative situations.

---

⁴ “socially defined and nation-specific rules of speech behavior that are manifested as a system of established formulae and expressions expected in socially prescribed situations of polite communication”

Instruction in speech etiquette is to accompany the entire course of teaching Russian as a foreign language, starting with the very first lesson, which creates a natural communicative situation where the students receive the knowledge and begin forming the skill of using appropriate speech forms of etiquette. The formulae of greeting, rules of address (ВЫ or ТЫ), use of first name and patronymic, formulae of farewell, etc., can be among the first rules of speech etiquette. Individual phrases are learned by means of imitation, as well as the transcription of their pronunciation on the blackboard using the characters of the students' native language.

PRACTICE

A lesson on the subject “Rules of address. First name and patronymic” will serve as an example. The lesson's linguistic goal is to instill the skill and habit of using the formulae of greeting, as well as to study the structure of the full name and introduce the patronymic as a sociocultural specific. The lesson introduces the students to the Russian rules of address. The students learn, in the very first lesson that the Russian language distinguishes between a *ты* and *вы* address. Analogies in the students' native language should be pointed out, if present. The teacher asks, “*Whom do you address as «ты»?*” The students answer, “*Friends, family members, adults that we know who have suggested such a form of address*”. The teacher then asks, “*Whom do you address as «вы»?*” The students answer, “*Teachers, doctors, shop assistants, coaches, adult strangers...*” The teacher says that analogous forms of address are used in the same situations in the Russian-speaking society. Some languages do not allow for this type of analogy; in such cases, the students need to be explained when they are to address an adult as *вы*. One way to do this is a language game, for example, in the form of questions on sheets of paper (“*Should a doctor be addressed as «вы»?*” - the students answer yes/no, with the teacher or the students explaining why). Should they not have mastered spelling yet, drawings can be substituted (a doctor, a shop assistant, a girl, a dog). After this part has been successfully completed, the teacher needs to go on to explain that a Russian full name consists of three parts (first name, patronymic, family name), the use of the patronymic being a sociocultural specific of the Russian-speaking society. It must be mentioned that the full name in other languages can have a larger number of components owing to, for example, two first names or a double family name; however, those are specifics of a different kind. The teacher emphasizes that the patronymic is part of the clan name that is derived from the father's.

Depending on the group's level, time constraints, etc., the lesson may include a more detailed linguocultural commentary explaining the subject of ancestor worship (fathers, grand- and great-grandfathers) and the attendant rituals and traditions. The teacher reads out examples of Russian names (like Дмитрий Иванович Белов, Ольга Ивановна Белова) written on the blackboard beforehand. Attention is drawn to the postfixes of the male and female patronymics, highlighted in blue on the blackboard: -ович and -овна. The teacher then demonstrates other examples of first names and patronymics and reads them out loud: Александр Сергеевич Пушкин and Наталья Николаевна Гончарова (the significance of the names may be mentioned). The teacher draws attention to the other possible postfixes of the male and female patronymics, which are highlighted in blue: -евич and -евна. It is explained that the examples of patronymics demonstrated (ending in -ович and -евич with men and -овна and -евна with women) are the most common in the Russian language. The teacher then demonstrates a drawing (or slide, depending on the available technology) showing the figures of a father, daughter

and son, each labelled with their names: the father – Иван Петрович Белов, the daughter – Ольга Ивановна Белова, the son – Дмитрий Иванович Белов. The children's patronymics consist of two parts: the father's name (Иван) and the male or female postfix (-ович and -овна). The father's name may be highlighted in red, the postfixes (-ович and -овна) in blue for emphasis. The teacher asks individual students to read the names of the father, daughter and son out loud, then it is done by all the students together. The teacher points out the correct pronunciation. Depending on the lesson's goal and the level of the students, the rules of patronymic formation in the Russian language may be explained (like deriving the patronymic from the father's name Иван: ИВАН+ОВИЧ=ИВАНОВИЧ; ИВАН+ОВНА=ИВАНОВНА; from the father's name Сергей: СЕРГЕЙ – Й + ЕВИЧ = СЕРГЕЕВИЧ; НИКОЛАЙ – Й + ЕВНА = НИКОЛАЕВНА).

A number of exercises may be used to affirm the new knowledge. For example, the students alter the answers shown on the blackboard (slide, flipchart) to the question in a situation of acquaintance: «Как вас зовут?» – «Меня зовут Александр Сергеевич» (– «Меня зовут Наталья Николаевна»). The teacher then demonstrates on the blackboard examples of greeting and address using the first name and patronymic: – «Добрый день, Наталья Николаевна!» – «Здравствуйте, Александр Сергеевич!» The teacher explains that this is the manner in which Russians introduce themselves in situations of official communication, in particular, students addressing a teacher in school. All teachers in Russian schools have to be addressed using the first name and patronymic. As an example, the teacher may write down his or her own name and patronymic and tell the students that that is how Russian students would address them.

LESSON ASSESSMENT AND PRACTICAL RESULTS

The communicative situation of address comes up often in the course of communication, which is why we consider it important to include the lesson “Rules of address. First name and patronymic” in the process of Russian language education. The lesson familiarizes the students with the sociocultural specifics of address, mainly, during official communication. The lesson also underlines the similarity/difference between the Russian and students' cultures, which manifest, in particular, in the *вы* and *ты* forms of address present in both languages.

The lesson represents the first stage of the formation of sociolinguistic competence in the official form of address in the Russian language – the formation of sociolinguistic knowledge on the use of the patronymic in situations of full name address. The curriculum assumes that the students are already familiar with the grammatical aspect of address using the first name in the nominative case (Сергей! Вера!), which they are usually introduced to in the first Russian lesson (“Greeting, introduction, farewell”). Examples of visual aids to be used in the lesson are a computer, interactive board, flipchart, or other media containing examples of full Russian names including a first name, patronymic and family name; examples of patronymic formation; examples of address using the first name and patronymic serving the purposes of quick memorization and automation.

The lesson introduces the sociocultural phenomenon of patronymic for the first time, which is why only the most common varieties of patronymic are reviewed. A positive atmosphere and the students' active engagement in the tasks assigned by the teacher have been observed during the lesson. Of particular interest to the students is the homework: to write down

their own patronymics and the full names (first name, patronymic, family name) of their family members.

CONCLUSION

In order to build sociolinguistic competence in the process of learning a foreign language, a student has to develop the skill of choosing and using linguistic forms and means suitable to the goals and circumstances of the communication, the social roles of the participants. Speech etiquette is what allows one to establish the right manner of contact with another person in accordance with the existing norms of communication; therefore, the formulae and expressions of speech etiquette are a necessary part of a Russian-as-a-foreign-language curriculum. A certain amount of knowledge on the ways and traditions of native speakers must also be acquired, since every nation's speech etiquette makes certain demands of the members of its culture, and has its own specifics. Speech etiquette allows one to establish contact in accordance with the existing norms of communication. The linguistic material pertaining to the formulae of speech etiquette is to be selected based on its thematic significance, frequency of the lexical items and appropriateness to situations of everyday spoken communication, the age of the students and their level of mastery of the foreign language.

REFERENCES

- Azimov, E. G., Shchukin, A. N. (2009). *Novyy slovar metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam)*. [New dictionary of methodological terms and concepts (Language education in theory and practice)]. Moskva: IKAR.
- Brown, P. & Levinson, S. C. (2014). *Politeness: some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Byram, M. (1997). *Teaching and assessing Intercultural Communicative Competence*. Clevedon: Multilingual Matters.
- CEFR: Společný evropský referenční rámec pro jazyky (2001). [Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment]. Praha: MŠMT. URL: <http://www.msmt.cz/mezinarodni-vztahy/spolecny-evropsky-referencni-ramec-pro-jazyky> <https://www.coe.int/en/web/language-policy/cefr> (Accessed: 15.01.2019).
- Dagbayeva N. Zh., M.F. Ovchinnikova. (2012). *Printsipy formirovaniya sotsiolingvisticheskoy kompetentsii na nachal'nom etape yazykovogo vuza*. [Principles of formation of sociolinguistic competence at the initial stage of a language-oriented higher educational institution]. *Vestnik nauki TGU*, 1 (8). 103–105.
- Galskova N.D., Gez N.I. (2006). *Teoriya obucheniya inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika*. [Theory of language education. Language pedagogy and methodology]. Moskva: Akademia.
- Goffman, E. (1967). *Interaction ritual; essays on face-to-face behavior*. New York: Doubleday.
- Panaiti N.N. (2009). *Kommunikativnaya kompetentsiya kak tselevaya i sodержatel'naya storona obucheniya inostrannomu yazyku*. [Communicative competence as the goal and essence of language education]. *Inostrannyye yazyki v vyshey shkole*, 1(8), 36–46.
- Van Ek, J. (1986). *Objectives for foreign language learning*. Strasbourg: Council of Europe.

Yelizarova G.V. (2005). Kultura i obucheniye inostrannym yazykam. [Culture and language education]. Sankt-Peterburg: Karo.

Ziyayeva S.A. (2016). Sotsiolingvisticheskaya kompetentsiya kak odin iz komponentov kommunikativnoy kompetentsii. [Sociolinguistic competence as a component of communicative competence]. V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii, 6(61), 92-96. URL: <https://sibac.info/conf/philolog/lxi/57199> (Accessed: 15.01.2019).

Information about the author: Simona Korycankova - Professor PhDr. Mgr., Ph.D. Department of Russian Language and Literature, Head of Department of Russian Language and Literature, Faculty of Education, Masaryk University (Czech Republic).

e-mail: korycankova@ped.muni.cz

Сведения об авторе: Симона Корычанкова - доктор филологических наук, профессор, университет им. Масарика, заведующий кафедрой русского языка и литературы - Педагогический факультет (Чешская Республика)

e-mail: korycankova@ped.muni.cz

Information about the author: Janina Krejci – Mgr. Instructor, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Education, Masaryk University (Czech Republic).

e-mail: janina.krejci@ped.muni.cz

Сведения об авторе: Янина Крейчи - магистр, преподаватель, кафедра русского языка и литературы, Педагогический факультет, Университет им. Масарика (Чешская Республика).

e-mail: janina.krejci@ped.muni.cz

Manuscript received: 12/02/2018

Accepted for publication: 01 /25/2019

Рукопись получена: 12/02/2018

Принята к печати: 01/25/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-91-97>

Elena G. Tareva
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Moscow City University, Institute of Foreign Languages
(Moscow, Russia)
e-mail: elenatareva@mail.ru

CULTURE AS A KEY CONCEPT OF LANGUAGE TEACHING METHODOLOGY

Abstract. This paper concerns a methodologically significant issue that reveals the underlying processes of the development of scientific knowledge in the field of methods of teaching foreign languages. It introduces the *concept* as a basic unit in “conceptology” and “linguconceptology”. The study identifies the values and key (threshold) concepts in the field of foreign language teaching methodology and shows how the evolution of a key concept demonstrates the development of scientific knowledge. The object under study is the concept of “*culture*” in the linguistic educational perspective. The factors that determine the transformation of the concept are justified. They are linked to a change in educational paradigms.

Keywords: *concept, culture, lingvodidactic values, axiosphere, postmodern stage of language teaching methodology, information paradigm.*

Е. Г. Тарева
Доктор педагогических наук, профессор
Московский городской педагогический университет
(Москва, Россия)
e-mail: elenatareva@mail.ru

КУЛЬТУРА КАК КЛЮЧЕВОЙ КОНЦЕПТ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Аннотация. Статья посвящена методологически значимой проблеме, раскрывающей основные процессы развития научного знания в области методики преподавания иностранных языков. Автор рассматривает концепт как базовую единицу «концептологии» и «лингвоконцептологии». В исследовании определяются ценности и ключевые (пороговые) концепты в области методики преподавания иностранного языка, в нем показывается, как эволюция концепта способна продемонстрировать развитие научных знаний. Объектом рассмотрения является концепт «культура» в лингвообразовательной проекции. Автор обосновывает факторы, определяющие трансформацию данного концепта. Данные факторы связаны с изменением образовательных парадигм.

Ключевые слова: *концепт, культура, лингводидактические ценности, аксиосфера, постнеклассический этап методики преподавания языка, информационная парадигма.*

INTRODUCTION

Conceptology is a field of knowledge in linguistic studies, which has manifested itself in the researches of recent decades. It is understood as a section of interdisciplinary cognitive science (Karasik 2005), which studies concepts – mental units of consciousness, operational units of memory, conceptual systems, quanta of structured knowledge (Popova, Sternin 2001). The interest in concepts as fragments of a picture of the world – a person's ideas about the surrounding space – is not accidental. The anthropocentric paradigm, which determined the turn of scientific thought to human consciousness and actions, provides for an increased interest in describing the mental processes that are responsible for cognition (from the Latin *cognito* “knowledge, cognition”) of a person – the process of cognition, mental processing of information. Although the concept analysis often conflicts with modern forms of theory building, it is a creative source for theorising that accepts the unstable, political and context-bound nature of ontology (Berenskoetter 2016).

Since this vector of knowledge development, which predetermined the triumph of the anthropocentric paradigm, turned out to be very attractive for updating / modernizing / changing scientific ideas, there was an urgent need to extrapolate cognitive models of interpreting scientific phenomena to various researches in humanitarian areas: philosophy, history, political science, and even education. Conceptology develops most intensively in the depths of linguistics and cultural studies, as well as cultural linguistics, the synergy of these scientific fields. It is the “linguoconceptology” that is under most intensive studies today, setting the task of developing classical structural and functional semantics, enriching it with data from the field of cultural studies, cognitive science, sociology, history and other related fields of knowledge. Linguoconceptology, thus, aims to study mainly the national-cultural part of the mental lexicon – concepts, the expression of which is represented by a practically unlimited number of language units (Vorkachev 2014). The study of these phenomena turned out to be very productive, since the model (based on the methods of component analysis and field theory) of description and comprehension of complex mental units is characterized by cultural specificity and expressed by means of language. Attempts to discredit the linguoculturological orientation of research in general and linguoconceptology in particular (Pimenova 2013) could not reduce their heuristic validity and, therefore, significance.

AIM OF THE STUDY

It becomes necessary to identify key concepts in various areas of knowledge. The aim of the study is to examine the key concept of “culture” in the context of language teaching methodology, to establish the dynamics of the development of this concept, to link it with changes in the leading paradigms of this field of knowledge.

DATA & ANALISES

The very idea of describing, categorizing, classifying the units of the mental level of a person's lexicon is thus incredibly productive. Its productivity during the modern era of postmodernism has only intensified, since it is today that science is in the state of synthesizing what was

previously not correlated and not matched (due to taboo): rational and irrational, synchronous and asynchronous, systemic and variable, collective and individual.

The established methodology of describing concepts attracts the attention of scientists from other fields of knowledge. Thus, historical conceptology deals with historical concepts that have been established and function in the sphere of historical discourse (Møller 2015). Appeal to the concept is manifested in the science of education. In Russia, we observe a rather contradictory and at the same time interesting tendency – the development of the theory and practice of teaching through immersing a student in culture through language, called “linguoconceptology” (Karasik, Krasavsky and Slishkin 2014). American scientist Ebru Turker writes about the role of conceptual and linguistic knowledge and the frequency of L1 in the acquisition of L2 (Türker 2016). The concept is treated as a method in educational and social science inquiry (Taguchi, St. Pierre 2017), the role of “concept maps” in teaching adult learners is substantiated (Biniecki, Conceição 2015). Researchers develop criteria for determining the adequacy of a given concept for a given task in social practice and scholarship (Howie, Bagnall 2018).

One of the significant problems of conceptology in any sphere of its application is, according to scientists, the selection of *basic, key, threshold concepts*. Each scientific area solves this question in its own way. For example, among concepts objectified in a language, those that constitute the foundation of a language and the entire picture of the world are considered basic (Pimenova 2013). In historical conceptology, focused on the description of conceptual historical thinking, some questions nowadays are becoming particularly relevant, and the answers to them influence the solution and interpretation of sacramental problems of Russian historical science. From this standpoint, such concepts (expressed, by the way, quite metaphorically) as “Russian way”, “Russian soul”, “Russian power”, “Russian world”, etc. are key. These images, being seemingly historical realities, alienated from a personality, make up a kind of “world of history” (URL).

It is easy to see that the highlighting of key concepts is conditional and can hardly be strictly formalized in one or the other regulatory framework and, accordingly, generally recognized. Despite the objective difficulties, in each field of scientific knowledge a clear idea was developed about those value bases, meanings, and key ideas, without which the corresponding scientific picture of the world would be unthinkable. For language teaching methodology, one of such concepts (concepts) is *culture*.

Interpretation of culture in the conceptual dimension is a natural phenomenon. According to Yu. S. Stepanov, concept is a clot of culture in the human mind, how culture enters into the mental world of a person, and, on the other hand, concept is that whereby a person - an ordinary person, not a 'creator of cultural values' - himself enters culture, and in some cases influences it. Concept is the basic cell of culture in the mental world of a person (Stepanov 2000). It is obvious that the notions of culture and concept are inseparable, and the study of culture in the cognitive perspective is more than justified.

The concept of culture is considered in various fields of scientific knowledge. For example, it is studied in relation to the cultural evolution developed by Cultural Evolutionary Science (Palecek 2019). We are interested in the study of conceptual gestalt approaches to culture and education: “culture as pattern”, “culture as boundary”, “culture as authorship”, and “culture as critical dialog” (Matusov, Marjanovic-Shane 2016). The use of threshold concepts and their application to teaching culture is being explored (Nahavandi 2016).

RESULTS AND DISCUSSION

Culture is a concept whose presence in the system and structure of language teaching methodology is natural: as of today, no one has the right to question its status as such. It is interesting to trace the historical transformation of the understanding of culture as a concept of language teaching methodology.

Culture at all times was an indispensable component of the science of foreign language teaching as a conductor of culture, as its fixative and a means of translation from one generation to another. The beginning of interest in culture as a linguistic concept is connected with the first attempts to describe translation methods of teaching foreign languages. In the depths of the translational method, attention is fixed to cultural facts transmitted by learner through the original classical texts. It must be admitted that in the ancient times of theory and methods of teaching, culture wore a certain collective image and was a manifestation of universal human values.

Later, in the classical period of development of language teaching methodology, culture has been considered in its rigid correlation exclusively with the country of the language being studied (the study of (another) language and (another) culture). This period has been lasting a long time. Even today, such an attitude to culture as a linguodidactic concept is, perhaps, predominant both in the minds of scientists and thinkers, and (which manifests itself most clearly) in the views of practicing teachers, textbook authors, and developers of e-learning resources and manuals.

With all the seeming inviolability of such an interpretation of culture as the key concept of language teaching methodology, at a certain point researchers had doubts about the validity of this point of view and even some of its danger. When culture of the target country becomes dominant, there are conditions for ethnocentrism and even cultural imperialism – imposing the principles of one culture on the other. The desire to consider all the facts of the world through the prism of one - the studied - culture, undoubtedly, causes damage to the native culture. It should be recognized that in this case the native culture is not withdrawn from the process of learning a foreign language. But its status in these educational conditions is rather secondary: being a means of learning, it creates only a background for understanding the similarities and differences when compared with the culture of speakers of the target language, for making decisions about the possibility of cultural transfer or danger of cultural interference.

The period of triumph and the maximum accentuation of the culture of the linguistic society under study as the key concept of language teaching methodology is coming to an end. The reason for this change of ideas within the conceptual sphere of methodology is the new key concept: it is not culture itself, but *the dialogue of cultures* that inevitably contact in the process of learning a foreign language, which is at the epicenter of attention of specialists in the field of methodology. Cultural imperialism has been replaced by the “spirit” of ethnorelativism, which implies an understanding of a foreign culture exclusively in the context of the native culture. It creates the basis for the dialogical consciousness of a linguistic person mastering a foreign language. At the same time, the picture of the learner’s world is enriched, being under the powerful influence of the double influence of a different culture, one’s own culture, and the interaction (dialogue) of these cultures (Tareva, Tarev 2017).

Such a change in attitudes toward culture as a key concept of language teaching methodology is a consequence of changes in scientific paradigms that predetermined significant changes in various sciences, including theory and methodology of teaching foreign languages. The in-

formation paradigm has led to the emergence and strengthening of a particular image of cultural values and traditions, which, developing in accordance with historical conditions, are characterized by a state of uncertainty, chaos, unpredictability of the world and man in it. Under these conditions, it is the dialogue of cultures that is a particularly valuable concept, creating the basis for an intercultural educational ideology. Such an ideology manifests itself in the format of *an intercultural approach* to learning foreign languages. This approach assumes *taking into account in the learning process the obligatory interaction of contacting language and conceptual systems of communication participants – representatives of two linguistic communities*. Its dominant is equality and equivalence in the student's mind of two cultures that enter into interaction.

The idea of intercultural foreign language education, characterized by its strategies and tactics, is truly a breakthrough in the system of modernizing the processes of teaching foreign language communication to a person, who is ready to participate in complex communication processes with its possible (and sometimes quite real) conflict potential which is determined by the informational geopolitical paradigm. In such conditions, the content of the process of preparation for intercultural communication should acquire axiological characteristics, become spiritual-moral, emotionally valuable, “creating”, pragmatically charged. The implementation of intercultural ideology in the process of teaching will be able to influence the minds, positively influence the students' worldview, expanding it, making it multipolar. It seems that this ideology contains the “medicine” for xenophobia and ethnocentrism. In addition, it shows the way to achievement of cultural non-judgmental relativism as an episteme of modernity, openness – the proclaimed leading symbol, the imperative of the era of information paradigm.

Like any concept, culture changes due to the impact of the scientific field of knowledge of objective circumstances. Recent events in the world have defined the sudden “cooling” of the dialogue of cultures as values of methodology. Disputes arose over the question of what is the object of mastery of students – the ability to enter the dialogue of cultures or readiness for the “*non-dialogue*” of cultures. There were attempts to devalue the role of the dialogue of cultures, to perceive it as an unachievable dream, to prove that the dialogue of cultures is nothing but a myth (Baryshnikov 2016). Recently, much has been written about this in Russian and foreign science. The pages of journals (especially the journal “Dialogues in Human Geography”) host an active discussion on limits to dialogue (Rose-Redwood, Kitchin, Rickards et al.'s 2018), the possibilities of a culture of cosmopolitan dialogue (Qian 2018). Authors attend to the question of what it means to refuse dialogue (Wright 2018), to conscientiously disengage from dialogue (Mott, Cockayne 2018).

According to N.V. Baryshnikov, the dialogue of cultures is a beautiful metaphor. In fact, cultures do not dialogue with each other; verbal dialogue is carried out by representatives of different cultures, each of which has an individual level of culture. It is obvious that a genuine dialogue of cultures can take place only if representatives of different languages and cultures communicate, one of them is a carrier of the language of communication, and the other speaks the partner's native language at a sufficiently communicative level. Thus, the dialogue of cultures as a concept of teaching foreign languages is not justified, since there is no dialogue of cultures in the student audience, because the students and the teacher are representatives of one, in an integrated sense, Russian culture (Baryshnikov 2016).

Doubts of the author are clear. The theses of “monologue in dialogue”, meaning “inequality of cultures” and possible suppression of one culture by another, about the danger of politicization and ideologization of the teaching process in the context of a dialogue of cultures, are

shared by some Russian researchers (Tareva, Tarev 2017, Safonova 2018). However, even in such a complex context of its existence, culture does not cease to be a key concept of language teaching methodology. It is these new value meanings that show new facets of culture, give it an actual sound, which undoubtedly should reflect on the goals, content, principles, methods, techniques and means of teaching a foreign language.

CONCLUSION

Thus, developing and improving according to historically determined processes, the linguodidactic concept “culture” does not stand still, its substantive specificity changes, the scope of culture as an element of the system of teaching foreign languages expands. Summing up, one can conclude that overcoming the zigzags of the historical path of development of linguodidactics, the concept of “culture” as a linguistic value demonstrates an example of flexible adaptation to the requirements of the times and stages of development of scientific knowledge. It can be said with confidence that in the historical projection the concept “culture” will not lose its value potential and will serve for many years the idea of preparing the younger generation for life (socialization) in a multipolar world where value “wars” rage, where methods of “soft power” influence children's minds, where national identity and the formation of a civil Ego are undergoing serious threats.

REFERENCES

- Baryshnikov, N.V. (2016). Lingvodidactic portrait of the dialogue of cultures without retouching. *Dialogue of Cultures. Culture of Dialogues. Searching for Innovative Socio-Humanitarian Practices*. Moscow: MGPU; Yazyki-narodov-mira, pp. 32-37. (in Russian).
- Bereskoetter, F. (2016). Approaches to concept analysis. *Millennium*, Volume 45, Issue 2, pp. 151-173. DOI: <https://doi.org/10.1177/0305829816651934>
- Biniecki, S.M. Y. – Conceição, S.C.O. (2015). Using concept maps to engage adult learners in critical analysis. *Adult Learning*, Volume 27, Issue 2, pp. 51-59. DOI: <https://doi.org/10.1177/1045159515604148>
- Historical Conceptology. – URL: <http://ponjatija.ru/node/12734>
- Howie, P.C. – Bagnall, R.G. (2018). A criterial framework for concept evaluation in social practice and scholarship. *Sociological Methods & Research*, First published 10 Apr. DOI: <https://doi.org/10.1177/0049124118769104>
- Karasik, V.I. – Krasavsky, N.A. – Slyshkin, G.G. (2014). *Linguoconceptology*. Volgograd, VGPU "Change", 104 p. (in Russian)
- Karasik, V.I. – Sternin, I.F. (2005). *Ontology of Concepts*. Volume 1, Volgograd: Paradigma. 352 p. (in Russian).
- Matusov, E. – Marjanovic –Shane, A. (2016). Many faces of the concept of culture (and education). *Culture & Psychology*, Volume 23, Issue 3, pp. 309-336. DOI: <https://doi.org/10.1177/1354067X16655460>
- Møller, J. (2015). Composite and loose concepts, historical analogies, and the logic of control in comparative historical analysis. *Sociological Methods & Research*, Volume 45, Issue 4, pp. 651-677. DOI: <https://doi.org/10.1177/0049124115578031>
- Mott, C. – Cockayne, D. (2018). Conscientious disengagement and whiteness as a condition of dialogue. *Dialogues in Human Geography*, V. 8, Issue 2, pp. 143-147. DOI: <https://doi.org/10.1177/2043820618780575>
- Nahavandi, A. (2016). Threshold concepts and culture-as-meta-context. *Journal of Management Education*, V. 40, Issue 6, pp. 794-816. DOI: <https://doi.org/10.1177/1052562916655185>

- Palecek, M. (2019). The evolution of “culture”: Juggling a concept. *Anthropological Theory*. First Published 10 Jan (2019). DOI: <https://doi.org/10.1177/1463499618814598>
- Pimenova, M.V. (2013). Types of concepts and stages of conceptual. *Herald of Kemerovo State University*. № 2(2). pp. 127–131. (in Russian).
- Popova, Z.D. – Sternin I.F. (2001). *Essays on Cognitive Linguistics*. Voronezh: Istoki. 89 p. (in Russian).
- Qian, J. (2018). The possibilities of cosmopolitan dialogue. *Dialogues in Human Geography*, Volume 8, Issue 2, pp. 138-142. DOI: <https://doi.org/10.1177/2043820618780574>
- Rose-Redwood, R. – Kitchin, R. – Rickards, L. – Rossi, U. – Datta, A. – Crampton, J. (2018). The possibilities and limits to dialogue. *Dialogues in Human Geography*, Volume 8, Issue 2, pp. 109-123. DOI: <https://doi.org/10.1177/2043820618780566>
- Stepanov, Yu.S. (2000). *Constants: The dictionary of Russian culture. Research experience*. Moscow: Yaziki russkoy reltury. 990 p. (in Russian).
- Taguchi, H.L. – St. Pierre, E.A. (2017). Using concept as method in educational and social science inquiry. *Qualitative Inquiry*, Volume 23, Issue 9, pp. 643-648. DOI: <https://doi.org/10.1177/1077800417732634>
- Tareva, E.G. – Tarev, B.V. (2017). Intercultural education as a “soft power” tool. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, Volume 3, Issue 10, pp. 432-439. DOI: 10.17516/1997-1370-0051
- Türker, E. (2015). The role of L1 conceptual and linguistic knowledge and frequency in the acquisition of L2 metaphorical expressions. *Second Language Research*, Volume 32, Issue 1, pp. 25-48. DOI: <https://doi.org/10.1177/0267658315593336>
- Vorkachev, S.G. (2014). Linguocultural conceptology and the terminological system (Continuation of the discussion). *Political Linguistics*, № 3, pp. 12–20 (in Russian).
- Wright, S. (2018). When dialogue means refusal. *Dialogues in Human Geography*, Volume 8, Issue 2, pp. 128-132. DOI: <https://doi.org/10.1177/2043820618780570>
- Safonova, V.V. (2018). Philosophical binary opposition “dialogue of cultures - non-dialogue of cultures” in linguodidactic review. *Lecturer XXI century*, 2018, № 2-1, pp. 20-39 (in Russian).

Information about the author: Elena G. Tareva - Professor, Doctor of Pedagogical Sciences. Moscow City University, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages for Master's studies, (Russia).
e-mail elenatareva@mail.ru

Сведения об авторе: Елена Генриховна Тарева - доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка и лингводидактики института иностранных языков Московского городского педагогического университета (Россия).
e-mail: elenatareva@mail.ru

Manuscript received: 12/05/2018
Accepted for publication: 01 /25/2019
Рукопись получена: 12/05/2018
Принята к печати: 01/26/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-98-105>

Tatiana Fedulenkova
Doctor of Philological Sciences, Professor
Ekaterina Solovyeva
Master of Arts of Humanitarian Institute
Vladimir State University named after the Stoletov Brothers
(Vladimir, Russia)
e-mail: fedulenkova@list.ru
ks070696@mail.ru

**ORGANIZATION OF THE SPECIAL COURSE IN ENGLISH
ON THE MAIN PROBLEMS OF SOCIOLOGY**

Abstract. The article shows - according to its **goal** - the possibility of the integrated training of undergraduates in English (as a foreign language) as a variable discipline on the basis of taking into consideration fundamental knowledge of the main professional discipline for students - "Sociology" that promotes fixing of this knowledge in the long term and forms a basis of formation and development both the general and the professional competences of the expert. The work is based on the idea of the lingual-didactic modeling intensifying the process of training in a foreign language of Masters in non-language higher educational institutions and considerably increasing their professional competence. **Methods:** initialization of personal interests of the recipient of knowledge, modular three-level training of undergraduates in a foreign language. As **a result** of a research the authors come to the conclusion that stimulation of personal interests of the undergraduate in his knowledge acquisition by means of an independent search and in mastering ways of its processing, modular training of undergraduates in English as a foreign language, an integrated approach to planning of educational process, to the search of balance between fundamental and variable knowledge, estimation of the quality of knowledge at the three levels: social, institutional and individual-personal - all this yields reliable results in acquisition of English as a foreign language and forms a solid basis for development and improvement of versatile competences of the sociologist. In **the conclusion** the authors call for close interaction between different departments for coordination of actions with the purpose of ensuring integration of a fundamental and a variable discipline.

Key words: higher education, the integrated training, competences.

Т. Н. Федулénkóва
Доктор филологических наук, профессор
Е. С. Соловьёва
Магистр Гуманитарного института
Владимирский государственный университет им. братьев Столетовых
(Владимир, Россия)
e-mail: fedulenkova@list.ru
ks070696@mail.ru

**ОРГАНИЗАЦИЯ СПЕЦКУРСА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
ПО ОСНОВНЫМ ПРОБЛЕМАМ СОЦИОЛОГИИ**

Аннотация. В статье, в соответствии с поставленной **целью**, показывается возможность интегрированного обучения магистрантов иностранному языку (английскому) как вари-

тивной дисциплине на основе учета фундаментальных знаний по основной профессиональной дисциплине обучающихся – «Социологии», что способствует закреплению этих знаний в долгосрочной перспективе и служит основой формирования и развития как общих, так и профессиональных компетенций специалиста. Работа базируется на идее лингводидактического моделирования, интенсифицирующего процесс обучения иностранному языку магистров неязыкового вуза и значительно повышающего их профессиональную компетентность. **Методы:** инициализация личного интереса получателя знаний, модульное, трехуровневое, обучение магистрантов иностранному языку. **В результате** исследования авторы приходят к выводу, что стимулирование личной заинтересованности магистранта в получении знаний посредством самостоятельного поиска и в овладении способами их обработки, модульное обучение магистрантов английскому языку как иностранному, комплексный подход к планированию учебного процесса, к поиску сбалансированности между фундаментальным и вариативным знанием, оценивание качества знаний на трех уровнях: социальном, институциональном и индивидуально-личностном – все это благотворно влияет на надежность овладения иностранным языком и служит прочной основой развития и совершенствования разносторонних компетенций социолога. **В заключении** авторы призывают к плотному взаимодействию между разными кафедрами для координации действий в целях обеспечения интеграции фундаментальной и вариативной дисциплины.

***Ключевые слова:** высшее образование, интегрированное обучение, компетенции.*

ВВЕДЕНИЕ

В представлении ученых «социальное пространство конструируется посредством полей (образовательное, политическое, правовое, экономическое, информационное, интеллектуальное и другие поля)» (Туриков 2017). Компетентностная модель молодого социолога предполагает умение свободно ориентироваться в любом из этих полей, особенно на уровне профессионально-ориентированного компонента, от совершенствования которого в первую очередь зависит качество высшего образования. Важной стороной образовательного процесса при этом считаем повышение заинтересованности студента в овладении будущей профессией. Такая постановка вопроса требует согласованной работы всех кафедр, занятых в подготовке магистрантов по специальности 39.03.01 – «Социология», тщательной структуризации всех рабочих программ по запланированным для данной специальности учебным дисциплинам. Солидарны с мнением, что тесная межкафедральная связь позволяет обеспечить «отбор лекционного материала по учебным дисциплинам базовой части, прежде всего относящихся к фундаментальным», который в последующем цикле в большей степени способствовал бы изучению учебных дисциплин вариативной части (Voronov et al. 2017). Примером такой вариативной части и является наш проект по созданию спецкурса на английском языке по основным проблемам социологии для магистрантов, обучающихся по специальности «Социология».

Цель работы: показать возможность интегрированного обучения магистрантов иностранному языку как вариативной дисциплине с опорой на фундаментальные знания по основной профессиональной дисциплине обучающихся, которые на практике, как правило, быстро утрачиваются студентами из-за отсутствия востребованности этих знаний в ближайшей перспективе.

Материалы: рабочие программы по социологии и иностранным языкам, лексикон и фразеокон ряда отраслей социального поля современного английского языка.

Методы: инициализация личного интереса получателя знаний (Razumovsky 2017), модульное обучение магистрантов иностранному языку, позволяющее приблизить осуществление оценки качества знаний - равно как и образования в целом (Perevoznuyu 2017) - на трех уровнях: социальном, институциональном и индивидуально-личностном, дедуктивный анализ инновационных педагогических идей, изучение продуктов деятельности магистрантов, критический анализ рабочих программ по социологии и современному английскому языку для студентов неязыковых специальностей.

В предлагаемом проекте опираемся на идею лингводидактического моделирования, которое позволяет интенсифицировать процесс обучения иностранному языку магистрантов неязыкового вуза и значительно повысить их профессиональную компетентность. С этой целью используем уровневую модель ПК, разработанную новосибирскими педагогами (Chub 2017) и включающую три базовые ступени в соответствии со степенью сформированности профессиональных компетенций: первая ступень – «Становление», вторая ступень – «Профессионализм», третья ступень – «Мастерство».

Используя способность студентов к аутокоммуникации (Leontyev et. all 2017), ставим целью обучения иностранному языку развитие и совершенствование информационно-коммуникационной компетентности выпускника (Skakunova 2017).

В своей работе осуществляем комплексный подход как «междисциплинарное явление», складывающееся «на основе общей программы изучения возможностей совокупности научных подходов, теорий и принципов, которые влияют на разработку методической системы подготовки магистрантов» (Kitova, Skibitsky 2017).

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Программа предлагаемого спецкурса по проблемам социологии на английском языке для магистрантов включает восемнадцать основных тем для изучения в течение учебного года, то есть на протяжении двух семестров. Это такие темы как: социология как наука, определение и строение общества, развитие общества, типология обществ, слабые социальные стратификации и ее исторические типы, социальная мобильность и миграционная картина современной России, социальные институты и их жизненный цикл, содержание, функции и концепции социального контроля, социология и трактовки отклоняющегося поведения, семья и брак, исторические формы брака, классификация типов брака, проблема лидерства в семье, последствия развода для детей, исторические типы политических институтов, методы социологических исследований.

Формы преподавания предмета включают: лекции, семинарские и практические занятия (Fedulenkova 2016), формы контроля включают ответы на вопросы, составление вопросников для квизов (Solovyova, Fedulenkova 2016), подготовка синопсиса, рефератов, представление докладов, коллоквиумы и тесты (Fedulenkova 2016) и, в заключение, – экзамен.

Почасовое распределение форм аудиторных и самостоятельных занятий выполняется в виде модулей, каждый из которых охватывает временной промежуток в шесть недель и заканчивается рейтингом, что находит свое отражение в следующей таблице:

Таблица 1
Примерный рабочий план спецкурса «Basic Problems of Sociology»

№	Тема занятия	Формы освоения знаний			Виды контроля
		Лекционные занятия	Семинарские и практические занятия	Самостоятельная работа	
Module 1					
1	Sociology as science	1	1	6	Коллоквиум
2	Brief historical survey	2	2	4	Рефераты Синописис
3	Definition and structure of society	2	2	4	Рефераты Квизы
4	Development of society	2	2	4	Доклады
5	Typology of societies	2	2	4	Доклады
6	Components of social stratification and its historical types	3	1	4	Доклады Синописис Квизы
					Коллоквиум
Module 2					
7	Social mobility	2	2	4	Синописис
8	Migration picture of modern Russia	2	2	4	Рефераты Синописис
9	Social institutes and their life cycle, content	2	2	4	Рефераты Квизы
10	Functions and concepts of social control	2	2	4	Рефераты Синописис
11	Sociology and interpretations of deviant behavior	2	2	4	Доклады Синописис Квизы
12	Organized juvenile delinquency	2	2	4	Доклады Квизы
					Тестирование
Module 3					
13	Family and marriage, historical forms and classification of types of marriage	2	2	4	Рефераты Синописис Квизы
14	Distribution of roles and leadership problem in family	2	2	4	Рефераты Синописис
15	Divorce consequences for children	2	2	4	Рефераты Квизы
16	Historical types of political institutes	2	2	4	Доклады Синописис
17	Methods of social sciences.	2	2	4	Доклады Квизы
18	Types of empiric research	2	2	4	Доклады Синописис
					Коллоквиум
	Итоговая аттестация			Оформление статьи	Экзамен

Первая тема, подлежащая изучению, посвящена социологии как науке. Поскольку изучение данной темы проходит в основном во внеаудиторном режиме, т.е. в режиме са-

мостоятельной работы, то в качестве основной формы проверки и оценивания знаний магистрантов на этой ступени избирается такая вузовская форма, как коллоквиум (*лат. colloquium* – разговор, беседа), который, является по сути своей промежуточным мини-экзаменом, преследующим цель (наряду с оцениванием текущего уровня знаний обучающихся) уменьшения списка тем, выносимых на основной экзамен.

Для подготовки к коллоквиуму по вводной теме *Sociology as science* предлагается, например, такой ряд вопросов (до восьми вариантов для письменных работ):

Вариант 1:

1. What are the main notions of sociology?
2. Is there any difference between the context of a scientific finding and the context of its scientific foundation?
3. Could one consider the term *individ* as the term of the social science? Why?
4. Could one consider the term *personality* as the term of the social science? Why?
5. What does the term *status* mean?
6. Why can one and the same man have many or at least several statuses?
7. What is the difference between the status and the role?
8. Will you define the main status of the man in the society? Is it relative or absolute?
9. What is the influence of sex and profession on the main status of the man in society?
10. What is the difference between the social status and the personal status of the man?

Вариант 2:

1. How do you understand the term the ascribed status of the man?
2. What is the difference between the inborn status the ascribed status of the man?
3. In what way is the achieved status acquired?
4. When do we speak about the mixed status of the man?
5. What constituents does any status consist of?
6. Which of them—the status or the role—indicates to the place and to the manner of behavior?
7. How could you describe the social structure of the society?
8. What social functions do you know?
9. What does the functional interconnection of statuses mean?
10. Could you differentiate the meaning of the terms social relations, social roles, social interactions?

Поскольку в планировании спецкурса большая часть времени отводится на самостоятельную добычу знаний и их препарирование обучающимися, то в начале каждого семестра они получают списки тем для СРС над рефератом или докладом, лучшие из которых рекомендуются к участию в научных конференциях и к опубликованию (см., например, архивы на сайте www.scienceforum.ru).

Темы для рефератов к Модулю 1.

1. Prerequisites of sociological knowledge.
2. Cross-disciplinary matrix of sociology.
3. Intra disciplinary structure of sociology.

4. Social space and its characteristics.
5. Status of inconsistency of social ideas.

Темы для докладов к Модулю 1.

1. Stages of development of society.
2. Origin of the early states.
3. Modern society and its features.
4. Historical types of stratification. Third estate and Great French revolution.
5. Stratification of the mixed type.

Темы для рефератов к Модулю 2.

1. Closeness and openness of the Russian society.
2. Two waves of marginalization in Russia.
3. Obvious and latent functions of social institutes.
4. Dynamics of social institutes.
5. Functions and content of social control.

Темы для докладов к Модулю 2.

1. Interpretations of deviant behavior.
2. Organized crime of teenagers.
3. Professional crime.
4. Crime roots in Russia.
5. Conditions of crime in the world.

Темы для рефератов к Модулю 3.

1. Institute of marriage and its historical forms.
2. Classifications of the family.
3. Kinds of premarital behavior.
4. Leadership problems in the family.
5. Crisis of the institution of the family and marriage.

Темы для докладов к Модулю 3.

1. Characteristics of political institutes of society.
2. Civil society and constitutional state.
3. State as a political institute.
4. Forms of government and political regimes.
5. Historical typology of election.

Для обсуждения на семинарских занятиях заключительного модуля предлагаются примерные темы по методологии и методам социологических исследований:

1. Drawing up program of a sociological research.
2. Differentiation of the terms *typicality*, *probability*, *statistics*.
3. Algorithms of a selective research.
4. Classification of types of an empirical research.
5. A role and efficiency of the sociological tool in a research.
6. Characteristic of the main methods of sociology.
7. Features of a technique of the American researches.

8. Questionnaire. Structure of the questionnaire and types of questions.
9. Marketing researches.
10. Observation, content analysis, experiment: the general and the specific.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Поощрение использования цифровой техники в подготовке магистрантами презентаций, сопровождающих рефераты, доклады, сообщения и т.п., апелляция к аутокоммуникации в подготовке как диалогического, так и монологического высказывания способствуют развитию и совершенствованию информационно-коммуникационной компетентности магистранта. Использование уровневой модели в обучении иностранному языку магистрантов-социологов повышает их компетентность, профессионализм, успешно стимулируя их саморазвитие и самореализацию. Комплексный подход приводит к оптимальным решениям и рациональным действиям в обучении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опыт обучения иностранному языку в междисциплинарном русле позволяет убедиться в том, что лишь плотное взаимодействие между разными кафедрами, обеспечивающими учебный процесс по данной специальности, дает возможность координировать последовательность изучения различных учебных дисциплин вместе с их содержательным наполнением, позволяет согласовывать соотношения между различными видами учебных занятий, не утрачивая при этом собственную ингерентную логику каждой конкретной преподаваемой дисциплины. Интеграция фундаментальной и вариативной дисциплины есть залог успеха в обучении магистрантов, в совершенствовании их профессиональных компетенций.

REFERENCES

- Voronov M.V., Gerasimenko P.V., Pismensky G.I. (2017). Razrabotka virtual'noy sredy samostoyatel'noy podgotovki studentov [Development of the virtual environment of independent training of students]. *Innovastii v obrazovanii*, (9), 31-44.
- Kitova E.T., Skibitsky E.G. (2017). Postroyeniye metodicheskoy sistemy podgotovki magistrantov na osnove kompleksnogo podhoda [Creation of a methodical system of training of undergraduates on the basis of an integrated approach]. *Innovastii v obrazovanii*, (10), 52-61.
- Leontyev D.A., Lebedeva A.A., Kostenko V.Yu. (2017). Trayectori lichnostnogo razvitiya: rekonstruktsiya vzglyadov L.S. Vygotskogo [Trajectories of personal development: reconstruction of views of L.S. Vygotsky]. *Voprosy obrazovaniya*, (2), 98-112.
- Perevozny A.V. (2017). Kachestvo obrazovaniya: sushchnost', sodержaniye, predposylki [Quality of education: an entity, contents, premises]. *Innovastii v obrazovanii*, (7), 31-43.
- Razumovsky A.I. (2017). Upravleniye znaniyami v obrazovatel'nom protsesse [Management of knowledge in educational process]. *Kachestvo. Innovatsii. Obrazovaniye*, (6/145), 3-5.
- Skakunova V.A. (2017). K voprosu o ponyatii informatsionno-kommunikatsionnoy kompetentnosti vypusknikov pedagogicheskikh spetsial'nostey yazykovogo vuza [To a question of a concept of information and communication competence of graduates of pedagogical specialties of a language higher education institution]. *Vyssheye obrazovaniye segodnya*, (5), 30-32.

Solovyova E.S., Fedulenkova T.N. (2016). Iz opyta formirovaniya linguokul'turologicheskikh kompetentsiy v obuchenii angliyskomu yazyku budushchih kul'turologov [From experience of formation of linguoculturological competences of training in English of future culturologists]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, (4); URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=24902> (date of access: 15.01.2019).

Tyurikov, A.G. (2017). Innovatsionnost' obrazovaniya v ponimaushchem tselepolaganii [Innovation of education in the understanding goal-setting]. *Innovastii v obrazovanii*, (11), 68-73.

Fedulenkova T.N. (2016). Lektsii po angliyskoy frazeologii bibleyskogo proishozhdeniya [Lectures on the English phraseology of biblical origin]. Moskva: Academy of Natural sciences.

Chub E.V. (2017). Modelirovaniye kak sredstvo razvitiya i sovershenstvovaniya kompetentsiy pedagoga v usloviyah vnedreniya professional'nyh standartov [Modeling as a development tool and improvement of competences of the teacher in the conditions of introduction of professional standards]. *Innovastii v obrazovanii*, (8), 39-46.

Fedulenkova T.N. (2016). Cross-cultural awareness of phraseology in ESP learning [Cross-cultural awareness of phraseology in ESP learning]. *Kontsept i kul'tura: dialogovoye prostranstvo kul'tury: yazykovaya lichnost'*. Tekst. Diskurs: Sb. statey VI mezhdunarod. nauch. konf. Kemerovo: KemGU; Yalta: Crimean federal un-t imeni V. I. Vernadskogo. 230-236.

Information about the author: Tatiana Fedulenkova – Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Foreign Languages of Professional Communication of the Institute for the Humanities, Vladimir State university named after the Stoletov Brothers. Member of Professorial Assembly of Russian Federation. Member of the Scientific Council on philological sciences of RPB, Correspondent member of RANH (Russia)

e-mail: fedulenkova@list.ru

Сведения об авторе: Татьяна Николаевна Федуленкова - доктор филологических наук, профессор, Владимирский государственный университет им. братьев Столетовых. Член профессорского собрания Российской Федерации, член Научного Совета по филологическим наукам РПС, член-корреспондент РАН (Россия)

e-mail: fedulenkova@list.ru

Information about the author: Ekaterina Solovyeva - Master of Arts of Humanitarian Institute of Vladimir State University named after the Stoletov Brothers.

e-mail: ks070696@mail.ru

Сведения об авторе: Екатерина Сергеевна Соловьева - Магистр Гуманитарного института Владимирского государственного университета им. братьев Столетовых.

e-mail: ks070696@mail.ru

Manuscript received: 12/06/2018

Accepted for publication: 01 /25/2019

Рукопись получена: 12/06/2018

Принята к печати: 01/08/2019

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-106-114>

Anna Petrikova
PhD, Assistant Professor
Preshov University
(Preshov, Slovakia)
e-mail: anna.petrikova@unipo.sk

LINGUODIDACTIC PROBLEMS OF TEACHING CLOSE LANGUAGES

Abstract. The article deals with the problems of mastering a foreign language as a result of the influence of the native language on a foreign one. While comparing the content and formal aspects of the lexical units of both languages, the following phenomena can be identified: matching in both languages; partially matching and non-matching. The linguodidactic description of the lexical units of the Slovak and Russian languages is based on the linguistic statement about the word as a sign unit that has a plan of content (sememe) and form (lexeme). The most common type is interlingual interference which is manifested in the process of mastering the Russian language. On the basis of the onomasiological approach, the article examines some possibilities of transferring the paradigm of the native language to a foreign one.

Key words: asymmetry, bilingualism, lexical interference, language contacts

Анна Петрикова
Доктор философии, ассистент профессор
Прешовский университет
(Прешов, Словакия)
e-mail: anna.petrikova@unipo.sk

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

Аннотация: В данной статье рассматриваются проблемы усвоения иностранного языка в результате влияния родного языка на изучаемый. При сопоставлении содержательной и формальной сторон лексических единиц обоих языков можно выявить следующие явления: несовпадающие в обоих языках; частично совпадающие в языках и несовпадающие в обоих языках. В основе лингводидактического описания лексических единиц словацкого и русского языков лежит лингвистическое положение о слове как знаковой единице, которая имеет план содержания (семема) и формы (лексема). Самым распространенным типом является межъязыковая интерференция, к которой принадлежит и лексическая интерференция, которая проявляется в процессе усвоения русского языка. На основе ономазиологического подхода в статье рассмотрены некоторые возможности переноса парадигмы родного языка в иностранный.

Ключевые слова: асимметрия, билингвизм, лексическая интерференция, языковые контакты

ВВЕДЕНИЕ

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В СЛОВАКИИ

Преподавание русского языка и литературы в словацкой системе образования традиционно исходит из генетической взаимосвязанности русского и словацкого языков. Принцип родства славянских языков и типологической близости имеют значительное влияние на усвоение фонетики, лексики, грамматики в процессе обучения. При лингводидактическом описании языковых единиц соблюдается принцип лингвистического сопоставительного описания. Процесс обучения обычно начинается с нулевой ступени овладения неродным языком, но данный процесс не такой трудный в силу того, что слова общеславянского языка до сих пор используются и в русском и в словацком языках. В данную группу входят слова типа: *отец, сестра, брат, вода, гора, камень, нос, рука, па-лец, день, вечер, ночь, лето, зима, осень, снег, липа, дуб, тополь, соль, железо, сила, игла* и т.п.. Данные и подобные им единицы представляют важную составляющую потенциальных ресурсов для рецептивных способностей, изучающих русский язык в словацких учебных заведениях.

Целью данной статьи является анализ выбранных проблем при усвоении словацкого как близкородственного языка, а именно возникновение лексической интерференции как результата контакта языков, а так же возможности предотвращения ошибок в иноязычном обучении.

Теоретическая основа исследования сформирована трудами Э. Хаугена, У. Вайнрайха, Ю. А. Жлуктенко, Л. В. Щербы, М. Рогалья.

Основным методом исследования является сопоставление характеристик лексических единиц в русском и словацком языках, при которых проявляются интерференция в процессе изучения русского языка как иностранного.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Взаимодействие близкородственных языков создает сложное явление языкового контакта (ЯК), который многообразно функционирует на разных уровнях языка и речи. Термин ЯК впервые предложил Андре Мартин (Haugen 1966). Значительный вклад в теорию языковых контактов внес У. Вайнрайх (Weinreich 1979). В ней он наметил общие направления в исследовании данного явления и на материале ряда языков рассмотрел случаи морфологической интерференции в связи с различной грамматической функцией морфем и вероятностью их перенесения из одного языка в другой.

Языковые контакты – это такая разнообразная деятельность, которая реализуется в процессе употребления языка. Ю.А. Жлуктенко в монографии «Языковые контакты» пишет по этому вопросу следующее: «Языковой контакт и взаимодействие языков отличаются друг от друга тем, что соотносятся как причина и следствие. Пока между двумя языками не установится тот или иной тип контакта, между ними не может быть никакого взаимодействия. Между двумя парами языков может установиться одинакового типа контакт, а взаимодействие между ними может приобретать разный характер, в зависимости от целого ряда лингвистических и внелингвистических факторов» (Zhлutenko 1966: 12). В процессе использования языка проявляется социальная сущность языка, процессуальность, изменение и функция языковой системы.

Значительный вклад в упорядочение фундаментальных понятий теории языковых контактов внес А. Е. Карлинский, разграничив проявление результата языкового контактирования либо в речи билингва на одном из языков (речевая мутация), либо в языковой системе (языковая диффузия). А. Е. Карлинский выводит четыре аспекта взаимодействия языков (Karlinskij 1972: 7-8).

На языковые контакты могут влиять как лингвистические, так и экстралингвистические факторы. К лингвистическим факторам Ю.А. Жлуктенко относит: длительность и устойчивость ЯК (Zhлutenko 1966: 7-8); наличие/ отсутствие непосредственного ЯК (Zhлutenko 1974: 12); структурное соотношение контактирующих языков (Zhлutenko 1974: 18). К экстралингвистическим факторам ученый относит социологические, политические, экономические, культурные и этнические факторы (Zhлutenko 1974: 11). Таким образом, на языковые контакты влияет не только сама система языков, но и исторические, географические, общественно-политические, культурные, психологические факторы и условия пребывания билингва.

БИЛИНГВИЗМ И ДВУЯЗЫЧИЕ

В современной науке есть несколько направлений разграничения типов билингвизма. Представители одного из направлений считают самым существенным разделением внутрисубъектных типов билингвизма по параметру наличия либо отсутствия внутрисубъектной связи между двумя языковыми системами, или соотнесенности двух речевых механизмов между собой. Впервые такая классификация билингвизма была разработана Л. В. Щербой (Shcherba 1974), затем повторена У. Вайнрайхом (Weinreich 1999) независимо от первого. В дальнейшем предложенное Л. В. Щербой разделение двуязычия на чистое и смешанное стало пользоваться среди исследователей широкой популярностью. Сущность этого критерия в том, что обе языковые системы могут функционировать независимо друг от друга или могут быть связаны между собой во время акта речи. Если, например, билингв употребляет только одну языковую систему в определенной речевой ситуации (например, на работе), а в другой речевой ситуации (например, дома) — другую языковую систему, то на практике речевые механизмы никак не связаны друг с другом. В статье «К вопросу о двуязычии» (Shcherba 1974: 313-319) двуязычием Л. В. Щерба называет «способность тех или иных групп населения объясняться на двух языках» (Shcherba 1974: 313). Если «член двух взаимоисключающих друг друга групп никогда не имеет случая употреблять два языка попеременно», то такое двуязычие Л. В. Щерба называет чистым. Таким образом, делается вывод, что носители этого типа билингвизма в определенной степени *монолингвистичны*, то есть способны пользоваться только одним языком в конкретной ситуации. Примером чистого билингвизма может быть случай, когда в семье используется один язык, а языком общения на работе, в магазине, транспорте других общественных местах является другой язык.

В иноязычном обучении чаще говорим об искусственном билингвизме. Для таких учащихся характерно то, что они в основном изучают русский язык как иностранный язык в школе и вузе, а дома и на улице общаются на родном языке. Однако, в Словакии, на протяжении последних 5 лет, в связи с геополитической ситуацией в Украине, увеличилось количество учащихся из Украины. По данным агентства «Международная организация мигрантов» (онлайн) в 2017 году в Словакии находилось 104 451 мигрантов, причем

15,4 % составляют жители Украины. Обучаемые из Украины владеют украинским языком, а также русским. В данном случае трудно говорить о двуязычии или билингвизме в чистом виде, поскольку украинский и русский языки оказываются родными, а словацкий — приобретенным. Скорее всего это вариант смешанного билингвизма, когда обе языковые системы связаны между собой во время акта речи. При «смешанном двуязычии» (Term of Shcherba), устанавливаемом в процессе самообучения, оба языка формируют в сознании говорящего лишь одну систему категорий таким образом, что любой элемент языка имеет тогда свой непосредственный эквивалент в другом языке. В этом случае отрицательное влияние одного языка на другой прогрессирует, захватывая все более широкие слои языка и приводя к образованию языка с одним планом содержания и двумя планами выражения. При несмешанном двуязычии усвоение второго языка происходит в процессе обучения, в ходе которого обучающемуся сообщаются правила установления соответствий между элементами родного и изучаемого языков и обеспечивается рациональная система закрепления этих соответствий в памяти. При нем влияние родного языка на изучаемый со временем постепенно ослабевает, уступая место правильному переключению от одного языка к другому.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ КАК ПРОДУКТ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Понятие интерференции заимствовано из естественных наук. В лингвистике появляется в работах ученых Пражского лингвистического кружка, которые под интерференцией понимали «процесс отклонения от норм контактирующих языков» (Weinreich 1978: 22). Языковые контакты являются первоисточником интерференции. Более того, В.Ю. Розенцвейг (Rozencvejg 1963, 64) предлагает «принять за аксиому, что нет двуязычия без интерференции». Ю. О. Жлуктенко также считает интерференцию результатом ЯК и указывает на изменения в значениях, форме и структуре языковых единиц (Zhлutenko 1966).

Межъязыковая лексическая интерференция проявляется в том, что сходные по форме слова двух контактных языков (*vôňa* – *запах*, *zápach* – *вонь*, *zaschnutý* – *черствый*, *čerstvý* – *свежий*) ошибочно воспринимаются носителями того и другого языка как семантически тождественные и употребляются в качестве эквивалента. При этом основанием для ошибочного вывода о тождественности семантического наполнения таких слов служит их звуковое сходство.

Межъязыковая лексическая интерференция может быть семантической и морфологической. Семантическая интерференция возникает в тех случаях, когда межъязыковые корреляты формально сходны, но не имеют вовсе или имеют только одно сходное значение, например: *живот* ≠ *život* → **Живот** в деревне ему надоел./**Жизнь** в деревне ему надоела. *On obetoval svoj život/ жизнь* – *Он пожертвовал своей жизнью*// *brucho* – *Bolí ho brucho/живот* – *У него болит живот*); *родина* ≠ *rodina* → **Наша родина** состоит из четырёх человек. / **Наша семья** состоит из четырёх человек. Морфологическая же интерференция возникает в тех случаях, когда корреляты сходны по семантике, но не сходны формально, т. е. если конечный формант, вопреки ожиданиям аналогии с родным языком, с ним не совпадает, а оказывается другим, например: *štvrtok* → *Приходи в четверг*./ *Приходи в четверг*.

Одной единице словацкого языка могут соответствовать несколько единиц русского языка или наоборот. В плане парадигматики и синтагматики у них разные возможности. Явление несовпадения семантики слова М. Рогаль называет «семантической асимметрией» (Rogal' 1994: 81). Данные отношения семантической интерференции можно показать на следующих примерах:

boj – бой, сражение, схватка, борьба; *chodit'* – ходить, ухаживать, ездить; *list* – лист, лепесток, страница, письмо, справка; *práca* – работа, служба, труд, занятия, дело.

К. И. Курбанова считает, что «механизм интерференции связан именно с проявлением асимметрии в языке и заключается в смешении формально подобных единиц одного (паронимия) или разных языков, которое приводит к нарушению языковой нормы» (Kurbanova 2012). Семантическая интерференция связана, прежде всего, с многозначностью слов.

Кроме межъязыковой интерференции выделяем внутриязыковую интерференцию, куда относятся категория явлений, возникших под влиянием того же языка, например, под влиянием спряжения глаголов *читать, -ю, -ешь; гулять, -ю, -ешь* и по аналогии образованные неправильные формы глаголов: *рисовать/рисоваю/рисоваешь, танцевать/танцеваю/танцеваешь*.

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Межъязыковая интерференция в лингводидактическом контексте понимается как отрицательное явление, создающее условия для появления в использовании языка ошибок.

Положительный перенос языковых единиц, *трансфер*, наоборот способствует изучению иностранного языка.

При сопоставлении лексики словацкого и русского языков разграничивают явления:

1. совпадающие в обоих языках по форме и содержанию (*brat* – брат, *park* – парк, *otec* – отец, *tata* – мама, *ulica* – улица, *čaj* – чай, *deň* – день),

2. частично совпадающие в языках по выражению (*album* – альбом, *adresa* – адрес, *apríl* – апрель, *problém* – проблема),

3. несовпадающие по выражению в обоих языках (*lekár* – врач, *byt* – квартира, *krok* – шаг, *mesto* – город, *prázdniny* – каникулы).

Указанные связи возникают как результат близости двух родственных языков: словацкого и русского. Этот трансфер учитывается при обучении иностранного языка в словацкой среде: можно предположить одинаково функционирующие единицы, тексты. Полная эквивалентность упрощает также процесс коммуникации.

Лингводидактическое описание лексики в аспекте языковых контактов учитывает не только лингвистическое сопоставительное исследование лексики (основное положение: слово как знаковая единица владеет внешней и внутренней стороной), но и дидактическое значение при усвоении иностранного языка. Главным образом, необходимо соблюдать принципы лингводидактического описания с учетом практических целей (Rogal' 1994) обучения.

Используя ономаσιологический подход с учетом возможной интерференции можно выделить следующие виды отрицательного переноса:

1. Перенос деривационной парадигмы словацкого языка на русский: *Книгу можно одолжить в книжнице* (в библиотеке); *В здании просторное сходиште* (лестница).
2. Перенос отсубстантивных мотивированных наименований: *Когда идет дождь, надо иметь даждник* (зонтик); *читать читанку* (хрестоматию); *писать в писанке* (тетрадь).
3. Перенос мотиванта словацкого языка, образуя лексический гибрид: *В нашей едални* (столовая) *можно хорошо покушать*; *я взял свой утерак* (полотенце).
4. Перенос словацкого мотиванта на место русской непроемной единицы: *За лекарством нужно ехать в лекарень* (аптеку); *Гости приехали в предвечер* (накануне) *праздника*.
5. Перенос сложных наименований словацкого языка в русский на основании их совпадения по семантике и форме: *добросрдечный* (добросердечный) *человек*; *двойместное* (двухместное) *купе*; *испорченный* (водопровод) *водовод*.

Особое место в наборе интерференционных ошибок занимают слова, т.н. межъязыковые омонимы, которые усложняют процесс усвоения русского языка: *baňa* – рудник, шахта, копь, *banja* – *parný kúpeľ*, *banka* – банк; *banka dát, údajov* – база данных; *колба, банка* – *rohár*; *plechovka*; *fľaša*; *piesočný nános*; *piesočná plytčina*; *banka*; *lavica* (v člne); *sedadlo*; *skriňa*; *plytčina*, *batoh* – узел (вещевой), сумка на спине, *batog* – *chabina*, *palica*; *bič*, *baza* – бузина, *база* – *základňa*; *stredisko*; *báza*; *sklad*; *základ*; *rázvor*; *zásobovacie stredisko*; *základná adresa*; *zásada*, *báseň* – стихотворение, поэма, *басня* – *bájk*; *dohádat sa* – кончить спор, *догадаться* – *domyslieť si, dovtípiť sa*; *dohadovať sa, hádať sa* – спорить, *догадываться* – *prichadzať na čo, domýšľať si*; *dohrýzť* – искушать (*pohrýzť*); *прекратить кусать, догрызть* – *hrýzť pred koncom*).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Интерференция в процессе усвоения иностранного языка является объективным атрибутом. На практике необходимо добиться минимализации ошибок как последствия влияния родного языка на изучаемый. Одним из таких приемов является семантизация лексики, используя антонимы (*истина* – *ложь*, *мужчина* – *женщина*, *трудный* – *легкий*). Далее используются синонимические пары, синонимические эквиваленты, совпадающие частично или полностью (*пес, собака* – *pes, перстень, кольцо* – *prsteň*), хотя семантизация через синонимические ряды может усложняться, потому что сложна сущность самой лексической синонимии.

Одним из эффективных методов выявления специфики русско-словацкой омонимии является межъязыковое сопоставление омонимических пар, поиск подходящих эквивалентов, использование в разных ситуациях общения.

В учебнике «Дидактика русского языка» (Petrikova, Kuprina, Gallo 2013) мы приводим систему упражнений, которые целесообразно использовать с целью минимизации лексической интерференции:

- переведите на родной язык предложения, составленные с разными значениями слов, но с одинаковой формой (возможен иной вариант: с одинаковым значением и разной формой), например: *Свадебное платье напоминает наряд сказочной королевы. Купите белый костюм классического фасона. У нас вы можете купить стильные платья девочке по низкой цене. Наряды – это документы, которыми может быть начислена*

заработная плата. После наряда, то есть распоряжений по работам завтрашнего дня, Коля вернулся к своему деду. Солдат получил наряд вне очереди.

- Подбор к словам антонимов.

*К словам из правого столбика подберите антоним из левого столбика:

снимать   развязать
одевать   продавать
застёгивать   расстёгивать
покупать   раздевать
завязать   надевать

*Прочитайте диалог и подчеркните слова с противоположным значением:

Знаешь, – говорит Мишутка, – раньше я был большой большой, как дядя Боря, а потом сделался маленький.

– А я, – говорит Стасик, – сначала был маленький, а потом вырос большой, а потом снова стал маленький, а теперь опять скоро буду большой.

– А я, когда был большой, всю реку мог переплыть, – говорит Мишутка.

(N. N. Nosov “Fantazyory”)

С целью предупреждения таких ошибок целесообразно проводить работу в выборе между контактирующими конструкциями.

*Прочитайте отрывок из рассказа Н. Н. Носова «Фантазёры. Найдите глаголы думать, выдумать и определите их значение.

– А ты думаешь, легко выдумывать!

– Чего проще!

– Ну, выдумай что-нибудь.

– Сейчас... – сказал Игорь. – Пожалуйста.

Мишутка и Стасик обрадовались и приготовились слушать.

– Сейчас, – повторил Игорь. – Э э э... гм... кхм... э э э...

– Ну, что ты всё «э» да «э»!

– Сейчас! Дайте подумать.

– Ну, думай, думай!

– Э э э, – снова сказал Игорь и посмотрел на небо. – Сейчас, сейчас... э э э...

– Ну, чего же ты не выдумываешь? Говорил – чего проще!

– Сейчас... Вот! Один раз я дразнил собаку, а она меня цап за ногу и укусила. Вот даже шрам остался.

– Ну и что же ты тут выдумал? – спросил Стасик.

– Ничего. Как было, так и рассказал.

– А говорил – выдумывать мастер!

(N. N. Nosov “Fantazyory”)

* Составьте словосочетания:

трудный   чемодан
опасный   путь
тяжёлый   день

Цель следующего упражнения – выделить слова из тематической группы, которые служат источником интерферентных ошибок из-за незнания значения членов ряда.

*Из данной тематической группы выберите слово, которое туда не входит:

платье, наряд, костюм, валенки (валенки)
брюки, шорты, кофта, джинсы (кофта)
брюки, джинсы, шорты, рейтузы (рейтузы)
фрак, смокинг, платье, пижама (пижама)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, для словацких обучаемых характерен искусственный билингвизм, в условиях которого наблюдается интерференция, конкретно – это лексическая интерференция, под которой понимаются случаи отклонения от нормы, наблюдаемые в речи билингва на вторичном языке, связанные с нарушением категориальных признаков лексических единиц и возникающие под влиянием соответствующих категорий первичного языка. Сложности лексико-семантических отношений единиц словацкого и русского языков влияют на процесс усвоения русского языка, несмотря на то, что контактирующие языки близкородственные. С целью редукации явлений интерференции необходимо использовать языковые и речевые упражнения, которые создают единую систему соответствующей учебным целям. При рассмотрении лексики, ее совпадения или безэквивалентности в словацком и русском языках, необходимо учитывать сопоставление отношений в лексике обоих языков на парадигматическом уровне, а также использовать ономаσιологический подход.

REFERENCES

- Vajnrajh, U. (1979). Jazykovye kontakty. [Sostojanie i problemy issledovanija. Language contacts. State and problems of a research]. Per. s angl. Ju.A. Zhluktenko. Kiev: Vishha shkola. Izd-vo pri Kievskom universitete.
- Zhluktenko, Ju. A. (1966). Movni kontakti. [Language contacts]. Kiev: Vid-vo Kiiv. un-ta.
- Zhluktenko, Ju. A. (1974). Lingvisticheskie aspekty dvujazychija. [Linguistic aspects of bilingualism]. Kiev: Vishha shk. Izd-vo pri Kiev. un-ta.
- Karlinskij, A. E. (1972). Tipologija rechevoj interferencii. [Typology of a speech interference] // Zarubezhnoe jazykoznanie i literatura. [Foreign linguistics and literature]. Vyp. 2. Alma-Ata, 9-10
- Kurbanova, K. I. (2012). Mezhjazykovaja semanticheskaja interferencija (na materiale francuzskogo, anglijskogo i russkogo jazykov). [An interlingual semantic interference (on material of the French, English and Russian languages)] // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. [Scientific notes of the Oryol state university]. Orel: Orl. gos. un-ta.
- Medzinárodná organizácia migrantov. [International organization of migrants]. URL: <https://iom.sk/sk/migracia/migracia-na-slovensku>- Data obrashhenija: 12.01.2019.
- Petríková, A. – Kuprina, T. – Gallo, J. (2013). Didaktika ruštiny. I. [Russian didactics I]. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove. Filozofická fakulta.
- Rogal', M. (1994). Bilingval'noe opisanie leksicheskogo aspekta jazykov v uchebnyh celjah. [The bilingual description of lexical aspect of languages in the educational purposes]. Nitra: Vysoká škola pedagogická v Nitre.
- Rozencvejg, V. Ju. (1972). Jazykovye kontakty. [Language contacts]. Leningrad.: Nauka, 1972.

Haugen, Je. (1972). Jazykovej kontakt. [Language contact]. // Novoe v ligvistike. [New in a ligvistika]. Sostavlenie, redakcija, vstupitel'naja stat'ja i kommentarij: V. Ju. Rozencvejg. Moskva: Progress.

Shherba, L.V. (1974). Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'. [Language system and speech activity]. Leningrad.: Vysshaja shkola.

Weinreich, U. (1999). Languages in Contact. V serii «Zarubezhnaja lingvistika». [Foreign linguistics] Moskva: Progress, t. 3.

Information about the author: Anna Petrikova - PhD, Assistant Professor, Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy of Preshov University. Professor of the Russian Academy of Natural History (Moscow), Coordinator of the Erasmus + Program of the Institute of Russian Studies at the Faculty of Applied Physics in the Preshov, coordinator of student research activities, member of Slovak-Russian public organization in Slovakia (Slovakia)

e-mail: anna.petrikova@unipo.sk

Сведения об авторе: Анна Петрикова - доктор философии, ассистент профессор кафедры русистики Философского факультета Прешовского университета (Словакия), профессор Российской Академии Естествознания (Россия), координатор программы Erasmus + кафедры русистики ФФ ПУ в Прешове, координатор студенческой научной деятельности, член Словацко – русской общественной организации в Словакии (Словакия)

e-mail: anna.petrikova@unipo.sk

Manuscript received: 12/08/2018

Accepted for publication: 01 /25/2019

Рукопись получена: 01/08/2018

Принята к печати: 01/25/2019

PEDAGOGICS

DOI: <https://doi.org/10.33739/2587-5434-2019-115-121>

Galina Petrova,
D.Sc. (Philosophy), Professor,
Svetlana Gural,
D.Sc. (Education), Professor,
Valentina Barchugova,
Senior Lecturer,
Marina Korneeva
Candidate of Science, Senior Lecturer
National Research Tomsk State University
(Tomsk, Russia)
e-mail: seminar_2008@mail.ru
gural.svetlana@mail.ru
vbarchugova@yandex.ru
active_eng@mail.ru

CHALLENGES POSED BY THE NEW PROFESSIONAL WORLD TO MODERN EDUCATION

Abstract. This article concerns the need to orient modern education towards the vocational training of higher education graduates which would be relevant to the demands and conditions of that particular stage of social development which is commonly referred to today as ‘the knowledge society’ (or ‘the cognitive society’). The basis of studying this issue is the recognition that recognizing that major changes have taken place in the professional world as a whole, and, inter alia, in various professions. The modern professional world uses new terminology intended to define emerging new professions. This world has lost its former robustness and is now extremely fluid with the emergence of new professions and the disappearance of old ones. What should be the educational strategy to keep up with this dynamic? How and what can a student be taught if the sum of knowledge acquired over 5-6 years of study threatens on graduation to become something different and a burden in the new professional realities that have taken shape? To leave education in such a stable condition, not to change its content and dismiss any consideration of the issues raised, would mean preserving a system whereby graduates are taught but not prepared for the new professional world outside the institution. Consequently, a relevant methodological platform for modern education can only be that which aligns itself with procedurality – that is, the progression and development of knowledge.

Key words: *the professional world, knowledge society, content of education.*

Г. И. Петрова,
доктор философских наук, профессор
С. К. Гураль,
доктор педагогических наук, профессор,
В. Р. Барчугова,
старший преподаватель
М. А. Корнеева
кандидат педагогических наук, старший преподаватель
Томский государственный университет
(Томск, Россия)
e-mail: seminar_2008@mail.ru
gural.svetlana@mail.ru
vbarchugova@yandex.ru
active_eng@mail.ru

ВЫЗОВЫ НОВОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МИРА СОВРЕМЕННОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

Аннотация. Статья затрагивает вопрос относительно необходимости ориентации современного образования на профессиональную подготовку выпускников вуза, которая была бы релевантной требованиям и условиям того этапа социального развития, который сегодня получил название «общество знания» (или «когнитивное общество»). Исходным положением исследования этого вопроса является признание образованием принципиальных изменений, осуществляющихся в профессиональном мире в целом и в содержании отдельных профессий в том числе. Современный профессиональный мир оперирует новой терминологией, предназначенной для определения появившихся новых профессий. Этот мир потерял прошлую устойчивость, является чрезвычайно подвижным в связи с постоянным появлением новых профессий и отмиранием старых. Какую образовательную стратегию должно избрать образование, чтобы соответствовать этой динамике? Чему и как учить современного выпускника, если та сумма знаний, которую он может получить в течение 5-6 лет пребывания в вузе, грозит по его окончании измениться и превратиться в обузу в своем несоответствии профессиональному миру, изменившемуся за это время в своем содержании. Оставить образование в стабильном состоянии, не менять его содержания и допустить отсутствие рефлексии по поводу поставленных вопросов означало бы консервацию в системе подготовки выпускников, не готовых встретиться с новым профессиональным миром. Следовательно, релевантной методологической платформой современного образования может быть только та, которая ориентирует на процессуальность – движение и развитие знания.

Ключевые слова: профессиональный мир, общество знания, содержание образования.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретико-методологическая основа рассматриваемого вопроса обращается к специфике современного социального развития, которая состоит в том, что оно не базируется на какой-либо социальной или культурной доминанте (в отличие от его прошлых состояний, когда в качестве таковой в античности выступала философия, в средние века – религия, в новое время – наука), устойчиво удерживающей в своих границах общество. Напротив, современность знает непрерывность инновационного движения и постоянство самоорганизационного перехода к новым состояниям. Метафорами такого общества оказываются «кризис», «хаос», «переход». Беспрецедентность этих состояний в том, что они в отличие от прошлых исторических периодов подобного рода не являются временными состояниями: «хаос» – это и есть «порядок» как норма, а «переход» и «кризис» не являются временными состояниями, которые следует переждать. «Переход» и «кризис» – это норма современного состояния социальности. В «кризисе», «хаосе» и «переходе» надо научиться жить. Такая задача, в первую очередь, стоит перед современным образованием.

В таком же самоорганизационном образе предстаёт и современная наука, которая приобретает новую форму фундаментальности. Ею становится меж- или трансдисциплинарность, связанная с устранением дисциплинарных границ между различными естественными науками, с единением естественнонаучного и гуманитарного знания, фундаментальных и прикладных исследований. Примером подобного рода единства может служить междисциплинарное содержание нанотехнологий. Все это говорит о том, что наука и мир профессий изменили свое содержание так, что делают новые вызовы системе образования.

Если сегодня сказать, что современный профессиональный мир нуждается в новых профессионалах – таких, как маркетологи, специалисты по связям с общественностью, менеджеры, работники в сфере информационных технологий, био- и нанотехнологи, работники офисов, экологи, логисты, то это совсем не значит, что все это множество неизвестных ещё не так давно специалистов, завтра останется в том же устойчивом состоянии. Мир оцифровывается, и силы рынка и государства создают постоянно новые конфигурации и новые возможности любому человеку войти в область профессий со своими креативными идеями и создать новую профессиональную сферу.

ХОД ИССЛЕДОВАНИЯ И ЕГО ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Итак, ушла в прошлое та устойчивость профессионального мира, которая была характерна для теоретических установок основоположника учений о его содержании Адама Смита. Объясняя профессиональный мир производным от разделения труда, Адам Смит считал, что именно это соответствие между конкретным видом труда и профессией, его обслуживающей, способствует экономии времени, а, значит, является источником благосостояния государства: «При той организации, которую имеет теперь это производство, оно само в целом не только представляет собою особую профессию, но и подразделяется на ряд специальностей, из которых каждая в свою очередь является отдельным специальным занятием. Один рабочий тянет проволоку, другой выпрямляет ее, третий обрезает, четвертый заостряет конец, пятый обтачивает один конец для насаживания головки; изготовление самой головки требует двух или трех самостоятельных операций; насадка ее со-

ставляет особую операцию, полировка булавки – другую; самостоятельной операцией является даже завертывание готовых булавок в пакетики. Таким образом, сложный труд производства булавок разделен приблизительно на восемнадцать самостоятельных операций, которые в некоторых мануфактурах все выполняются различными рабочими» (Smith 1776). Профессией со времен Адама Смита считался определенный род занятий, устойчиво закрепленный за конкретной и тоже устойчивой операцией. Такого рода профессии могли длительное время воспроизводиться.

Сегодня изменилась и та ситуация, когда профессиональная деятельность рассматривалась в рамках ее функционального предназначения и содержания (Dyurkgeim 1996), (Yadova 2006). Это тоже сообщало профессии её устойчивость.

Таковы были классические модели профессии. Но современность внесла в классическую модель воспроизводства профессий и форм занятости динамику. Так, результаты исследований социологов показывают, что вследствие изменений содержания, например, медицинской профессии почти каждый шестой (15%) из опрошенных хотел бы стать медиком, а стал рабочим (17%), многие видели себя среди учителей или воспитателей, а работают в этой сфере лишь 4% (Yarskaya-Smirnova and Romanov 2012). Мир профессий меняется. Меняется хаотично: он и «оцифровывается», что, однако, не свидетельствует о том, что на рынке труда начинают пребывать только профессии, требующие знание, например, только высшей математики или компьютерных технологий. Е. Ярская-Смирнова и П. Романов, приводя данные своих исследований, говорят и о высокой востребованности низкоквалифицированного труда, о расширении сферы применения индивидуальной занятости (самозанятости) (Yarskaya-Smirnova and Romanov 2012).

Но во всех изменениях современного мира профессий нельзя не заметить одну общую черту: они, так или иначе, осуществляются под влиянием того значения, которое сегодня приобретает знание, ставшее ведущим фактором развития общества. Как результат этих изменений в последнее время новые профессиональные виды деятельности при их плюральности все в своем содержании являются высокоинтеллектуально насыщенными. Не случайно, что наряду с плюралистичностью терминологии, касающейся новых профессий, появился и термин, их объединяющий. Таким термином является «работник знания». В данном термине подчеркивается не столько специфика конкретной сферы профессиональной деятельности, сколько общая характеристика профессий и в целом всего профессионального мира.

«Работник знания» как общая характеристика современного профессионального мира, его всеобщий субъект представляет собой новую форму социального и интеллектуального капитала и как таковой делает вызов современному образованию. Профессиональная подготовка работника знания не относится к какой-то специфической сфере профессиональной деятельности, но, являя собой основную характеристику любой и каждой профессии, задает стратегию изменения содержания образования в целом.

Требуется, в первую очередь, разработка самого понятия «работник знания» как профессионала нового типа, для которого знание становится «инструментом» деятельности. Определение работника знания в качестве профессионального типа, соответствующего обществу знания, ставит перед образованием много новых задач, связанных как с характером образовательного процесса, так и с его результатами. И характер, и результаты определяются в направлении формирования таких личностных и профессиональных

компетенций, которые дают умения создавать знание, постоянно порождать его как новое.

Второй вызов современного профессионального мира образованию обусловлен тем, что знание, став основным источником и ресурсом развития общества и приобретя форму информации, дополнило свои традиционно гносеологические характеристики ещё и характеристиками социокультурными. В таком качестве оно инициирует новую функцию образования – через подготовку работника знания интеллектуализировать профессиональный мир и профессионала, который выходит на рынок знания и труда. Интеллектуализация всех сфер социальности инициировала создание новой социальной структуры общества (креативный класс, средний класс, оверстрат интеллектуалов, прекариат и др.), которая создаёт рынок интеллекта.

Это, в свою очередь, востребовало новые формы профессиональной деятельности. Как отмечает Пол Дрэйсон, сегодня требуются нано-медики, фермеры, которые будут специализироваться на генетически модифицированных сельскохозяйственных культурах, «вертикальные фермеры», которые будут заниматься выращиванием продовольствия в небоскребах в городах. Требуются виртуальные учителя, космические экскурсоводы, специалисты по увеличению объема человеческой памяти. Все эти профессии уже не относятся к области научной фантастики, и сегодняшним школьникам предстоит строить летающие автомобили и бороться с изменениями климата. Что касается прогнозирования будущих профессий, то социологи сегодня говорят о профессиях в сферах экологии, услуг, рынка вакансий нанотехнологий. К профессиям будущего относят также виртуальных учителей, космических экскурсоводов, специалистов по увеличению объема человеческой памяти и т. д.

(<https://www.telegraph.co.uk/news/uknews/6983353/Space-tour-guide-a-job-of-the-future-says-government-report.html>).

Как должно измениться содержание образования, чтобы удовлетворить этот вызов профессионального и социального мира?

Новый интеллектуально насыщенный профессиональный мир делает и третий вызов образованию, создавая новую профессиональную идентичность современного выпускника вуза. Она базируется на таких характеристиках, как метаспособности, когнитивная компетентность, креативность, предприимчивость, харизматичность, способность к самоопределению, риску, непрерывному образованию и пр. Сегодня в вуз пришёл новый студент: способный к самостоятельным рассуждениям, умеющий получать образование из различных источников, стремящийся к самореализации, предприимчивый, мечтающей о хорошей работе и приличной заработной плате. В то же время современный студент (и выпускник) имеет клиповое сознание, удовлетворяется поверхностным знанием, часто не имеет системного мышления. Культурно-антропологический портрет молодого человека сложен, и потому необходимо разработать адекватную методику изучения этой сложности на теоретическом и эмпирическом уровнях.

Нельзя не сказать и еще об одном серьезном вызове современному образованию. Он связан с этической стороной современного общества, которое оказалось чрезвычайно разобщенным. Констатируется, что индивид «заброшен» (М. Heidegger) в «пространство потоков» (М. Kastele) и оцифрован в знаковую форму существования. Индивидуализм стал нормой жизни в социальных сетях. Но такая «норма» жизни на самом деле не может быть нормой для мира глобализации. Напротив, когда общее мировое пространство не являет собой сумму

изолированных стран, но предстает миром тесных взаимосвязей и межкультурных коммуникаций, народы и страны нуждаются в сотрудничестве и доверии. Американский педагог и философ К.Дж. Джерджен, говоря о специфике образования в эпоху глобализации, пишет: «Когда люди во всём мире становятся всё более взаимозависимыми, и когда они получают возможность взаимного уничтожения (с помощью оружия или загрязнения), идеология самодостаточного индивидуализма ставит под угрозу само человеческое существование. (Gergen 2002). Авторы призывает обратить внимание на духовную атмосферу современного образования. Для российского образования вывод относительно подготовки человека в единстве профессионального рации и духовности имеет значение в том отношении, что он не исчерпал пафоса классических образовательных критериев.

REFERENCES

- Dyurkgejm E. (1996). O razdelenii obshchestvennogo truda. [On the Division of Social Labor] М.: Kanon
- Gergen K.J. (2002) Social Construction and Pedagogical Practice. Professiya // Sociologiya Truda. Teoretiko-prikladnoi slovar' [Profession// Sociology of Labor. Theoretical and Applied Reference Book] / Pod red. V. A. Yadova. SPb.: Nauka, 2006. S. 245
- Smith, A. (1776). An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations.
- Yarskaya-Smirnova E., Romanov P. (2012). Te samye professii: shkaly prestizha i ramki publichnosti // Antropologiya professij: granicy zanyatosti v ehpohe nestabilnosti [Those Professions: Scales of Prestige and Frames of Publicity // The Anthropology of Professions: Boundaries of Employment in an Age of Instability] / Pod redakciej P. Romanova, E. Yarskoj-Smirnovoj (Biblioteka Zhurnala issledovanij socialnoj politiki). М.: ООО-«Variant»-CSPGI, 236-str.

Information about the author: Svetlana Gural - D.Sc. (Education), Professor, Head of the Department of English Philology, Honored Worker of Higher Education in the Russian Federation; Distinguished Dean of Tomsk State University, Faculty of Foreign Languages, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).
e-mail: gural.svetlana@mail.ru

Сведения об авторе: Светлана Константиновна Гураль - доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии ТГУ, Заслуженный работник высшей школы РФ, Заслуженный декан Томского государственного университета (Томск, Россия).
e-mail: gural.svetlana@mail.ru

Information about the author: Galina Petrova - D.Sc. (Philosophy), Professor, Department of Ontology, Theory of Cognition and Social Philosophy, Faculty of Philosophy, Honored Professor of Tomsk State University (Tomsk, Russia).
e-mail: Seminar_2008@mail.ru

Сведения об авторе: Галина Ивановна Петрова – доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии, философский факультет, Заслуженный профессор Томского государственного университета. (Томск, Россия).

e-mail: Seminar_2008@mail.ru

Information about the author: Valentina Barchugova - Vice Dean, Senior Lecturer, Department of English Philology, National Research Tomsk State University, (Tomsk, Russia).

e-mail: vbarchugova@yandex.ru

Сведения об авторе: Валентина Райнгольдовна Барчугова – зам. декана, старший преподаватель кафедры английской филологии факультета иностранных языков Томского государственного университета (Томск, Россия).

e-mail: vbarchugova@yandex.ru

Information about the author: Marina Korneeva - Candidate of Science (Education), Senior Lecturer, Department of English for Natural Science, Physics and Mathematics Faculties, Faculty of Foreign Languages, Tomsk State University (Tomsk, Russia).

e-mail: active_eng@mail.ru

Сведения об авторе: Марина Александровна Корнеева – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры естественнонаучных и физико-математических факультетов факультета иностранных языков Томского государственного университета (Томск, Россия).

e-mail: active_eng@mail.ru

Manuscript received: 12/01/2018
Accepted for publication: 01 /08/2019
Рукопись получена: 12/01/2018
Принята к печати: 01/25/2019

Topics to be covered in the journal include:

1. Linguistics
2. Media culture
3. Translation
4. Language Teaching Methodology
5. Information technologies in philology and language teaching
6. Pedagogics

Summary of formatting instructions

Requirements for the text:

- Margins - top, bottom, left, right - 2.5 cm
- Orientation - portrait A4
- Single - spaced

Papers should include: the title, the author(s), the affiliation, the country, a summary and keywords in English.

The scientific article should include the following:

1. The title in CAPS, centered, font size: 14
2. The surname and first name of the author/authors, the organization, and the country are all typed under the heading: font size 11, Times New Roman. The e-mail address of author/authors should be also included, centered, font size 11, Times New Roman.
3. The summary (100 – 250 word limit) should be double-spaced under the author's/authors' information, and must include a brief description of the research goal, method, findings and conclusion. Font size 11, Times New Roman, single-spaced.
4. *Keywords* (no more than 5 words, font size 11, justified text) the general text should be single – spaced from the keywords.
5. The general text should be divided into headings and subtitles which are numbered. Font size 11, font type: Times New Roman, line spacing 1.5. Headings and subtitles are aligned to the left.

For example:

INTRODUCTION
LITERATURE REVIEW
RESEARCH METHODS
RESULTS AND DISCUSSION
CONCLUSION
LIST OF REFERENCES

6. Page limit: 7-8.

7. All the tables and drawings included in the text should be cited in numerical order (in Arabic numbers). Under all tables and drawings it is necessary to specify the source they were taken from (Source: author, book, journal, etc.). For drawings GIF format should be used. Times New Roman 10, single-spaced.

8. For example, **Fig. 2.** *Number of students 2005-2015*

9. **Table 1.** *English language proficiency of students*

10. In the reference section, list entries alphabetically by the last name of the primary author. Each source specified in the list of references must have the reference within the text. References to authors in the text are given in parentheses. One author – (Black, 2015), two authors – (Black and Nordy, 2013), three or more authors – (Black et. al., 2014).

11. An example of a list of references (originally published in English):

12. Publication in the journal:

13. Van der Geer, J., Hanraads, J.A. J., & Lupton, R.A. (2000). The art of writing a scientific article. *Journal of Scientific Communications*, 163, 51-59.

14. Book:

15. Strunk, W., Jr., & White, E. B. (1979). *The elements of style*. (3rd ed.). New York: Macmillan.

16. Example of a list of references (originally published in Russian):

17. The output of the sources must be transliterated, the title must be translated into English.

18. Bazhenova, N.G. (2011). Organ studencheskogo samoupravleniya: organizatsiya ili samoorganizatsiya? [Students self-management union: organization or self-organization?]. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka*, (4), 67-72.

19. Gura, A.V. (2002). *Slavyanskaya myphologia* [Slavic mythology]. (2 nd ed.). Moskva: Mezhdunarodniye otnosheniya.

Требования к оформлению материалов:

1. Лингвистика
2. Медиакультура
3. Перевод
4. Методика преподавания языков
5. Информационные технологии в филологии и преподавании языка
6. Педагогика

Оформление текста статьи:

- поля со всех сторон - 2,5;
- ориентация – книжная А4;
- интервал – одинарный.

Статьи, написанные на английском языке оформляют: название статьи, фамилию и имя, организацию, страну, аннотацию и ключевые слова на английском и русском языках.

Статьи, написанные на русском языке оформляют: название статьи, фамилию и имя, организацию, страну, аннотацию и ключевые слова на английском и русском языках.

Научная статья должна включать следующие элементы:

1. Название статьи; оформляется прописными буквами, по центру – шрифт 14;
2. Фамилия и имя автора/авторов, организация, страна - располагаются под заголовком - шрифт 11 Times New Roman. Электронный адрес автора/авторов по центру - шрифт 11 Times New Roman.
3. Аннотация (100 - 250 слов) располагается через два интервала под данными автора/авторов, должна в краткой форме содержать описание следующих параметров, представленных в статье: цель, метод, результаты, заключение. Шрифт 11 Times New Roman, интервал одинарный.
4. Ключевые слова (не более 5 - 6 слов, размер шрифта 11 пт., выравнивание по ширине) Основной текст статьи отделяется от ключевых слов одним интервалом;
5. Основной текст статьи должен быть поделен на заголовки и подзаголовки, которые нумеруются. Шрифт 11 Times New Roman, интервал 1,5. Заголовки и подзаголовки выравниваются по левому краю. Например:

ВВЕДЕНИЕ

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

6. Объем статьи должен быть не более 7-12 страниц.
7. Все таблицы и рисунки включаются в текст и должны иметь сквозную нумерацию. Под таблицами и рисунками необходимо указывать источник, из которого взят рисунок или таблица (Source: автор, книга, журнал и т.д.). Для рисунков используется GIF формат. Times New Roman 10, одинарный интервал.
8. Например, Fig. 2. Number of students 2005-2015
9. Table 1. English language proficiency of students
10. Список литературы оформляется в алфавитном порядке. Каждый источник, указанный в списке литературы, должен иметь ссылку в тексте. Ссылки на авторов в тексте статьи даются в круглых скобках. Один автор – (Black, 2015), два автора – (Black and Nordy, 2013), три и больше авторов – (Black et. al., 2014).
11. Пример оформления списка литературы (изданы изначально на английском языке):
12. Публикация в журнале:
Van der Geer, J., Hanraads, J. A. J., & Lupton R. A. (2000). The art of writing a scientific article. *Journal of Scientific Communications*, 163, 51-59. 14. Книга: 15. Strunk, W., Jr., & White, E. B. (1979). *The elements of style*. (3rd ed.). New York: Macmillan.
13. Пример оформления списка литературы (изданы изначально на русском языке): 17. Выходные данные источников должны транслитерироваться, название должно быть переведено на английский язык. 18. Bazhenova, N. G. (2011). Organ studencheskogo samoupravleniya: organizatsiya ili samoorganizatsiya? [Students self-management union: organization or self-organization?]. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka*, (4), 67-72. 19. Gura, A.V. (2002). *Slavyanskaya myphologia [Slavic mythology]*. (2 nd ed.). Moskva: Mezhdunarodniye otnosheniya.

Publishing House "UNIVERSAL", 2019

4, A. Politkovskaia st., 0186, Tbilisi, Georgia ☎ : 5 (99) 33 52 02, 5(99) 17 22 30
E-mail: universal505@ymail.com; gamomcemlobauniversali@gmail.com

Издательство "УНИВЕРСАЛ", 2019

Тбилиси, 0186, ул. А. Политковской №4, ☎ : 5(99) 33 52 02, 5(99) 17 22 30
E-mail: universal505@ymail.com; gamomcemlobauniversali@gmail.com

